

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2018. Том 16, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Компьютерная и прикладная лингвистика

- Пужаева С. Ю., Герасименко Е. А., Захарова Е. С., Рахилина Е. В.* Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке 5
- Люкина Е. В.* Использование универсальных зависимостей при грамматическом разборе многоязычного текста (на примере безличного предикатива) 19
- Домрачев М. А., Судоплатова С. Н.* Тестирование методов автоматического обнаружения границ морфем на материале азербайджанского языка 34
- Астахова Т. Н.* Корпусное исследование предложных групп с эвиденциальным значением «пересказывательность» в прессе Германии 48

Психолингвистика

- Яковлев А. А.* «Языковое сознание» и «языковая картина мира»: совместимость понятий 57
- Бентя Е. В.* Особенности языкового сознания русскоговорящих казахстанцев (на материале свободного ассоциативного эксперимента в Казахстане) 70

Когнитивные исследования

- Сундуева Е. В.* Внутренняя форма лексемы *sedkil* 'душа' в монгольских языках 83
- Бочкарев А. Е.* Об удивлении как лингвоспецифичном концепте русского языка 90
- Соснин А. В.* Метафора организма как ключевая метафора в формировании лондонского текста английского языка и культуры 101
- Сопина А. Л.* Когнитивные основания интертекстуальности 113

Лексические вопросы перевода и текстология

- Цыренов Б. Д.* Особенности перевода на монгольский язык устаревшей и редкоупотребительной лексики в повести А. С. Пушкина «Выстрел» 122
- Дебрени М.* Сопоставительная типология ошибок и исправлений в оригиналах и копиях дневников О. И. Орловой-Давыдовой 127
- Сведения об авторах 144
- Информация для авторов 145

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2018. Volume 16, № 2

CONTENTS

Computer and Applied Linguistics

- Puzhaeva Svetlana Yu., Gerasimenko Ekaterina A., Zakharova Elena S., Rakhilina Ekaterina V.* Automatic Extraction of Formulaic Expressions from Russian Texts 5
- Lyukina Elena V.* Use of Universal Dependencies for Grammatical Analysis of the Multilingual Text (On the Example of Predicative) 19
- Domrachev Mikhail A., Sudoplatova Svetlana N.* Testing Methods for Automatic Detection of Morpheme Boundaries in the Azerbaijani Language 34
- Astakhova Tatyana N.* A Corpus-Based Study of Prepositional Groups with Evidential Meaning «Reportive Evidentiality» in German Press 48

Psycholinguistics

- Yakovlev Andrey A.* Compatibility of the Terms «Linguistic Consciousness» and «Language Worldview» 57
- Bentya Yevgeniya V.* Peculiarities of Language Consciousness of Russian-Speaking Kazakhstani (On the Material of the Free Associative Experiment in Kazakhstan) 70

Cognitive Studies

- Sundueva Ekaterina V.* Inner Form of the Word *Sedkil* ‘Soul’ in Mongolic Languages 83
- Bochkarev Andrey E.* *UDIVLENIE* ‘WONDER’ as a Language-Specific Concept of the Russian Language 90
- Sosnin Alexey V.* The Organism Metaphor as a Key One in the Formation of the London Text of the English Language and Literature 101
- Sopina Alexandra L.* Cognitive Foundations of Intertextuality 113

Lexical Issues of Translation and Textology

- Tsyrenov Babasan D.* Outdated and Infrequent Words in Alexander Pushkin’s Novel «The Shot» in the Mongolian Language 122
- Debrenne Michèle.* A Comparative Typology of Errors and Corrections in Originals and Copies of O. I. Orlova-Davidova’s Diaries 127
- Our Contributors 144
- Instructions to Contributors 145

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov
Secretary Alevtina N. Leonova

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk) Dr. Sc. (Philology),
Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk), Cand. Sc. (Linguistics),
Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. Z. G. Proshina (Moscow), Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Claude Fray (Paris, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. Iliana Chekhova (Sofia, Bulgaria), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson),
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. S. Kurcheev, V. I. Molodin,
G. M. Mkrtychyan, O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 81-11 + 81'32 + 81'322.2
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-5-18

С. Ю. Пужаева¹, Е. А. Герасименко¹, Е. С. Захарова¹, Е. В. Рахилина^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, 105066, Россия

² Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
ул. Волхонка, 18/2, Москва, 119019, Россия

syupuzhaeva@gmail.com, katgerasimenko@gmail.com
1583253@gmail.com, rakhilina@gmail.com

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ ИЗ ТЕКСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

Статья посвящена проблеме создания модуля автоматического извлечения из текстов русского языка особых единиц – дискурсивных формул. Под дискурсивными формулами (ДФ) мы понимаем неоднословные конструкции, которые, однако, не содержат переменных и выступают в роли ответных реплик на вербальный стимул. Работа над программным модулем включала в себя несколько этапов, в том числе ручную разметку пьес по выявленным в ходе работы критериям. Процесс автоматического извлечения ДФ предусматривает деление текста на синтаксические единицы, соотносимые с клаузой, предсказание принадлежности каждой из единиц к классу ДФ на основании выделенного нами набора признаков и формирование итогового списка ДФ. В качестве алгоритма классификации используется равновесное голосование четырех классификаторов: Random Forest Classifier, Logistic Regression, Ridge Classifier, Support Vector Classifier.

Ключевые слова: дискурсивные формулы, грамматика конструкций, машинное обучение, автоматическое извлечение сущностей.

Введение

Последние десятилетия XX в. ознаменованы появлением перевернувшей многие представления современной лингвистики теории – Грамматики конструкций [Fillmore, 1988; 1989; Fillmore, Kay, 1992]. Сегодня она представляет собой уже множество концепций (см. [Hoffmann, Trousdale, 2013]), базирующихся, тем не менее, на ряде общих принципов, важнейшим из которых оказывается отказ от проведения четкой границы между грамматикой и словарем. Сам по себе этот принцип в разных вариантах уже формулировался в других лингвистических подходах (ср. идею интегрального описания языка, выдвинутую Ю. Д. Апресяном еще в 1980 г. [Апресян, 1980]¹). Однако понятие конструкции оказалось чрезвычайно продуктивным и придало новый импульс многим исследованиям. Согласно Грамматике конструкций, «C is a CONSTRUCTION iff_{def} C is a form-meaning pair $\langle F_i, S_i \rangle$ such that some aspect of F_i or some aspect of S_i is not strictly predictable from C's component parts or from other

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 16-18-02071.

¹ Перепечатано в [Апресян, 1995. С. 8–101].

Пужаева С. Ю., Герасименко Е. А., Захарова Е. С., Рахилина Е. В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 5–18.

previously established constructions» [Goldberg, 1995. P. 4], иными словами, конструкция – это «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова, 2010. С. 19]. Как известно, конструкции включают в себя позиции (слоты), которые могут быть заполнены переменными в зависимости от накладываемых на них семантических ограничений. Хрестоматийным примером конструкции служит английская конструкция *let alone*, переводимая на русский язык сочетанием *не говоря (уже) о*:

(1) F (X A Y let alone X BY)

I doubt (F) that he made (X) colonel (A) is in World War II (Y), let alone general (B)

‘Я сомневаюсь (F), что он стал полковником (A) во время Второй мировой войны (Y), не говоря уж о генерале (B)’ [Fillmore et al., 1988].

По форме *let alone* представляет собой сочинительный союз, который связывает два равноправных элемента. Однако семантика этой конструкции предполагает наличие некоторой шкалы, «на которой расположены варианты развития событий, причем первая пропозиция (A) представляет более слабое предположение, чем второе (B)». Прагматика конструкции заключается в том, что «здесь отвергается более слабое (т. е. более вероятное) предположение, чем то, в котором заинтересован говорящий» [Рахилина, Кузнецова, 2010. С. 19].

Таким образом, Грамматика конструкций, отражая некомпозициональность языковых выражений, одновременно оставляет для многих из них возможность сложной, но композиционной интерпретации через правила взаимодействия переменных с ограничениями, представляемыми самой конструкцией на разных языковых уровнях.

Важная задача, о которой говорил еще Ч. Филлмор [Fillmore, 2008], – выделение перечня конструкций для каждого языка. Она очень трудоемка и решается пока всего для нескольких языков, в число которых входит и русский (для бразильского варианта португальского языка см. [Lage, 2013], для японского языка см. [Ohara, 2015]). Для создания инвентаря конструкций русского языка в рамках совместного проекта Арктического университета (Тромсё, Норвегия) и Высшей школы экономики (Москва, Россия) сейчас ведется работа над специальным ресурсом – базой данных «Конструктикон». Идея этой базы заключается в том, чтобы описать конструкции одного языка так, чтобы был возможен автоматический поиск по их формальным и семантическим признакам [Janda et al., 2018]. В базе есть их синтаксическая и морфологическая разметка, некоторые ограничения на употребления, примеры и примерные толкования. В «Конструктикон» попадают как уже описанные конструкции (которые отражены в учебниках русского языка как иностранного, грамматиках, разнообразных словарях и т. д.), так и новые, выделяемые вручную разметчиками из транскриптов устной речи, пьес, детских книг и т. п. под контролем экспертов.

В настоящее время в базе документировано более 600 конструкций. Ясно, что среди них есть конструкции самых разных синтаксических и семантических типов – они выявлены уже на этапе сбора и предварительной разметки материала. Каждый такой тип (глагольные конструкции, типовые матричные и вставленные предложения, конструкции с легкими глаголами и т. п.) имеет свою специфику и в дальнейшем будет пополнен и описан более подробно в отношении своих семантических и типологических свойств.

Между тем в ходе такой предварительной работы выяснилось, что среди типов конструкций, представленных в «Конструктиконе», выделяются особые, неканонические с точки зрения теории Грамматики конструкций, неоднословные единицы, – так называемые *дискурсивные формулы* (ДФ), ср.: *Это еще что! Вот оно как! А то!* и др. Несмотря на то что, по интуитивному представлению и разметчиков, и экспертов, они, без сомнения, являются конструкциями русского языка, вопреки нашим теоретическим ожиданиям они не содержат переменных внутри самой единицы. Очевидно, что это уникальное свойство выделяет такие единицы в особую группу, как бы приравнивая их к такому типу безвариантных микротекстов, как поговорки (*Жизнь прожить – не поле перейти; Больше живешь – больше видишь; Без труда не выловишь и рыбку из пруда* и т. п.). Это свойство создает определенные сложности для их представления в базе «Конструктикон» наряду с другими, каноническими, конструкциями. Действительно, главной целью разметки канонических конструкций и их толкования является описание того способа, которым переменные с определенными свойствами

встраиваются в соответствующую невариативную часть; если переменных нет, то нет и правил, как в поговорках, или они имеют совершенно другую природу. Однако выделенные нами дискурсивные формулы гораздо ближе к стандартным конструкциям. Их главное отличие от канона в том, что соответствующие им слоты не являются частью данного предложения, обычно располагаясь в левом и/или правом контекстах. Более того, эти слоты вообще не являются частью предложения. По-видимому, им соответствует тип речевого акта предложения-соседа.

Таким образом, ясно, что термин *дискурсивные формулы* был выбран неслучайно: с одной стороны, эти особые конструкции имеют прагматическую, дискурсивную природу, а с другой – формульную. К формульным единицам относятся как весьма очевидные идиомы, пословицы и поговорки (см. [Wray, 2005]), так и другие неоднословные единицы, выступающие в качестве формульного выражения [Biber et al., 1999], ср. известные из англоязычной традиции термины *formulae* [Corrigan et al., 2009], *formulaic sequences* и ряд других связанных с ними терминов – *formulaic speech*, *formulas*, *prefabricated routines*, *conventionalised forms*, упоминаемых, в частности, в работе [Schmitt, Carter, 2004].

В функциональном аспекте наше понимание ДФ близко к так называемым коммуникативам [Шаронов, 1996], которые определяются как «особые употребления слов, фразем и коротких предложений в позиции ответных реплик диалога для стереотипного выражения оценки, мнения и эмоции как реакции на высказывание собеседника (например: *Да; Нет уж; Какое там; Обалдеть!; На здоровье!* и др.)» [Шаронов, 2016]. Класс коммуникативов много шире, чем нужно для «Конструктикона» – туда входят самые разные (в том числе и однословные) единицы, засвидетельствованные в стандартных словарях, – вплоть до междометий. Есть другой похожий термин: *речевые формулы*, определяющий иной, хотя опять-таки функционально близкий класс языковых единиц – уже неоднословных. Он используется Д. О. Добровольским и А. Н. Барановым при описании русской фразеологии [Баранов, Добровольский, 2000], однако совпадение с ДФ также оказывается лишь частичным, в силу того что речевые формулы представляют собой в первую очередь такие идиоматические сочетания, как пословицы и поговорки.

В отличие от остальных типов конструкций ДФ очень разнообразны и по структуре, и по составу. Их крайне мало в учебниках и словарях, а кроме того, эти формулы быстро устаревают и сменяются новыми. В обычной художественной прозе, которую размечают для поиска конструкций, их не так много, так что оценить их долю в таком языке, как русский, не просто. Однако для того, чтобы системно описать ДФ в соответствии с практикой «Конструктикона», с позиции семантики, структуры, ограничений, налагаемых на слоты конструкции, и в дальнейшем построить их более дробную классификацию, необходимо иметь достаточно полный и представительный список таких единиц. В связи с этим ключевой задачей становится создание модуля автоматического извлечения ДФ, который позволил бы если не решить эту задачу, то хотя бы автоматизировать ее самый сложный, начальный этап: создать как можно более близкий к реальному пилотный список, который затем можно было бы редактировать вручную. Обсуждению этой задачи и посвящена настоящая работа.

Текстовым материалом для машинной и ручной обработки были выбраны пьесы.

Подготовительный этап работы: ручная разметка

На подготовительном этапе ключевая задача – вручную разметить достаточное для построения модели машинного обучения количество текстов, содержащих ДФ. В качестве материала использованы пьесы (разного времени, начиная с XIX в.): в них формульные реакции на предшествующий дискурс разнообразнее и встречаются чаще, так как пьесы, с одной стороны, имитируют устную речь, а с другой – гораздо более удобны для автоматической обработки, чем, к примеру, транскрипты устного дискурса или субтитры. Это объясняется более четкой структурой текста пьес, а также специальными маркерами для реплик говорящих.

Дискурсивные формулы в русском языке

Прежде чем приступить к ручной разметке, было необходимо инструктировать разметчиков, выделить основные черты ДФ, а также более четко очертить круг единиц, которые попадают в этот класс.

В работе [Moon, 1997] выделяются следующие черты формульных единиц, которые автор в данном случае называет просто *multi-word items* (*неоднословные единицы*): устойчивость, некомпозициональность и привычность формы [Ibid. P. 44]. Предположительно, формульные конструкции хранятся как единое целое в ментальном лексиконе говорящих («stored as wholes in the subject's mental lexicon») [Schmitt, Carter, 2004]. По мнению авторов статьи, из этого следует то, что формульная единица воспроизводится с неизменным присущим ей интонационным контуром. Точно так же, как коммуникативы, ДФ синтаксически независимы, поскольку главным образом представляют собой ответные реплики диалога, в их состав тоже входят преимущественно служебные слова (часто десемантизированные) и их сочетания, ср. [Шаронов, 1996].

В связи с этим ДФ были определены нами как однословные, легко воспроизводимые некомпозициональные языковые единицы, представляющие собой законченные предложения – реакции на вербальный стимул. Они включают в свой состав преимущественно междометия, частицы, десемантизированные слова, что выдвигает на первый план интонационное оформление и прагматическую функцию. Принципиально важным оказывается отсутствие переменных внутри этих высказываний.

Критерии выделения дискурсивных формул на этапе разметки

Безусловно, теоретическое уточнение границ класса ДФ на базе общего представления о них как о квазиконструкциях с ярко выраженной дискурсивной функцией было важным этапом работы, однако на практике, при ручной разметке пьес, выделенные признаки оказались недостаточными в том числе из-за случаев, усложняющих выделение ДФ. Далее будут перечислены сложные случаи разграничения ДФ и омонимичных им синтаксических единиц.

Во-первых, некоторые рассматриваемые нами единицы могут совпадать по форме с вводными сочетаниями, которые в терминологии дискурсивного анализа часто в широком смысле именуют дискурсивными маркерами [Schiffirin, 1988] ср. (2, 3).

- (2) Солдат огляделся, снял шинель, вымыл руки и, присев к столу, вытащил расческу. – Ну, Ефим, – сказал он, – вот это житье! А как и что тут, пожалуй, сразу не разберешься! – **Что и говорить!** – крикнул Ефим. – У меня зараз в голове як в той пивной бочке!.. Однако хорошо тут сидеть, только я пойду! (Валентина Осеева. Динка прощается с детством (1969))
- (3) Картина, **что и говорить**, мерзкая, в кое-каких деталях он узнавал себя, не испытывая, впрочем, чувства вины, поскольку в описании мерзостей преобладали слова, употребляемые во всех сочинениях на научные темы (Анатолий Азольский. Лопушок // Новый Мир. 1998)

Во-вторых, ДФ по форме могут совпадать со знаменательными единицами, включенными в структуру предложения ср. (4, 5).

- (4) [Евлялия Андревна, жен, 30] По какому городу бегать, про каких кавалеров разыскивать? [Марфа Севастьяновна, жен] Да **как же** их... ну, хоть Артемия Васильича **назвать!** Обыкновенно для учтивости кавалерами называешь. [Евлялия Андревна, жен, 30] Зачем ты об Артемии Васильиче говоришь, скажи мне? (А. Н. Островский. Невольницы (1881))
- (5) Бестужев же был профессором и доктором наук. – Получается – раздвоение личности? Неужели мировоззрения Бестужева и Лады не пересекались? – **Как же!** Пересекались. Я читал студентам начало и конец курса научного коммунизма, а в середине рассказывал свои идеи. Это было в середине 1960-х, ещё до Праги 1968-го и реакции [Игорь Бестужев-Лада, Илья Кашницкий. Если можно изучать прошлое, почему не исследовать будущее? // Зеркало мира. 2012)

В-третьих, полностью совпадать по форме с ДФ, а в широком смысле к ним могут быть отнесены и такие реплики (мы называем их рефлексивными), с помощью которых говорящий

реагирует на свое собственное высказывание, риторически структурируя его, вводя дополнительные аргументы, споря с собой и пр., ср. (6, 7).

- (6) Всего этого вместе с толками, сплетнями и пересудами ей было совершенно достаточно, и она объявила, что ни одного дня отец больше не будет работать у Кусиела. **Как так?** Отец устроился, вошёл, можно сказать, в курс, приобрел специальность, через месяц-два станет компаньоном, и, пожалуйста, – бросай дело?! (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977))
- (7) Чуть концы не отдал. Можно сказать, уже там был. Зато у меня сын родился через эту яму. – **Как так?** – Я думаю так, что у меня для пацана извести в организме не хватало. – Ну, извести у тебя хватало. – Кроме шуток, – смеётся Ванечка, – может, я научное открытие сделал (Фазиль Искандер. Должники (1968))

В-четвертых, как мы уже говорили, ДФ представляют собой законченные реплики, однако они могут предшествовать обращению (9), другой ДФ (8), располагаться после обращения. Таким образом, признаки начала предложения и наличия финального знака препинания (точка, восклицательный знак, вопросительный знак) с формальной точки зрения не являются для них достаточными.

- (8) [Леня, муж] Мы с Марусей подружились. Мы все с ней подружились. Она простая. [Ольга Ивановна, жен] **Ну вот и хорошо, вот и все** (Евгений Шварц. Повесть о молодых супругах (1955))
- (9) [Ихарев, муж] Как же? и денег не хотите дожидаться? [Глов, муж] **Что ж делать**, батюшка? (Николай Гоголь. Игроки (1842))

В-пятых, как ответная реплика ДФ располагается преимущественно в начале комплекса высказываний говорящего, однако бывает и по-другому, в частности переспрос, как в примере (10).

- (10) [Дарья Ивановна, жен] Любин... Граф Любин. Ведь ты его знаешь? [Ступендьев, муж] Любина? **Еще бы!** Так ты его ожидаешь? (Иван Тургенев. Провинциалка (1850))

Таким образом, есть контексты, в которых поведение ДФ отклоняется от прототипического, и они существенно осложняют нашу задачу по формальному определению ДФ. В связи с этим мы ввели дополнительные, уточняющие критерии в инструкцию для разметчиков выделять в качестве ДФ единицы, удовлетворяющие следующим требованиям:

- 1) реплика является ответной на вербальный стимул;
- 2) можно представить изолированное употребление такого же сегмента в ином контексте;
- 3) реплика не встроена в синтаксическую структуру остального высказывания;
- 4) реплика не выступает в функции оценки собственного высказывания (не является вводным сочетанием, рефлексивным высказыванием);
- 5) в реплике преобладают десемантизированные слова, что выводит на первый план прагматическую функцию;
- 6) реплика не содержит полнозначных слов, аналогичных словам, включенным в синтаксическую структуру левого контекста;
- 7) последовательность реплик, разделенных не финальным знаком препинания, рассматривается как соединение разных дискурсивных формул, если для каждой из них соблюдаются требования 1–4;
- 8) реплика может быть размечена как ДФ, если располагается не в абсолютном начале сегмента, но удовлетворяет требованиям 1–4.

По описанным выше формальным признакам ДФ двое разметчиков выделили ДФ в 24-х пьесах полностью вручную, затем еще 46 пьес было размечено полуавтоматически, т. е. проведена корректировка результатов автоматической системы извлечения ДФ. Таким образом, разметка проводилась в несколько итераций.

Система автоматического извлечения дискурсивных формул

Для обработки больших текстовых массивов драматических произведений был создан модуль автоматического извлечения ДФ из текстов. Разработанный нами инструмент состоит из следующих трех компонентов:

- 1) обработка исходного текста:
 - а) удаление обозначений говорящих;
 - б) разбиение текста на отдельные единицы, подобные клаузе (псевдоклаузы²);
 - в) извлечение из каждой единицы признаков, которые дальше используются в модели машинного обучения;
- 2) получение бинарного предсказания для каждой единицы (является она ДФ или нет);
- 3) составление финальной таблицы ДФ, которую получает пользователь, что включает в себя выделение левого контекста для каждой ДФ.

Предсказание производится голосованием обученных на размеченном корпусе моделей машинного обучения. Общий процесс работы системы, включая обучение, представлен на рисунке.

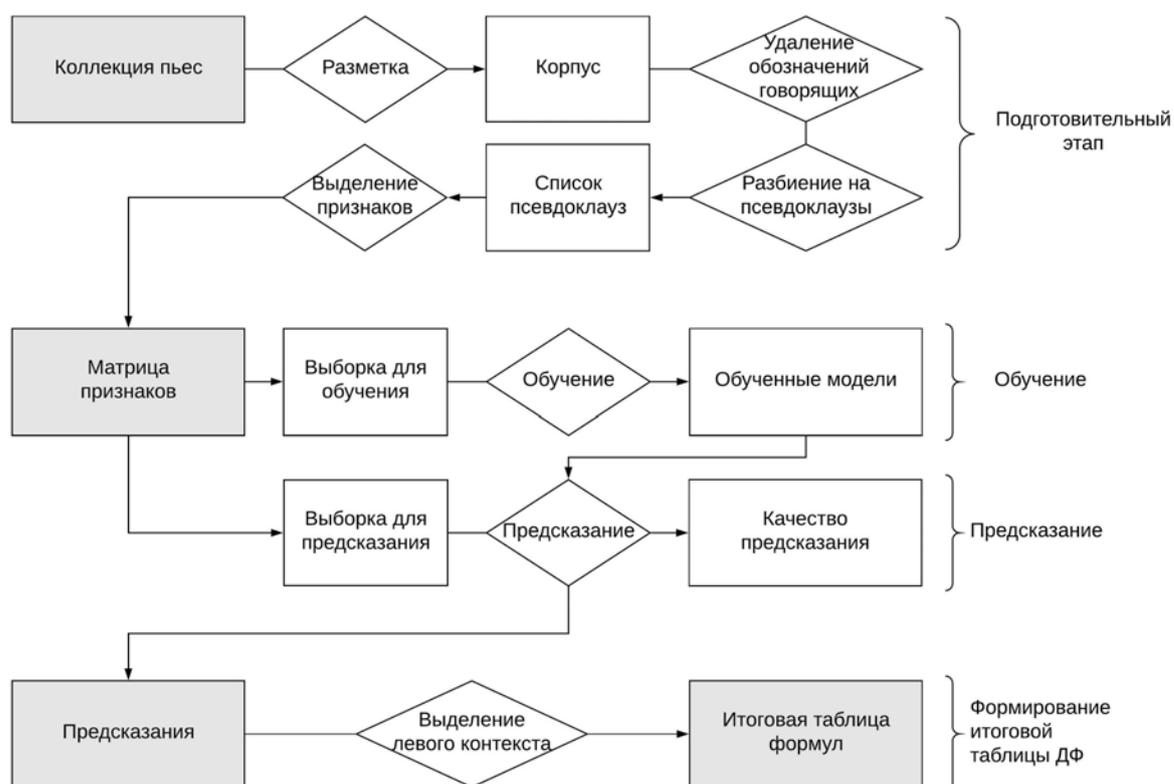


Рис. 1. Автоматическое извлечение дискурсивных формул

Обработка исходного текста

В принципе, для любого семантического анализа драматического текста (пьесы) важно было бы знать, какому персонажу принадлежит та или иная реплика. Однако для нашего автоматического анализа эта информация не только не важна, но, более того, она может снизить качество предсказания, так как по выделенным признакам псевдоклауза с обозначением

² См. пояснение понятия «псевдоклауза» далее.

говорящего может быть похожа на ДФ. Поэтому первым этапом предобработки текстов является удаление обозначений говорящих. Далее текст делится на псевдоклаузы – отрезки, разделенные знаками препинания. Такой упрощенный способ выделения псевдоклауз может генерировать некоторое количество неверных результатов (например, несколько именных групп, разделенные запятыми, окажутся отдельными псевдоклаузами), однако в целом подходит для нашей задачи, так как мы ожидаем, что внутри ДФ нет знаков препинания, в то время как сама ДФ отделена знаком препинания. Такое разделение обеспечивает цельность ДФ, а кроме того делает ДФ отдельным объектом для предсказания.

После того как проведено разделение на псевдоклаузы, для каждой из них определяется ряд признаков. До сих пор мы говорили о признаках ДФ, которые использовали разметчики. Для автоматического извлечения ДФ с помощью машинного обучения нужна их большая формализованность. Поэтому, основываясь на тех представлениях о ДФ, которые мы обсуждали в предыдущих разделах, в качестве формальных характеристик, соотносящихся с обобщенными в предыдущем разделе свойствами, мы используем следующие признаки ДФ:

- 1) часто содержит определенные части речи, например частицы, и конкретные словосочетания и слова, например *да* (в значении усилительной частицы) или *ну*;
- 2) представляет собой относительно короткую синтаксическую единицу;
- 3) является восклицанием или вопросом;
- 4) обладает синтаксической ущербностью (может не содержать предиката или поверхностно выраженных субъекта и объекта);
- 5) часто содержит глагол в императиве;
- 6) находится в начале реплики.

В соответствии с этими характеристиками ДФ для каждой псевдоклаузы формируется таблица признаков:

- 1) сам текст псевдоклаузы в нижнем регистре без знаков препинания, из которого в дальнейшем получают два набора текстовых признаков:
 - а) количество отдельных слов и биграмм в тексте псевдоклаузы;
 - б) количество различных символьных 3- и 4-грамм в тексте псевдоклаузы;
- 2) длина псевдоклаузы в токенах;
- 3) наличие восклицательного знака в конце псевдоклаузы;
- 4) наличие вопросительного знака в конце псевдоклаузы;
- 5) наличие глагола;
- 6) наличие глагола в императиве;
- 7) наличие субъекта – слова, определенного автоматическим анализатором как стоящего в именительном падеже и согласующегося с глаголом в лице, числе или роде;
- 8) наличие объекта – слова без предшествующего предлога, определенного автоматическим анализатором как стоящего в винительном падеже при переходном глаголе;
- 9) положение псевдоклаузы среди первых трех в реплике;
- 10) количество слов разных частей речи в псевдоклаузе.

Для морфологического анализа использовался модуль *rumorphy2* [Korobov, 2015], части речи обозначены по системе, используемой в этом морфологическом анализаторе.

Кроме таблицы признаков, формируется и бинарная целевая переменная – каждой псевдоклаузе приписывается класс 1, если псевдоклауза является ДФ, или 0 в противном случае.

Получение предсказаний

Модель машинного обучения была обучена на 34-х пьесах с наиболее высоким уровнем согласованности разметчиков. Согласованность разметчиков измерялась с помощью каппы Коэна [Cohen, 1960]. Полученное значение каппы Коэна по всем псевдоклаузам для выбранных 37-ми пьес составило 0,565, что по шкале, предложенной в [Landis, Koch, 1977], относится к классу «moderate agreement». Согласованность разметчиков могла нарушаться из-за неоднородности ДФ с точки зрения структуры, а также нетривиальности определения границ класса ДФ. Так, выражения *черт побери*, *черт бы его побрал*, *попытка не пытка*, *зуб даю* и многие другие могут быть рассмотрены и как периферийные элементы класса ДФ, и как речевые формулы [Баранов, Добровольский, 2000]. Кроме того, спорные случаи представля-

ют собой конструкции вида *ну да, конечно!*, поскольку их можно интерпретировать двояко: как одну ДФ или как соседство ДФ и коммуникатива, что во многом зависит от интонационного оформления подобных единиц.

Объем обучающей выборки составил 100 002 псевдоклаузы, из них 2 515 ДФ, для тестирования были использованы 3 пьесы объемом 13 931 псевдоклауза, из них 337 ДФ. ДФ составляют всего около 2,5 % от общего числа псевдоклауз. Несбалансированное распределение этих классов затрудняет классификацию, так как алгоритмы машинного обучения построены так, чтобы увеличить долю верных ответов (ассурагу) на обучающей выборке за счет минимизации значения функции потерь, однако при этом они не учитывают цену ошибки. Для повышения качества таким алгоритмам будет выгоднее отнести все объекты к более многочисленному классу, так как это повысит долю верных ответов. Таким образом, показатели качества (точность и полнота) внутри немногочисленного класса могут быть низкими, притом что общая оценка точности алгоритма будет высокой. В данном случае, если отнести абсолютно все псевдоклаузы к обычным и не выделить ни одной ДФ, доля верных ответов составит около 97,5 % – подобный высокий показатель не отражает действительного качества предсказания. Поэтому для оценки качества предсказаний использовались точность (precision), полнота и сбалансированная F-мера (F1-мера, среднее гармоническое точности и полноты) внутри класса ДФ. Следует отметить, что формулы не являются выбросами и не определяются алгоритмами выявления выбросов – применение алгоритма IsolationForest показало F1-меру 0 на тестовой выборке.

В результате преобразования текста клауз в набор бинарных признаков полная матрица признаков состоит из 28 696 признаков, большинство из которых являются текстовыми и, предположительно, не несут ценной для предсказания информации. Поэтому одним из вариантов предобработки данных стал выбор признаков, который производится с помощью логистической регрессии с L1-регуляризацией. В результате обнуления весов незначимых признаков общее количество признаков снизилось до 2 142, что уменьшает время обучения модели и предсказания значений.

Так как общей целью является составление полного списка ДФ, необходимо сохранять относительно высокое значение полноты, чтобы большая часть формул не была утеряна и попала в список. В данной работе мы максимизируем F1-меру до тех пор, пока полнота остается приемлемой для данной задачи.

Наилучшее качество показало равновесное голосование четырех классификаторов из библиотеки scikit-learn для Python3 – Random Forest Classifier, Logistic Regression, Ridge Classifier и Support Vector Classifier, обученных на полных данных. Во всех классификаторах подобран параметр `class_weight` для учета дисбаланса классов. По теоретическим соображениям к предсказаниям применяется одно правило: все псевдоклаузы дальше третьей в реплике помечаются нулем, т. е. не являются ДФ. В табл. 1 представлены показатели каждого классификатора и их голосования, обученных на полной матрице признаков. Голосование классификаторов показывает максимальную F1-меру и приемлемое соотношение точности и полноты.

Таблица 1

Сравнение классификаторов

Классификатор	Точность	Полнота	F1-мера
Random Forest	0,27	0,73	0,39
Logistic Regression	0,28	0,73	0,40
Ridge Classifier	0,26	0,80	0,39
SVC	0,28	0,75	0,41
Vote	0,30	0,73	0,42

В табл. 2 представлено сравнение качества работы разных моделей. Baseline – это базовый подход: правило, по которому ДФ считается псевдоклауза, которая входит в первые три псевдоклаузы реплики, после которой стоит восклицательный или вопросительный знак

и в которой содержатся союзы или частицы. NoText – это голосование четырех классификаторов на всех признаках кроме текстовых (25 признаков). NoSelection – голосование классификаторов на полном наборе признаков, Selection – голосование классификаторов на отобранных признаках.

Таблица 2

Сравнение базового подхода и моделей,
обученных на разных подмножествах признаков

Модель	Точность	Полнота	F1-мера
Baseline	0,18	0,25	0,21
NoText	0,12	0,86	0,20
NoSelection	0,30	0,73	0,42
Selection	0,29	0,74	0,41

Генерация итоговой таблицы

Для всех формул, предсказанных голосованием модели, с помощью регулярного выражения определяется левый контекст. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем вручную определить, действительно ли псевдоклауза является ДФ. Кроме того, составляется список уникальных ДФ, который требуется для составления общего списка ДФ. Для использования системы создано веб-приложение³, выделяющее ДФ в одной пьесе, и оффлайн-версия, которая позволяет получить список ДФ по нескольким пьесам. Исходный код онлайн- и оффлайн-версий системы находится в открытом доступе⁴.

Ошибки, допущенные системой

Мы рассмотрим ошибки двух типов: ложноположительные и ложноотрицательные результаты. Среди положительных ответов системы около двух третей являются ложноположительными, т. е. ДФ, выделенные системой, не являются ДФ на самом деле. В большинстве случаев неверное решение принимается на основе формальных признаков псевдоклаузы. Среди размеченных вручную ДФ система не определяет около четверти ДФ, что зачастую связано с формальными характеристиками псевдоклауз, которые отличаются от прототипических признаков ДФ.

Ложноположительные результаты для класса ДФ

Наиболее часто алгоритм ошибочно считал ДФ псевдоклаузы, которые имеют следующий вид: *тут что-то не так, с чего ж и жить, вот тут что-то, может быть, сколько можно* и др. Все перечисленные клаузы обладают некоторыми формальными признаками, свойственными ДФ: они относительно коротки (длиной в несколько токенов), содержат слова служебных частей речи и десемантизированные слова или целиком состоят из таких слов. Некоторые псевдоклаузы являются омонимичными ДФ; иными словами, в некоторых контекстах они являются ДФ, а в других, к примеру, вводными сочетаниями. Рассмотрим несколько примеров из текстов выборки.

Псевдоклауза не является ДФ и не омонимична ей:

- (11) [Алексей, муж] Да живут теперь много; все номера почти заняты. [Ихарев, муж] **Кто же именно?**
(Николай Гоголь. Игроки (1842))

³ <http://web-corpora.net/wsgi3/discourse-formulas/>

⁴ https://github.com/kategerasimenko/discourse_formulas

- (12) [Федор Иванович, муж] Вроде нет ничего. Сейчас посмотрю. (Роемся в пиджаке, посматривая на жену.) [Таисия Петровна, жен (глядя в сторону)] Только у нас ведь не сберкасса! [Иванов, муж] Отдам же, ну. [Федор Иванович, муж] **Вот тут что-то...** Два рубля (Людмила Петрушевская. Уроки музыки (1989))

Выделенные псевдоклаузы являются вводными конструкциями, а не ДФ:

- (13) Да? У меня, **может быть**, другие планы (Людмила Петрушевская. Уроки музыки (1989))
 (14) Что ж вы, **в самом деле**, меня уж за дурака считаете? (Николай Гоголь. Игроки (1842))

Псевдоклауза включена в структуру предложения и не является ДФ:

- (15) [Федор Иванович.] Просто сколько можно-то? [Николай.] **Сколько можно**, столько и можно (Людмила Петрушевская. Уроки музыки (1989))

Помимо этого, довольно часто алгоритм считал ДФ псевдоклаузы, выражающие реакцию говорящего на собственные слова, а не на слова собеседника:

- (16) Все маме скажу, **вот увидишь!** (Людмила Петрушевская. Уроки музыки (1989))

В целом, чаще всего алгоритм совершает ошибки первого рода в случаях, когда принадлежность клаузы к классу ДФ определяется не свойствами самой клаузы, а свойствами ее контекста, прагматической функцией и типом семантической связи с соседними клаузами.

Вероятно, дополнение используемого набора признаков признаками, характеризующими наличие и тип связи между псевдоклаузами в тексте, а также признаками, характеризующими контекст, улучшит качество классификации, уменьшив число ошибок первого рода. Качество также может повысить усовершенствование алгоритма деления текста на псевдоклаузы.

Ложноотрицательные результаты для класса ДФ

Клаузы, являющиеся ДФ, но не выявленные алгоритмом, демонстрируют отклонение от прототипического поведения ДФ по одному или нескольким признакам:

- 1) полноценная или близкая к полноценной синтаксическая структура: наличие подлежащего и/или сказуемого, выраженного глаголом в финитной форме сослагательного наклонения (*а вот посмотрим, а я откуда знаю, вот тут ты ошибаешься, правду говорю*);
- 2) относительно большая длина – 4 и больше токенов (*это вы зря так думаете, а на кой он нам нужен, мое дело вообще сторона*);
- 3) состоит в основном из однозначных слов (*мое дело вообще сторона, прошу прощения, опять верно*);
- 4) стоит не на первом месте в реплике:

- (17) Сейчас инструмент раскурочит. **Так его! Так его!** (Людмила Петрушевская. Уроки музыки (1989))
 (18) Как хочешь, мне-то что. **Мое дело вообще сторона.** Тебя мать пригласила (Людмила Петрушевская. Уроки музыки (1989))

В примере (18) *как хочешь* и *мне-то что* также являются ДФ, но, в отличие от *мое дело вообще сторона*, были верно отнесены к классу ДФ, между тем последняя также является ДФ, синонимичной первым двум.

Заключение и перспективы

В статье рассмотрена проблема автоматического извлечения дискурсивных формул – особых конструкций, характеризующихся отсутствием переменных внутри себя и семантико-синтаксической опорой на тип речевого акта предшествующего высказывания. Языковым материалом для решения этой задачи послужили прозаические драматические произведения

на русском языке XIX–XXI вв. Классификация той или иной единицы по ее принадлежности к ДФ представляет собой непростую задачу как в теоретическом, так и в техническом плане.

Наиболее перспективным направлением развития системы автоматического выявления ДФ, на наш взгляд, является улучшение лингвистической предобработки текстов: более сложная система деления текста на псевдоклаузы, которая уменьшит количество «шума» в рассматриваемых объектах, а также добавление признаков, основанных на левом контексте псевдоклаузы. Левый контекст для ДФ – это стимул, который вызывает ее появление, поэтому опора на определенные лексические маркеры и знаки препинания в контексте слева может улучшить качество выявления ДФ.

Кроме того, хороший результат может дать использование дополнительных технологических решений – word2vec для пословного преобразования псевдоклауз в наборы векторов и последующая классификация этих наборов с использованием свёрточной нейронной сети. Технология word2vec основывается на дистрибутивной семантике и позволяет получить представление о том, в каких контекстах чаще всего употребляется то или иное слово, и о контекстной близости пары слов. Мы предполагаем, что ДФ как единицы, обладающие общими функциями, будут появляться в схожих контекстах.

Идея применения свёрточных нейронных сетей, изначально разработанных для анализа изображений, в задачах обработки естественного языка описана в статье [Kim, 2014]. Использование нескольких свёрточных фильтров вместе с объединяющим слоем с фиксированной формой выходных данных решает проблему произвольной длины набора векторов (разное количество слов в псевдоклаузах), позволяя алгоритму на каждом шаге получать более абстрактное представление о семантике псевдоклаузы.

Обе эти стратегии – лингвистическую и технологическую – мы предполагаем использовать в последующих версиях программы.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1. Wien: Institut für Slawistik der Universität Wien, 1980.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 352 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Речевые формулы в диалоге // Тр. Междунар. семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2000. Т. 1. С. 25–31.

Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.

Шаронов И. А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. № 2. С. 89–111.

Шаронов И. А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2016. Вып. 15 (22). С. 605–615.

Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Pearson Education, 1999. 1204 p.

Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales // Educational and psychological measurement. 1960. Vol. 20. No. 1. P. 37–46.

Corrigan R., Moravcsik E. A., Ouali H., Wheatley K. (Eds.). Formulaic language. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. Vol. 1: Distribution and historical change. 315 p.

Fillmore Ch. J. The mechanisms of “construction grammar” // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1988. Vol. 14. P. 35–55.

Fillmore Ch. J. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies // North-Holland Linguistic Series: Linguistic Variations. 1989. Vol. 54. P. 17–38.

Fillmore Ch. J. Border conflicts: FrameNet meets construction grammar // Proceedings of the XIII EURALEX International Congress. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2008. P. 49–68.

- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE // *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538.
- Fillmore Ch. J., Kay P.* *Construction Grammar Course Book*. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.
- Goldberg A.* *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 265 p.
- Hoffmann T., Trousdale G.* (Eds.). *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 586 p.
- Janda L. A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F. M.* *A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps // Constructicography: Constructicon development across languages / Ed. by B. Lyngfelt, L. Borin, K. H. Ohara, & T. T. Torrent*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.
- Kim Y.* Convolutional Neural Networks for Sentence Classification // *Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. Doha, 2014. P. 1746–1751.
- Korobov M.* Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts*. Cham, 2015. P. 320–332.
- Lage L. M.* Frames e construções: a relevância de um constructicon para o português brasileiro // *Revista Gatilho (PPGL / UFJF)*. Online). 2013. Vol. 16.
- Landis J. R., Koch G. G.* The measurement of observer agreement for categorical data // *Biometrics*. 1977. Vol. 33. No. 1. P. 159–174.
- Moon R.* Vocabulary connections: Multi-word items in English // *Vocabulary: Description, acquisition and pedagogy / Ed. by N. Schmitt, M. McCarthy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 40–63.
- Ohara K. H.* Constructicon Building as a Practical Implementation of Construction Grammar and Frame Semantics: Japanese FrameNet // *Poster at the 13th International Cognitive Linguistics Conference*. Newcastle: Northumbria University, 2015.
- Schiffrin D.* Discourse markers // *Studies in Interactional Sociolinguistics*. 1988. No. 5. 364 p.
- Schmitt N., Carter R.* Formulaic sequences in action // *Formulaic sequences: Acquisition, processing and use / Ed. by N. Schmitt*. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 1–22.
- Stefanowitsch A., Gries S. Th.* Collocations: investigating the interaction between words and constructions // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8, No. 2. P. 209–243.
- Tomasello M.* *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 388 p.
- Wray A.* *Formulaic language and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 348 p.

Материал поступил в редколлегию 31.03.2018

**Svetlana Yu. Puzhaeva¹, Ekaterina A. Gerasimenko¹
Elena S. Zakharova¹, Ekaterina V. Rakhilina^{1,2}**

¹ *National Research University – Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation*

² *Vinogradov Institute of Russian Language RAS
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russian Federation*

*syupuzhaeva@gmail.com, katgerasimenko@gmail.com
1583253@gmail.com, rakhilina@gmail.com*

AUTOMATIC EXTRACTION OF FORMULAIC EXPRESSIONS FROM RUSSIAN TEXTS

The present paper describes automatic extraction of linguistic items we call formulaic expressions from the Russian drama texts. Particularly, by formulaic expressions (FE) we mean multiword constructions that contain no variables and are used as reactions to verbal stimuli. We consider FE

to be a specific kind of constructions in the framework of Construction Grammar. Therefore, they are to be described in the Constructicon project, which is a web-platform where the constructions of one language are presented in a special way for automatic search by various aspects. To facilitate the compilation of comprehensive FE list, we developed a module for automatic FE extraction. Implementation of the module consisted of several stages, including manual annotation of dramatic texts. The first step involved describing the features of FE and their difference compared to other syntactic items such as parenthetical words, lexical verbs and meaningful parts of sentence. Afterwards, two annotators marked Fes in 24 dramatic texts and 46 texts were annotated semi-automatically. Subsequently, we used 34 dramatic texts with the highest inter-annotator agreement. The process of FE extraction involves splitting the text into the special fragments corresponding to clauses, predicting whether each fragment is an FE corresponding to a particular feature set and compiling the final list of FEs. For prediction, we use a uniform weight vote of four classifiers (Random Forest Classifier, Logistic Regression, Ridge Classifier, Support Vector Classifier), which showed the best performance compared to rule-based baseline and classifiers outside the ensemble. We also compared the prediction quality of systems based on different feature sets and used the one with all the features. The best quality currently achieved is precision 0.30 and recall 0.73 (F1-score 0.42). Further development includes improving the preprocessing stage and employing left context, where FE stimulus is located. We also consider using distributional semantic models like word2vec for word embedding and neural networks.

Keywords: formulaic expressions, construction grammar, machine learning, automatic entity extraction.

References

- Apresyan Yu. D. Tipy informatsii dlya poverkhnostno-semanticheskogo komponenta modeli «Smysl ↔ Tekst» [Information Types for Surface Semantic Components of the Model «Meaning ↔ Text»]. *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 1. Wien, Institut für Slawistik der Universität Wien, 1980. (in Russ.)
- Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy [Selected Studies]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1995, vol. 2: Integral Language Description and Systematic Lexicography, 352 p. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O. Rechevye formuly v dialoge [Speech formulas in the dialogue]. *Trudy mezhdunarodnogo seminarra Dialog-2000 po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam [Proceedings of the international workshop Dialogue-2000 on computational linguistics and its applications]*. Moscow, Nauka, 2000, vol. 1, p. 25–31. (in Russ.)
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow, Pearson Education, 1999, 1204 p.
- Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales. *Educational and psychological measurement*, 1960, vol. 20, no. 1, p. 37–46.
- Corrigan R., Moravcsik E. A., Ouali H., Wheatley K. (Eds.). Formulaic language: Volume 1. Distribution and historical change. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2009, 315 p.
- Fillmore Ch. J. The mechanisms of “construction grammar”. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1988, vol. 14, p. 35–55.
- Fillmore Ch. J. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies. *North-Holland Linguistic Series: Linguistic Variations*, 1989, vol. 54, p. 17–38.
- Fillmore Ch. J. Border conflicts: FrameNet meets construction grammar. *Proceedings of the XIII EURALEX international congress*. Barcelona, Universitat Pompeu Fabra, 2008, p. 49–68.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE. *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, p. 501–538.
- Fillmore Ch. J., Kay P. Construction Grammar Course Book. Berkeley, University of California, 1992, 113 p.
- Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago, University of Chicago Press, 1995, 265 p.
- Hoffmann T., Trousdale G. (Eds.). The Oxford handbook of construction grammar. Oxford, Oxford University Press, 2013, 586 p.

Janda L. A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F. M. A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps. B. Lyngfelt, L. Borin, K. H. Ohara, & T. T. Torrent. (Eds.). *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.

Kim Y. Convolutional Neural Networks for Sentence Classification. *Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. Doha, 2014, p. 1746–1751.

Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts*. Cham, 2015, p. 320–332.

Lage L. M. Frames e construções: a relevância de um constructicon para o português brasileiro. *Revista Gatilho (PPGL / UFJF)*. Online, 2013, vol. 16.

Landis J. R., Koch G. G. The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, 1977, vol. 33, no. 1, p. 159–174.

Moon R. Vocabulary connections: Multi-word items in English. N. Schmitt & M. McCarthy (Eds.). *Vocabulary: Description, acquisition and pedagogy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, p. 40–63.

Ohara K. H. Constructicon Building as a Practical Implementation of Construction Grammar and Frame Semantics: Japanese FrameNet. *Poster at the 13th International Cognitive Linguistics Conference*. Newcastle, Northumbria University, 2015.

Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Grammatika konstruksiy: teoriya, storonniki, blizkie idei [Introduction. Construction Grammar: Theories, Adherents, Similar Approaches]. E. V. Rakhilina (Ed.). *Lingvistika konstruksiy [Construction linguistics]*. Moscow, Azbukovnik, 2010, P. 18–79. (in Russ.)

Schiffrin D. Discourse markers. *Studies in Interactional Sociolinguistics*, 1988, no. 5, 364 p.

Schmitt N., Carter R. Formulaic sequences in action. N. Schmitt (Ed.). *Formulaic sequences: Acquisition, processing and use*. Amsterdam, John Benjamins, 2004, p. 1–22.

Sharonov I. A. Kommunikativy kak funktsional'nyy klass i kak ob"ekt leksikograficheskogo opisaniya [Communicatives as a functional class and an object of lexicographic description]. *Rusistika segodnya [Russian studies today]*, 1996, no. 2, p. 89–111. (in Russ.)

Sharonov I. A. Diskursivnye slova i kommunikativy [Discursive Words and Communicatives]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Moskva, 1–4 iyulya 2016 g.) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue 2016” (Moscow, 1–4 July 2016)]*. Moscow, RGGU Press, 2016, issue 15 (22), p. 605–615. (in Russ.)

Stefanowitsch A., Gries S. Th. Collostructions: investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2003, vol. 8, no. 2, p. 209–243.

Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2003, 388 p.

Wray A. *Formulaic language and the lexicon*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 348 p.

For citation:

Puzhaeva Svetlana Yu., Gerasimenko Ekaterina A., Zakharova Elena S., Rakhilina Ekaterina V. Automatic Extraction of Formulaic Expressions from Russian Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 5–18. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-5-18

Е. В. Люкина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

eliouki@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЗАВИСИМОСТЕЙ ПРИ ГРАММАТИЧЕСКОМ РАЗБОРЕ МНОГОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДИКАТИВА)

Статья посвящена инициативе универсальных зависимостей (УЗ), направленной на создание кросс-лингвистически непротиворечивой схемы грамматического разбора предложения. Цель данной инициативы – упрощение кросс-лингвистических исследований, унификация межъязыковой лингвистической типологии, создание основы для автоматизированных многоязычных систем и универсального кросс-языкового парсера текстов.

В первой части статьи рассматриваются основные проблемы, возникающие при грамматическом разборе многоязычного текста, описываются преимущества унификации языковых признаков, даются цели проекта УЗ, приводится история возникновения проекта, на примере трех языков – русского, английского и немецкого – описываются основные принципы построения УЗ в части морфологии и синтаксиса, рассматриваются наиболее характерные варианты синтаксических конструкций.

Во второй части статьи на примере безличного предикатива описывается, как можно вести корпусные исследования с использованием УЗ. Рассматривается методика автоматического выявления безличных предикативов, их частотное распределение в корпусе русского языка УЗ, семантическая категоризация наиболее часто используемых предикативов.

Ключевые слова: универсальные зависимости, кросс-лингвистическое исследование, грамматический разбор, лингвистическая типология, предикатив, корпусное исследование.

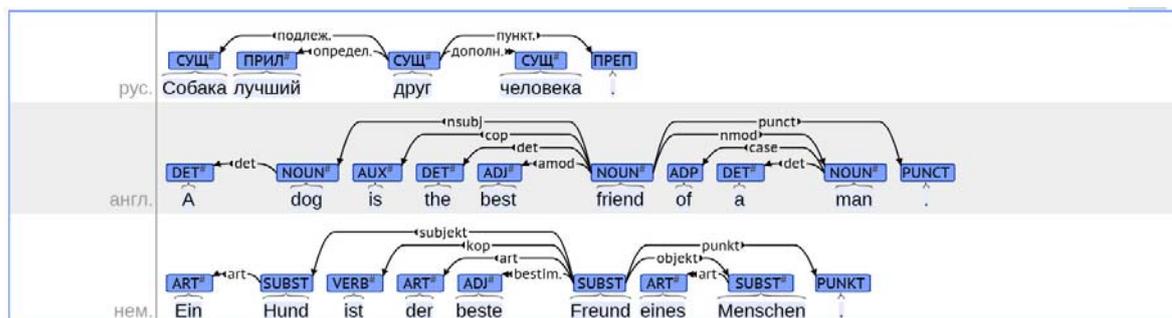
Введение

С развитием автоматизированных средств разбора и анализа текстов все большее значение приобретают кросс-лингвистические исследования, позволяющие обнаруживать сходные языковые явления в контексте нескольких языков, выполнять перевод с одного языка на другой, анализировать семантическую структуру многоязычных текстов, проводить сравнительные кросс-лингвистические исследования, формировать лингвистическую типологию на базе нескольких языков.

Однако многоязычным исследованиям в области грамматического разбора текста долгое время препятствовал тот факт, что схемы разбора для различных языков значительно различались. Это сильно затрудняло выполнение сравнительных оценок и кросс-лингвистического анализа экспериментов. Суть проблемы иллюстрирует пример 1, который показывает три параллельных предложения на русском, английском и немецком языках, проаннотированных по правилам русской грамматики [РГ, 1980], стенфордских типизированных зависимостей [Marneffe et al., 2006] и грамматического словаря Дудена [Duden, 1995] соответственно.

Люкина Е. В. Использование универсальных зависимостей при грамматическом разборе многоязычного текста (на примере безличного предикатива) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 19–33.

Пример 1



Все три предложения имеют сходную грамматическую структуру, но совершенно разные обозначения грамматических признаков и синтаксических связей. Как результат, автоматизированный грамматический разбор таких предложений одним и тем же парсером невозможен, и требуется создание отдельного парсера под каждый анализируемый язык, что существенно затрудняет проведение кросс-лингвистического исследования.

Грамматический разбор предложения, являющийся основой практически любого лингвистического исследования, характеризуется сопоставлением с лексическими единицами предложения морфологических и синтаксических признаков, определяющих роль лексической единицы в предложении, ее зависимость от других членов предложения и пр. Каждый язык имеет свой устоявшийся набор таких признаков.

Современные достижения в области глубокого обучения позволили создать парсеры, основанные на нейросетях, которые обучены на больших объемах текстов целевых языков и являются многоязычными [Straka et al., 2016]. При автоматизированном грамматическом разборе многоязыковых текстов такими парсерами возникает проблема: как сопоставить грамматические языковые признаки разных языков друг с другом и унифицировать общее результирующее представление разбора.

Таким образом, отсутствие унификации языковых признаков создает сложности при решении следующих задач:

- сравнение эмпирических результатов исследований по нескольким языкам;
- выполнение кросс-языкового переноса языковых конструкций;
- оценка кросс-языкового обучения;
- создание и поддержка многоязычных систем;
- проведение сравнительных кросс-языковых исследований;
- проверка лингвистической типологии;
- проведение исследования в направлении построения универсального кросс-языкового парсера текста.

В данной статье рассматривается инициатива «универсальных зависимостей» (universal dependencies, далее УЗ) [Nivre et al., 2016], позволяющая задать общее кросс-языковое представление о грамматических признаках там, где это возможно, и сохранить специфичную для определенного языка конкретику там, где унификация невозможна. Основная цель проекта – создание непротиворечивого и унифицированного по всему множеству поддерживаемых языков набора языковых признаков, а также формирование по каждому поддерживаемому языку размеченного этими признаками корпуса текстов (treebank).

Основными целями проекта являются:

- определение кросс-языковой непротиворечивой схемы грамматического разбора;
- поддержка многоязычных лингвистических исследований;
- дополнение (не замена) специфичных для языка схем;
- аннотации разбора конкретного языка выбираются из универсального набора категорий (язык не обязан поддерживать их все) и являются подмножеством этого набора.

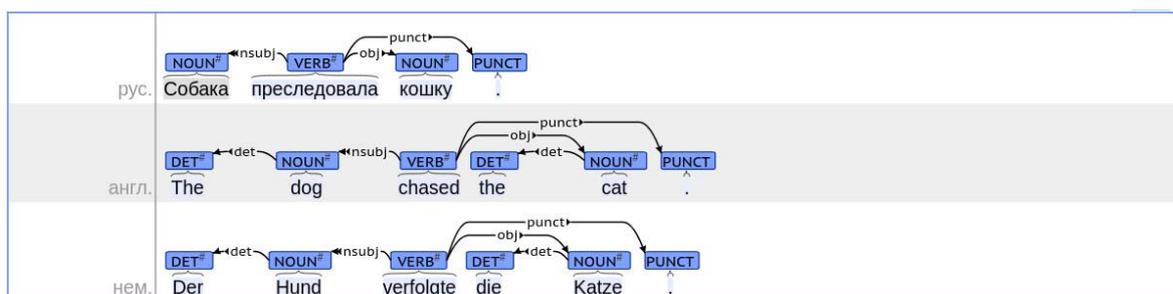
Как было показано в статье [Nivre et al., 2015], проект УЗ может быть рассмотрен как современный подход к универсальной грамматике. Средневековая идея об универсальной грамматике не единожды отвергалась лингвистами во многом по разумным причинам. Одна-

ко она может иметь смысл, если мы будем рассматривать ее как абстракцию: на определенном уровне языки имеют много общего, так почему бы не попытаться найти это общее? В УЗ рабочая гипотеза состоит в том, что языки имеют общие части речи (существительное, глагол, прилагательное и др.), общие грамматические признаки (подлежащее, сказуемое и т. п.). Некоторые языки могут не иметь всех этих признаков, некоторые могут иметь признаки, которые не являются универсальными. Этот подход показал себя как очень успешный, и на текущий момент в УЗ поддерживается более 60 языков.

До УЗ было несколько попыток создать унифицированные кросс-лингвистические схемы разбора (annotation schemes), а УЗ – это объединение нескольких из них. Основой УЗ является объединение подходов универсальных стенфордских зависимостей [Marneffe et al., 2006], универсальной схемы зависимостей Google [McDonald et al., 2013], универсальных тегов частей речи Google [Petrov et al., 2012] и Interset interlingua для микросинтаксических наборов тегов [Zeman, 2008], используемых в корпусе HamleDT [Zeman et al., 2012]. Проект УЗ, таким образом, базируется на де факто стандартах в этой области и призван заменить их все на единую унифицированную схему.

Рассмотрим пример одного и того же предложения на трех языках, разобранный в системе признаков «универсальных зависимостей» (далее УЗ-аннотации). Пример разобран парсером UDPipe, построенным на базе УЗ [Straka et al., 2016].

Пример 2



Как видно из примера, для аналогичных языковых конструкций использованы идентичные аннотации:

- *преследовала / chased / verfolgte* – сказуемое, глагол (root VERB)
- *собака / dog / Hund* – подлежащее, существительное (nsbj NOUN)
- *кошку / cat / Katze* – дополнение, существительное (obj NOUN)
- *The / Der / Die* – определитель, артикль (art DET)
- знак «точка» – символ пунктуации (PUNCT)

Основные принципы УЗ

Синтаксические аннотации в УЗ базируются на понятии зависимости, которое широко используется в современной обработке естественного языка (Natural Language Processing, NLP) и для аннотирования корпусов текстов, и для разбора текста. Подход УЗ также основан на гипотезе лексикализма, постулирующей, что слова являются базовыми единицами грамматического разбора. Слова имеют морфологические признаки и вступают в синтаксические отношения, которые и призваны отразить аннотации УЗ. На текущий момент подход УЗ не поддерживает слова с пробелами, такие многословные выражения в УЗ выражаются как несколько аннотированных однословных выражений, связанных специальным отношением.

УЗ-аннотации делятся на три основных набора:

- теги частей речи;
- морфологические признаки;
- синтаксические зависимости.

Морфология

Морфологическая спецификация слова в УЗ состоит из трех частей: лемма слова, тег части речи и морфологические признаки, которые определяют лексические и грамматические свойства формы слова. Лемма слова представляет его лексему и, как правило, задается в определенной канонической форме (например, для прилагательного русского языка это им. п., ед. ч., муж. р.).

УЗ имеет фиксированный список тегов частей речи – 17. Язык может не поддерживать все теги, но не может расширить этот список. Вместо этого для уточнения классификации слова используются морфологические признаки.

Теги морфологии задают дополнительные лексические и грамматические признаки слов, которые не отражаются тегами частей речи. Теги морфологии делятся на две группы: теги лексических признаков и теги флективных признаков. Теги флективных признаков задают грамматические признаки слов и, в свою очередь, делятся на именные и глагольные. Деление на группы морфологических признаков является в определенной степени условным, поскольку определенные лексические признаки могут присутствовать у различных частей речи, а определенные флективные признаки в некоторых языках могут являться лексической категорией (например, род является лексическим признаком существительного, но флективным признаком прилагательного или глагола).

Состав тегов морфологии не является закрытым и может пополняться новыми признаками. Конкретный язык также может использовать свои специфичные морфологические признаки.

Лексические признаки считаются свойствами леммы и используются для уточняющей классификации слов. Именные флективные признаки, большей частью, отражают свойства формы слова (как правило, имени), нежели свойства леммы. Глагольные флективные признаки отражают свойства формы глагола.

Пример 3

англ.:	<i>chased</i> – Lemma: chase, PartOfSpeech: VERB, Tense=Past (лемма: chase, часть речи: глагол, время: прошедшее)
рус.:	<i>преследовала</i> – Lemma: преследовать, PartOfSpeech: VERB, Aspect=Imperf, Gender=Fem, Mood=Ind, Number=Sing, Tense=Past, Voice=Act (лемма: преследовать, часть речи: глагол, вид: несоверш., род: женский, наклонение: изъявит., число: единств., время: прошедшее, залог: активный)
нем.:	<i>verfolgte</i> – Lemma: verfolgen, PartOfSpeech: VERB, Number=Sing, Tense=Past, Person: 3 (лемма: преследовать, часть речи: глагол, число: единственное, время: прошедшее, лицо: третье)

Синтаксис

Синтаксис в УЗ определяется с использованием аннотаций синтаксических зависимостей между словами. УЗ определяет большое количество синтаксических зависимостей (более 40 вариантов), используемых для кросс-языкового синтаксического разбора. Не все из определенных зависимостей используются в каждом языке, кроме того каждый язык может определить собственный дополнительный набор зависимостей, если для каких-то его конструкций не найдено соответствующих универсальных зависимостей.

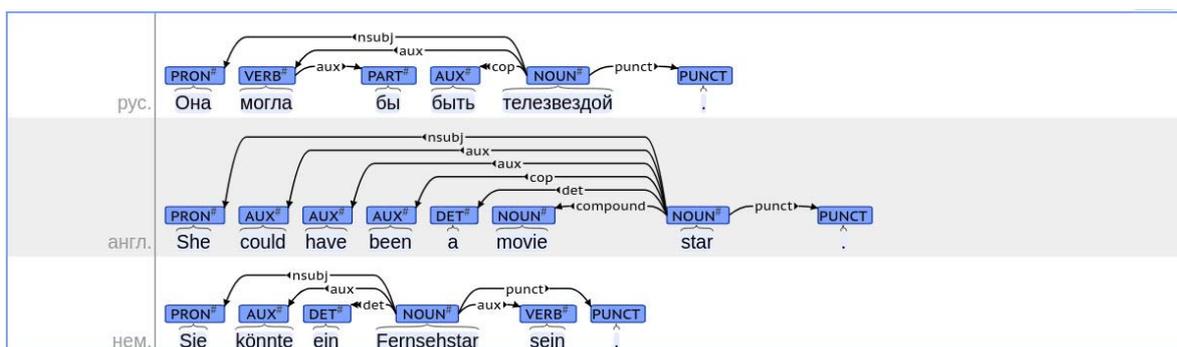
В результате грамматического разбора предложения УЗ совместимым парсером формируется дерево разбора, узлами которого будут слова исходного предложения, а ребрами – синтаксические аннотации, определяющие типизированным образом ту или иную синтаксическую связь между словами. Корнем дерева разбора (маркированного как «root»), как правило,

является сказуемое (глагол или любой другой вид сказуемого). Остальные слова участвуют в формировании промежуточных и листовых узлов дерева разбора.

В УЗ приняты следующие основные принципы формирования синтаксических аннотаций.

- Главенство знаменательных слов: зависимости определяются преимущественно между знаменательными словами. Служебные слова, связываются со знаменательными словами, которые они специфицируют, отдельными связями. Это обусловлено тем, что повышается вероятность нахождения аналогичных конструкций в разных языках, так как служебные слова в одном языке часто соответствуют флективным признакам в другом или вообще не используются, т. е. являются сильно зависимыми от конкретного языка.

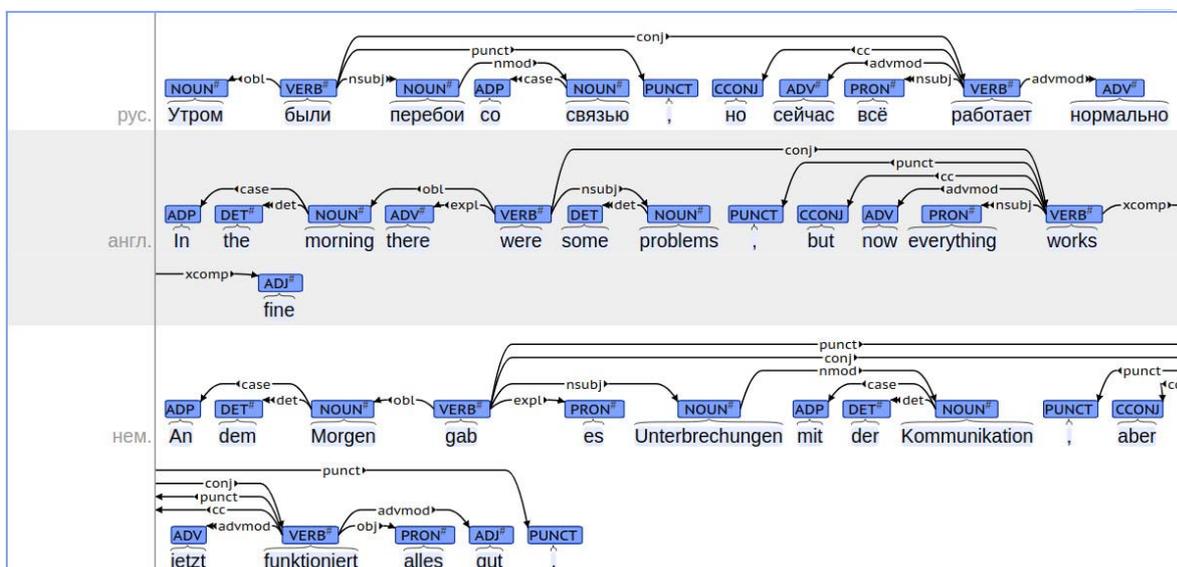
Пример 4



В данном примере (рус.) корневой узел «телезвездой» связан со знаменательным словом «она». Глагол «могла» связан с «телезвездой» связью «aux». Частица «бы» связана с «могла» связью «aux», которая выражает сослагательное наклонение. Глагол «быть» связан с «телезвездой» связью «cop» (copula). Знак пунктуации, обозначающий окончание предложения (запятая, точка, знак вопроса, восклицательный знак и др.), связывается с корнем предложения или словосочетания, которому он принадлежит. Знаки пунктуации, связанные со словами предложения (кавычки, скобки и т. п.), связываются со следующим / предыдущим словом.

- Принцип центральности: в сочинительной связи все знаменательные слова и знаки пунктуации связываются с первым знаменательным словом связи, то же самое применимо к именованным словосочетаниям, глагольным словосочетаниям, многословным выражениям, составным именам и пр.

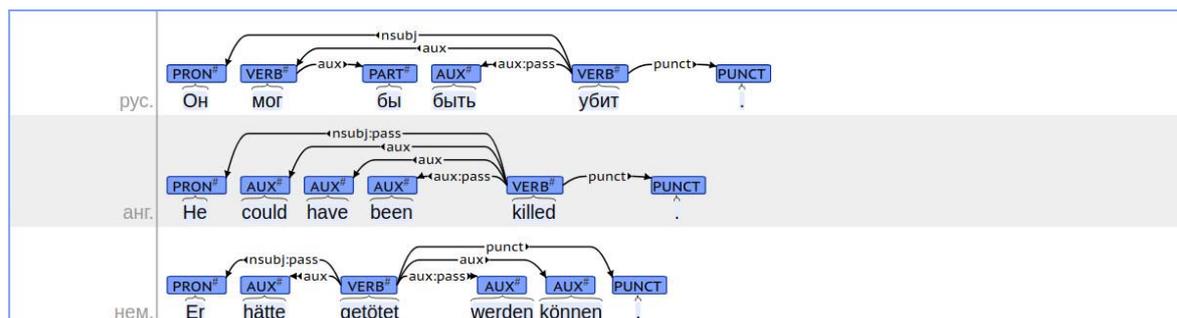
Пример 5



В данном примере (англ.) два сказуемых «were» и «works», формирующие простые предложения, связаны связью «conj» (сочинительная связь) и формируют каждый корневые узлы простых предложений, частью которых они являются.

- Главенство знаменательных слов означает, что служебные слова не образуют самостоятельных связей и в случае употребления нескольких служебных слов, относящихся к одному знаменательному, связываются со знаменательным словом как дочерние узлы. Это также касается вспомогательных глаголов и глаголов-связок.

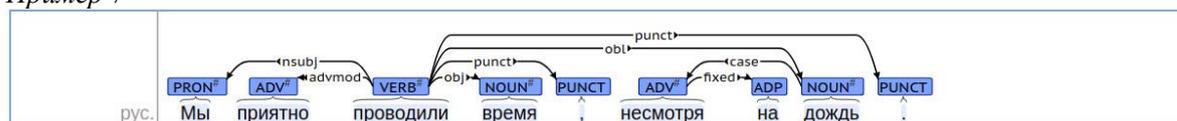
Пример 6



В данном примере (рус.) сказуемое «мог» связано с частицей «бы» связью «aux», определяющей сослагательное наклонение глагола.

- Служебные конструкции, состоящие из нескольких слов (например, составные предлоги, союзы и т. п.), связываются специальной зависимостью «fixed». Первое слово такой конструкции берется за корень дерева, остальные слова связываются с первым. Вся составная конструкция как единое целое связывается с элементом дерева предложения, от которого она зависит.

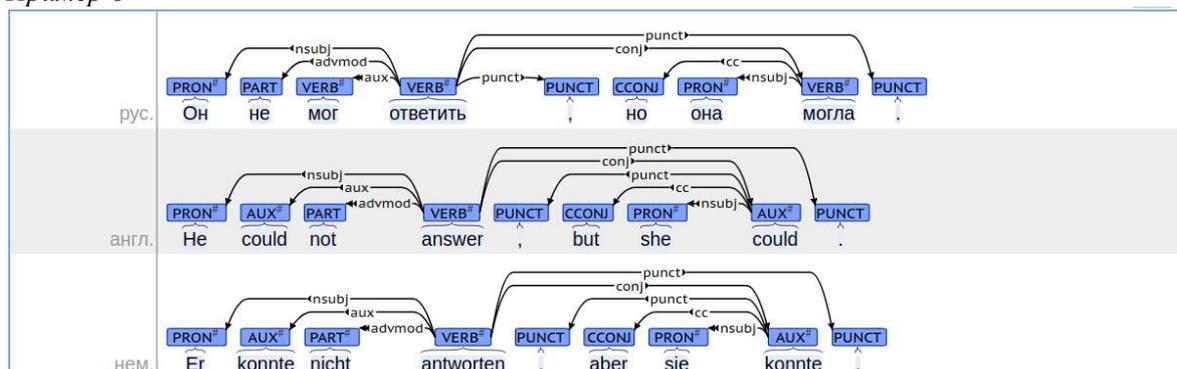
Пример 7



В данном примере (рус.) слово «несмотря» связано с предлогом «на» связью «fixed» и является корневым узлом для составного предлога «несмотря на».

- В случае если знаменательное слово опущено, служебное слово выступает в качестве главного по отношению ко всем словам, зависимым от исходного, т. е. эти слова формируют зависимости со служебным словом вместо опущенного знаменательного.

Пример 8



В данном примере (англ.) вспомогательный глагол «could» заменил собой опущенное слово «answer».

Варианты синтаксических конструкций УЗ

Для иллюстрации того, как различные синтаксические явления описываются в УЗ, рассмотрим некоторые из синтаксических конструкций, поддерживаемых УЗ (описание полного списка таких конструкций выходит за рамки данной статьи).

Словосочетание

В именном словосочетании основным словом является существительное, с которым связываются остальные слова.

Пример 9

рус.	
англ.	
нем.	

В данном примере (рус.) существительное «рубашка» связано с прилагательным «белая» связью «amod» (определение).

Конструкции с числительными

В УЗ числительное связывается с существительным связью «nummod» (числительное).

Пример 10

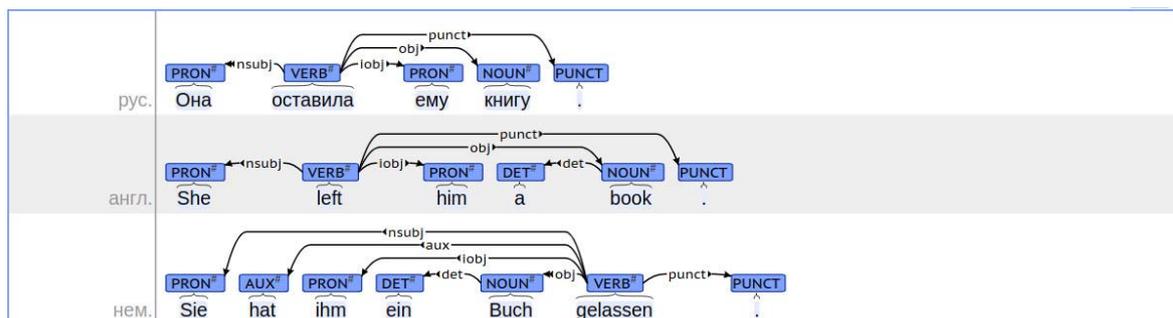
рус.	
англ.	
нем.	

В данном примере (рус.) основное слово – существительное «килограмм» связано с числительным «пять» связью «nummod:gov» (метка «gov» показывает, что числительное управляет существительным).

Простое предложение

В простом предложении корневым узлом разбора является сказуемое (как правило, глагол), с которым связано подлежащее (существительное или местоимение), а также другие слова (например, дополнение, выраженное существительным).

Пример 11

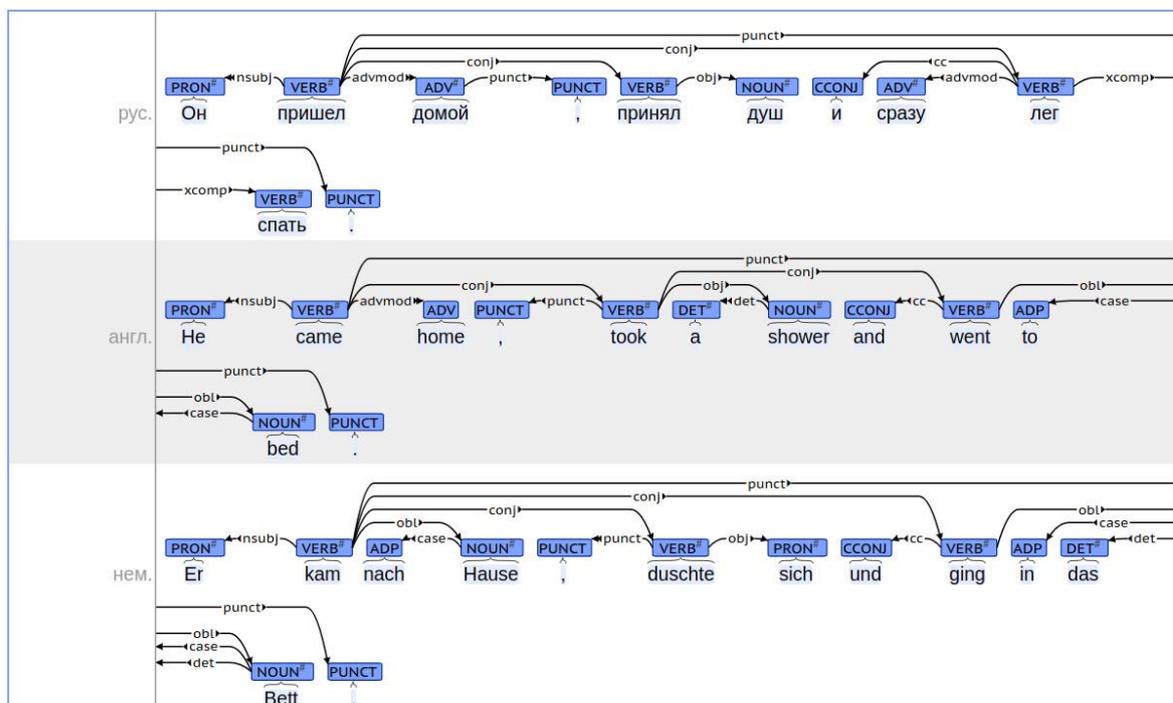


В данном примере (рус.) корневым узлом является сказуемое «оставила», с которым связано подлежащее «она» (связь «nsubj» – подлежащее) и дополнение «ему» (связь «iobj» – дополнение) и «книгу» (связь «obj» – дополнение).

Сочинительная связь

Сочинительная связь в УЗ формируется между корневыми элементами структур, составляющих сочинительную связь (отдельных слов, словосочетаний или простых предложений). Для отдельного слова корневым элементом будет само это слово. Корневым элементом словосочетания будет главное слово (например, существительное для именного словосочетания и глагол для глагольного). В случае простого предложения корневым элементом будет сказуемое. Если в сочинительную связь входят более двух элементов, каждый следующий элемент будет связан с первым связью «conj» (сочинительная связь).

Пример 12

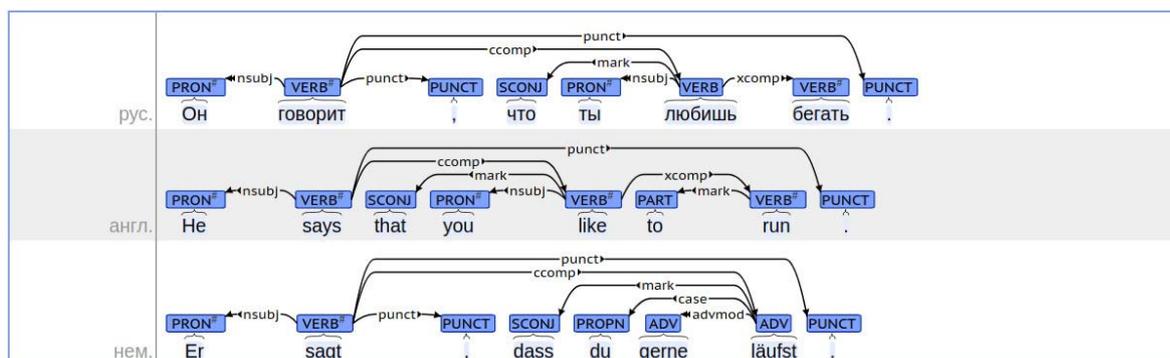


В данном примере (рус.) сочинительная связь формируется между сказуемыми «пришел», «принял», «лег» и выражена связью «conj».

Подчинительная связь

Подчинительная связь между двумя предложениями формируется как связь между сказуемыми этих предложений, выраженная УЗ-аннотациями «сsubj» (клаузальное подлежащее), «сcomp» (клаузальное дополнение), «xcomp» (открытое клаузальное дополнение), «advcl» (клаузальное обстоятельство) и «acl» (клаузальное дополнение).

Пример 13

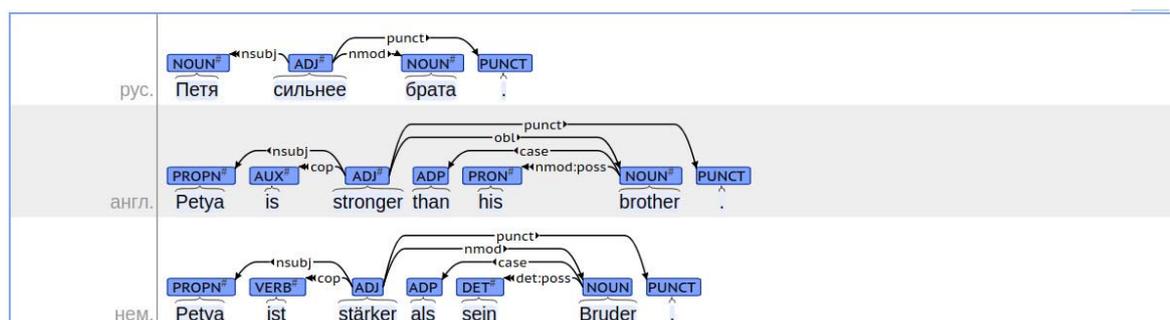


В данном примере (англ.) подчинительная связь формируется между сказуемыми «says» и «like» и выражена связью «сcomp» (клаузальное дополнение).

Сравнение

Конструкции сравнения в различных языках могут достаточно сильно различаться. В простейшем случае сравнение формируется в виде корневого узла, заданного сказуемым, выраженным прилагательным в сравнительной или превосходной степени и связанным с ним подлежащим и дополнением, являющимися аргументами сравнения.

Пример 14



В данном примере (рус.) корневым элементом сравнения является прилагательное «сильнее» (сказуемое), а аргументами сравнения – существительные «Петя» (подлежащее) и «брата» (дополнение).

Безличный предикатив

Предикативом (или безличным предикативом) называется определенный разряд слов, которые в сочетании с нулевой связкой или глаголом «быть» выступают в качестве сказуемого в безличном предложении: «мне интересно», «мне было плохо». Ранее наряду с термином

«предикатив» в указанном значении использовался также термин «категория состояния», сейчас этот термин считается устаревшим и не используется. Термин «предикатив» также имеет более широкое значение, когда предикативом называют именную часть именного сказуемого: «Иван всегда готов помочь другу». В этой статье мы ограничимся рассмотрением только безличных предикативов или слов категории состояния.

На текущий момент среди лингвистов нет единого мнения, считать ли предикатив отдельной частью речи. Одни исследователи считают, что не требуется выделять их как отдельную часть речи, и выделяют среди них два разряда: предикативные существительные (*жаль, лень, след*) и предикативные наречия (*нельзя, холодно, жарко*) [РГ, 1980]. Другие выделяют их как отдельную самостоятельную часть речи – слова категории состояния, справедливо считая, что их синтаксические особенности требуют такого выделения [Щерба, 2004]¹. Третьи считают ее специализированной синтаксической частью речи [Шелякин, 2001].

Морфологически предикативы подразделяются на несколько категорий.

- Слова, мотивированные существительными (*лень, грех, время, пора, охота, неохота, резон, досуг, недосуг, резон, толк*). Это ограниченная категория предикативов, которая в настоящее время не пополняется новыми словами.
- Слова, мотивированные краткими прилагательными среднего рода: *грустно, легко, тяжело, трудно, странно, приятно, удивительно, дурно, плохо, невозможно*.
- Слова, мотивированные краткими формами причастий среднего рода: *натоптано, накурено, закрыто*.
- Предикативные наречия [Шведова, 1980]: *должно, можно, надо, нельзя, нужно, устар. надобно*.

Большинство предикативов (кроме предикативов, мотивированных существительными) образуют формы сравнительной степени: *плохо – хуже, трудно – труднее*.

Хотя семантика предикативов, как и большинства слов русского языка, является многозначной, можно выделить следующие их основные категории [Летучий, 2017]:

- обозначающие оценку;
- отражающие физическое состояние или ощущение;
- отражающие эмоциональное состояние или чувства и восприятие;
- предикативы с ментальной семантикой;
- предикативы с модальной семантикой;
- выражающие пространственные отношения;
- выражающие временные отношения;
- обозначающие свойство места и расположение в нем объектов и не имеющие субъекта оценки;
- отражающие состояние природы;
- отражающие состояние окружающей среды.

Методика исследования

Для изучения вопросов употребления предикатива мы использовали корпус русского языка УЗ. Данный корпус построен на базе корпуса русского языка SynTagRus [Дяченко и др., 2015]. Корпус содержит около 1 млн словоупотреблений и более 60 тыс. предложений из текстов различных жанров (фантастика, научно-популярная литература, газеты, журналы, новости и др.). Корпус поставляется в формате CoNLL-U.

Исследование проведено в три этапа. На первом этапе мы реализовали методику выявления предикативов в произвольном русскоязычном тексте. Для этого на языке программирования Java был создан парсер текстов, позволяющий составить частотный словарь использования предикативов. На вход парсера подается текст, размеченный в формате CoNLL-U. В качестве такого текста мы использовали упомянутый ранее корпус русского языка УЗ. Интересно, что, используя любой УЗ совместимый парсер, например UDPipe [Straka et al., 2016], который выдает результаты в УЗ совместимом CoNLL-U формате, можно без изменения пар-

¹ Первое издание вышло в 1974 г. (Москва, АН СССР).

сера вести исследование на произвольном неразмеченном корпусе текстов. Это подтверждает полезность применения УЗ в исследованиях такого рода.

Парсер работает, опираясь только на синтаксис, и не анализирует семантику предложения, поэтому с достаточной точностью может выявлять только предикативы, мотивированные краткими прилагательными и наречиями, оканчивающимися на -о, -ее, каковых большинство в русском языке. Предикативы, мотивированные существительными, таким образом выявить нельзя. Для обхода этого ограничения нами из различных источников был сформирован начальный список предикативов (около 100 единиц), включающих и предикативы, мотивированные существительными. Этот список также поступает на вход парсера.

УЗ не выделяет предикатив в отдельную часть речи, поэтому для выявления предикатива в произвольном русском предложении парсер использует следующий алгоритм.

1. Среди всех предложений корпуса текстов выявляются все безличные предложения. Предложения, имеющие подлежащее, ссылающееся на корневой элемент предложения, который в УЗ всегда является сказуемым, не рассматриваются. Для этого проверяется, что каждое слово предложения не содержит ссылку типа **nsubj** на слово типа **root**.

2. Среди всех словоформ определенного безличного предложения выделяется словоформа типа **root**, обозначающая сказуемое, остальные словоформы не рассматриваются (главенство знаменательных слов в УЗ предполагает, что глагол связки, если есть, будет зависимым от предикатива, а не наоборот). Сказуемые подчиненных предложений, если есть, также не рассматриваются.

3. Из полученного в п. 2 списка словоформ выделяются все словоформы, являющиеся краткими прилагательными единственного числа среднего рода, оканчивающиеся на -о. В УЗ часть речи: *adj*, признаки: *degree=pos|gender=neut|number=sing|variant=short*.

4. Из полученного в п. 2 списка словоформ выделяются все словоформы, являющиеся прилагательными в сравнительной степени, оканчивающиеся на -ее. В УЗ часть речи: *adj*, признаки: *degree=cmp*.

5. Из полученного в п. 2 списка словоформ выделяются все словоформы, являющиеся наречиями, оканчивающиеся на -о. В УЗ часть речи: *adv*, признаки: *degree=pos*.

6. Из полученного в п. 2 списка словоформ выделяются все словоформы, являющиеся наречиями в сравнительной степени, оканчивающиеся на -ее. В УЗ часть речи: *adv*, признаки: *degree=cmp*.

7. Полученные в п. 3–6 списки словоформ объединяются в единый результирующий список предикативов.

На втором этапе по всем найденным предикативам была построена частотная характеристика их использования в предложениях, после чего все слова были отсортированы в порядке убывания частоты использования. На третьем этапе для первых 40 наиболее часто употребляемых слов мы выполнили анализ их распределения по семантическим категориям.

Результаты исследования

В итоге на корпусе русского языка УЗ были получены следующие результаты:

- общее количество предложений: 61 889;
- общее количество словоупотреблений: 905 092;
- предварительно отобранных вручную предикативов: 101, из них реально использованных в данном корпусе: 62;
- количество найденных автоматически уникальных предикативов: 186;
- общее количество использованных в корпусе уникальных предикативов: 248;
- количество предложений с отобранными вручную предикативами: 2 505;
- количество предложений с найденными автоматически предикативами (исключая учтенные по отобранным вручную): 723;
- общее количество предложений с предикативами: 3 228.

Как видно из полученных результатов, количество предложений с предикативами составляет около 5 % от общего числа предложений. Это показывает, что предикатив является значимым языковым явлением.

Распределение уникальных предикативов по частям речи (в скобках показана УЗ часть речи), использованных в исследуемом корпусе:

- прилагательное (adj): 169;
- наречие (adv): 72;
- существительное (noun): 4;
- глагол (verb): 2.

Наиболее продуктивными из частей речи, с точки зрения образования предикативов, являются прилагательные и наречия. Причем прилагательные более чем в два раза опережают по словообразованию наречия. Существительные и глаголы вносят несущественный вклад в словообразование предикативов.

Распределение словоупотреблений предикативов по частям речи в количестве предложений на данную форму предикатива в исследуемом корпусе (в скобках показаны УЗ часть речи и УЗ признаки соответствующей словоформы):

- краткое прилагательное ед. ч., ср. р. (adj – degree=pos | gender=neut | number=sing | variant=short): 1 550;
- наречие (adv – degree=pos): 1618;
- наречие в сравнительной степени (adv – degree=cmp): 18;
- существительное (noun): 40;
- причастие (verb – aspect=perf | gender=neut | number=sing | tense=past | variant=short | verbform=part | voice=pass): 2.

Распределение словоупотреблений показывает, что как предикативы, мотивированные краткими прилагательными, так и предикативы, мотивированные простыми наречиями, используются в языке примерно в равной степени и значительно опережают по частоте использования остальные части речи – сравнительные наречия, существительные и причастия.

Распределение словоупотреблений предикативов по уникальным словам в количестве предложений на данное слово предикатива в исследуемом корпусе (первые 40 наиболее часто употребляемых):

можно: 839	надо: 376	нужно: 221	нельзя: 160
необходимо: 105	невозможно: 100	трудно: 87	важно: 83
понятно: 77	известно: 74	интересно: 46	достаточно: 45
хорошо: 40	легко: 33	ясно: 32	возможно: 28
сложно: 28	видно: 25	очевидно: 25	принято: 25
время: 18	жаль: 18	естественно: 16	пора: 16
неудивительно: 15	просто: 15	странно: 15	целесообразно: 15
приятно: 14	удивительно: 14	непросто: 13	нетрудно: 13
любопытно: 11	правильно: 11	непонятно: 10	тяжело: 10
желательно: 9	жалко: 8	нелегко: 8	

Распределение словоупотреблений предикативов по семантическим категориям в количестве предложений на данную семантическую категорию / данное слово предикатива в исследуемом корпусе (среди выбранных общеупотребительных):

- модальные предикативы (1 946): *можно* (839), *надо* (376), *нужно* (221), *нельзя* (160), *необходимо* (105), *важно* (83), *возможно* (28), *невозможно* (100), *принято* (25), *желательно* (9);
- предикативы ментального состояния (395): *понятно* (77), *известно* (74), *интересно* (46), *достаточно* (45), *ясно* (32), *любопытно* (11), *непонятно* (10), *очевидно* (25), *неудивительно* (15), *естественно* (16), *странно* (15), *целесообразно* (15), *удивительно* (14);
- предикативы физического состояния (207): *трудно* (87), *легко* (33), *сложно* (28), *тяжело* (10), *просто* (15), *непросто* (13), *нетрудно* (13), *нелегко* (8);
- предикативы оценки (111): *хорошо* (40), *время* (18), *жаль* (18), *пора* (16), *правильно* (11), *жалко* (8);
- предикативы эмоционального состояния (39): *видно* (25), *приятно* (14);
- в сумме (по первым 40): 2 698;
- на оставшиеся 208 предикативов приходится 520 словоупотреблений.

Таким образом, модальные предикативы составляют более половины найденных словоупотреблений, что показывает очень высокую частотность их употребления. По-видимому, модальность является одним из основных вариантов использования предикатива в речи.

На втором месте идут предикативы ментального состояния, в большинстве случаев отражающие отношение говорящего к предмету разговора и являющиеся, как кажется, вторым основным вариантом использования предикатива в речи.

На предикативы физического состояния, оценки и эмоционального состояния в сумме приходится около 10 % словоупотреблений.

На оставшиеся некатегоризированными 208 предикативов приходится 520 словоупотреблений (около 15 %).

Заключение

Мы рассмотрели проект универсальных зависимостей, позволяющий унифицировать грамматические признаки между различными языками. Унификация выполняется как по частям речи, так и по линии морфологического разбора, а также в части синтаксиса. Это позволяет упростить кросс-лингвистические исследования, унифицирует межъязыковую лингвистическую типологию, дает основу для создания автоматизированных многоязычных систем и универсального кросс-языкового парсера текстов.

В исследовательской части статьи на примере предикатива и корпуса русского языка УЗ показано, как вести корпусные исследования с использованием УЗ. Универсальность описания грамматических признаков УЗ позволяет вести исследования не только на предварительно размеченном языковом корпусе, но и на произвольном корпусе текстов (используя специализированный УЗ совместимый парсер) без изменения методики и алгоритмов исследования.

Создана методика выявления предикативов в произвольном тексте, определено частотное распределение предикативов по различным критериям: частям речи, уникальным словоформам, семантическим категориям.

По результатам исследования выяснено, что предложения с предикативами занимают около 5 % от общего объема предложений. Наиболее продуктивными из частей речи, с точки зрения образования предикативов, являются прилагательные и наречия. Предикативы, мотивированные краткими прилагательными и простыми наречиями, являются наиболее часто употребляемыми в речи. Модальные предикативы и предикативы ментального состояния составляют основную часть словоупотреблений.

Список литературы

Дяченко П. В., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Митюшин Л. Г., Подлеская О. Ю., Сизов В. Г., Фролова Т. И., Цинман Л. Л. Современное состояние глубоко аннотированного корпуса текстов русского языка (СинТагРус) // Национальный корпус русского языка: 10 лет проекту. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015. Вып. 6. С. 272–299.

Летучий А. Б. Предикатив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.

РГ – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; Т. 2: Синтаксис.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Duden. Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich, 1995. Bd. 4: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.

Marneffe M. et al. Universal Stanford Dependencies: A cross-linguistic typology, 2006.

McDonald R., Nivre J., Quirmbach-Brundage Y., Goldberg Y., Das D., Ganchev K., Hall K., Petrov S., Zhang H., Täckström O., Bedini C., Bertomeu Castelló N., Lee J. Universal dependency annotation for multilingual parsing // ACL, 2013.

Nivre J., Marneffe M., Ginter F., Goldberg Y., Hajic J., Manning C., McDonald R., Petrov S., Pyysalo S., Silveira N., Tsarfaty R., Zeman D. Universal Dependencies v1: A Multilingual Treebank Collection // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation. European Language Resources Association (ELRA). Paris, France, 2016.

Nivre J. Towards a Universal Grammar for Natural Language Processing // CICLing 2015: Proceedings of Computational Linguistics and Intelligent Text Processing. Cairo, Egypt, 2015. Vol. 9041. P. 3–16.

Petrov S., Das D., McDonald R. A universal part-of-speech tagset // LREC, 2012.

Straka M., Hajič J., Straková J. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files Performing Tokenization, Morphological Analysis, POS Tagging and Parsing // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). Portorož, Slovenia, 2016.

Zeman D., Mareček D., Popel M., Ramasamy L., Štěpánek J., Žabokrtský Z., Hajič J. HamleDT: To parse or not to parse? // LREC, 2012. P. 2735–2741.

Zeman D. Reusable tagset conversion using tagset drivers // LREC, 2008. P. 213–218.

Материал поступил в редколлегию 16.01.2018

Elena V. Lyukina

*National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

eliouki@mail.ru

USE OF UNIVERSAL DEPENDENCIES FOR GRAMMATICAL ANALYSIS OF THE MULTILINGUAL TEXT (ON THE EXAMPLE OF PREDICATIVE)

The paper combines the initiative of universal dependencies (UD), with the aim to promote developing cross-linguistically consistent annotation scheme of grammatical analysis. The purpose of this initiative is to simplify cross-language research methods, develop a unified interlanguage linguistic typology, and thus lay the foundations for the use of automated multilingual systems and a universal cross-language text parser.

The paper points out the main problems of grammatical analysis pertinent to a multilingual text, advantages of using common language features, and purposes of the universal dependencies project. The major principles of universal dependencies are discussed based on the example of morphology and syntax features of Russian, English and German.

In the second part we illustrate how to conduct a corpus research on predicatives using UD. The article proposes a technique of automatic identification of predicatives, examines their frequency distribution in the Russian UD corpus, and the semantic categorization of the most often used predicatives.

Keywords: universal dependencies, cross-linguistic analysis, grammatical analysis, linguistic typology, predicative, corpus-based research.

References

Dyachenko P. V., Iomdin L. L., Lazurskij A. V., Mitjushin L. G., Podlesskaja O. Yu., Sizov V. G., Frolova T. I., Cinman L. L. Sovremennoe sostoyanie gluboko annotirovannogo korpusa tekstov russkogo yazyka (SinTagRus) [Modern state of deeply annotated corpus of Russian language]. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 10 let proektu* [National corpus of Russian language: 10 years of project]. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Moscow, 2015, iss. 6, p. 272–299. (in Russ.)

DUDEN. Bd. 4: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim Leipzig Wien Zurich, 1995.

Letuchij A. B. Predikativ. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (<http://rusgram.ru>) [Predicative. Materials for project of corpus description of Russian grammar]. Na pravah rukopisi. Moscow, 2017. (in Russ.)

Marneffe M. et al. Universal Stanford Dependencies: A cross-linguistic typology, 2006.

McDonald R., Nivre J., Quirmbach-Brundage Y., Goldberg Y., Das D., Ganchev K., Hall K., Petrov S., Zhang H., Täckström O., Bedini C., Bertomeu Castelló N., Lee J. Universal dependency annotation for multilingual parsing. In ACL, 2013.

Nivre J., Marneffe M., Ginter F., Goldberg Y., Hajic J., Manning C., McDonald R., Petrov S., Pyysalo S., Silveira N., Tsarfaty R., Zeman D. Universal Dependencies v1: A Multilingual Treebank Collection. In Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation. European Language Resources Association (ELRA). Paris, France, 2016.

Nivre J. Towards a Universal Grammar for Natural Language Processing. In CICLing 2015: Proceedings of Computational Linguistics and Intelligent Text Processing, vol. 9041 of LNCS, pages 3–16. Cairo, Egypt, 2015.

Petrov S., Das D., McDonald R. A universal part-of-speech tagset. In LREC, 2012.

Shelyakin M. A. Funkcional'naja grammatika russkogo jazyka. [Functional grammar of Russian language]. Moscow, Russkij yazyk, 2001. (in Russ.)

Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. Moscow, Editorial URSS, 2004. (in Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). Russkaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, Nauka [Science], 1980. Vol. I. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology; Vol. II. Syntax (in Russ.)

Straka M., Hajič J., Straková J. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files Performing Tokenization, Morphological Analysis, POS Tagging and Parsing. In Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). Portorož, Slovenia, 2016.

Zeman D., Mareček D., Popel M., Ramasamy L., Štěpánek J., Žabokrtský Z., Hajič J. HamleDT: To parse or not to parse? In LREC, 2012, p. 2735–2741.

Zeman D. Reusable tagset conversion using tagset drivers. In LREC, 2008, p. 213–218.

For citation:

Lyukina Elena V. Use of Universal Dependencies for Grammatical Analysis of the Multilingual Text (On the Example of Predicative). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 19–33. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-19-33

УДК 81'32 + 811.512.162
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-34-47

М. А. Домрачев¹, С. Н. Судоплатова²

¹ Компания «2ГИС»
пл. Карла Маркса, 7, Новосибирск, 630048, Россия

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

m.domrachev.scientist@gmail.com, svetlana.sn21@gmail.com

ТЕСТИРОВАНИЕ МЕТОДОВ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОБНАРУЖЕНИЯ ГРАНИЦ МОРФЕМ НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена методам автоматического извлечения морфологических парадигм и нахождения границ морфем в словах. Подробно описан автоматный подход к обнаружению границ морфем. Этот подход был проверен экспериментально на материале азербайджанского языка, полученные результаты сравниваются с результатами библиотеки Linguistica на тех же данных.

Ключевые слова: извлечение морфологии, извлечение парадигм, обнаружение границ морфем.

Многие задачи современной компьютерной лингвистики так или иначе связаны с морфологией и морфемикой языка и требуют знаний о структуре слов, их морфемном составе и словоизменительных парадигмах. Решение задач оптимизации информационного поиска, проверки правописания, машинного перевода, а также многих других включает в себя работу с морфологическим уровнем каждого конкретного языка. Таким образом, существует потребность в базах данных, содержащих словоизменительные парадигмы. Подобные базы данных используются в таких областях, как автоматический морфологический анализ (POS-tagging, лемматизация), пополнение ресурсов о морфологии (например, Wiktionary), синтез поверхностных форм в машинном переводе (формы вида «лемма + грамматическая информация»).

В данной статье рассматриваются существующие методы автоматического извлечения парадигм и нахождения границ морфем в словах. Некоторые из этих методов были проверены экспериментально на материале азербайджанского языка.

Интерес к автоматическому обнаружению морфологических парадигм возник довольно давно. В 1967 г. вышли в свет две научные работы, затрагивающие эту тему. Одна из них – книга А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение», в которой описывается «решение следующей практической задачи: произвести классификацию некоторой точно определенной (притом достаточно большой) совокупности русских именных парадигм и дать основанные на этой классификации правила синтеза именных парадигм, т. е. правила, позволяющие построить, в соответствии с существующей литературной нормой, парадигму любого русского имени (из взятой совокупности)» [2002. С. 3–4]. Еще один труд об автоматическом извлече-

Домрачев М. А., Судоплатова С. Н. Тестирование методов автоматического обнаружения границ морфем на материале азербайджанского языка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 34–47.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 2
© М. А. Домрачев, С. Н. Судоплатова, 2018

нии морфологии принадлежит Н. Д. Андрееву, известному своими работами в области математической лингвистики. В монографии «Статистико-комбинаторный метод в теоретическом и прикладном языковедении» [1967] Н. Д. Андреев представил алгоритм, который может успешно использоваться для извлечения морфологии языков различных семей и типологий.

В настоящее время в математической и компьютерной лингвистике активно используются технологии машинного обучения, средства теории формальных языков и теории автоматов. В ходе развития этой научной области создано большое количество подходов к решению задачи автоматического извлечения морфологических парадигм и обнаружения границ морфем. Кроме уже названного статистико-комбинаторного метода, существуют также:

- 1) подход на основе вычисления наибольшей общей подпоследовательности (НОП) слов [Ahlberg et al., 2014];
- 2) комбинированный подход – вычисление НОП и машинное обучение [Sorokin, Khomchenkova, 2016];
- 3) автоматный подход с использованием конечных преобразователей [Beesley, 2001];
- 4) подход на основе принципа минимальной длины описания [Goldsmith, 2001];
- 5) различные методы автоматического извлечения морфологических парадигм без учителя [Hammarström, Borin, 2011].

В нашем исследовании мы остановились на двух подходах: автоматном и на основе принципа минимальной длины описания. Первый подход мы рассмотрим подробнее в данной статье. Целью исследования была оценка качества определения границ морфем в словах азербайджанского языка при использовании этих подходов. Выбор языка обусловлен отсутствием широко известных аналогичных работ в данной сфере и повышением актуальности изучения этого языка в связи с бурным ростом экономики Республики Азербайджан.

Для экспериментов по извлечению морфологии был создан корпус азербайджанского языка (с письменностью на основе латиницы). Тексты корпуса собраны с различных новостных и информационных сайтов при помощи краулера Apache Nutch 1.3¹. Исходные ссылки взяты с сайта проекта An Crúbadán, где в свободном доступе выложена база статистических данных для редких языков, собранная из текстов с веб-сайтов². Для обработки полученных текстов на языке программирования Python 3 был написан парсер, который нормализует текст (удаляет метаданные и пометы, расставляемые краулером, устраняет вкрапления иностранных языков, заменяет некоторые данные – даты, ссылки, телефоны, числа и другое – на спецсимволы, удаляет небуквенные символы, дефисы на месте тире, множественные пробелы и др.).

Таким образом, был получен корпус современного азербайджанского языка, содержащий 100 560 предложений (2 189 398 слов). Также из данного корпуса сформирован список уникальных словоформ (117 152 словоформы). Корпус можно найти в свободном доступе в репозитории на веб-сервисе Github³.

Для оценки работы алгоритма использовались таблицы словоизменения азербайджанских существительных и глаголов, загруженные из Викисловаря⁴. Данные таблицы содержат следующие грамматические формы:

- 1) для существительных – формы изменения по падежам и числам, а для отдельных слов также притяжательные формы и их склонение;
- 2) для глаголов – формы пяти времён (давнопрошедшего, прошедшего категорического, настоящего, будущего категорического, будущего некатегорического), формы императива и других наклонений (желательного, долженствовательного, необходимого, условного) и формы изменения глагола по лицам.

Необходимо заметить, что таблицы глагольного словоизменения являются неполными, так как не включают в себя многих грамматических форм, например форм прошедшего повествовательного времени, настоящего длительного времени, отрицательных форм и др.

¹ Nutch Wiki [сайт]. URL: <https://wiki.apache.org/nutch/>.

² An Crúbadán [сайт]. URL: <http://crubadan.org/>.

³ URL: https://github.com/svetlana21/Nutch_parser/.

⁴ Vikilügət [сайт]. URL: <https://az.wiktionary.org/>.

В результате мы получили таблицы словоизменения для 433 глаголов (28 578 словоформ) и 1 286 существительных (19 776 словоформ). Они были записаны в файлы формата json в виде словаря, где ключами являются лексемы в начальной форме, а значениями – списки словарей вида «форма: грамматическая информация».

Критерием оценки качества являлась правильность определения границы корня и суффикса. По этой причине файлы json с морфологической информацией были отредактированы: ключи в виде начальных форм лексем были заменены на наибольшую общую подпоследовательность всех форм парадигмы. Поскольку азербайджанский язык – язык агглютинативного строя, то в большинстве случаев корень в действительности совпадает с наибольшей общей подпоследовательностью форм парадигмы.

Кроме того, оценивалось количество словоизменяемых парадигм, в которых все формы (из тех, что встретились в корпусе) были разобраны правильно.

Первый рассмотренный нами подход – автоматный. Для нахождения границ морфем использовался набор скриптов на языке Python 3 под общим названием FST_morphology⁵, частично реализующий алгоритм нахождения морфемных границ внутри слова посредством анализа статистики вершин конечного автомата, построенного на словаре какого-либо языкового корпуса. Данный алгоритм является разработкой компании «ДГ-Софт».

Рассмотрим общую идею данного алгоритма нахождения морфемных границ. Словарь, сформированный на основе корпуса, компилируется в виде конечного автомата. После операций детерминации и минимизации автомат приводится к оптимальному виду (для компиляции словаря и операций над ним использовалась библиотека OpenFST⁶). Затем, анализируя количество предков и потомков каждой вершины, а также частоты, можно определить границы корня слов и морфем. Если количество предков вершины велико (наблюдается пик), но далее следует плато без резких скачков степеней вершины, то, вероятно, здесь и будет находиться граница корня и суффиксов. Еще один способ разделения слов на морфемы – разбиение по наиболее частотным вершинам в определенной позиции. Оба этих способа обнаружения границ морфем могут использоваться по отдельности или объединяться.

Рассмотрим подробнее все шаги алгоритма. Для примера возьмем тестовый корпус, в котором имеются только формы именительного и родительного падежей единственного и множественного числа имен существительных *almaz*, *bazar* и *bant*.

I. Создание списка уникальных словоформ из корпуса и файлов для компиляции автомата на его основе. Для компиляции необходимы 2 (в отдельных случаях 3) текстовых файла.

1. Файл в особом формате AT&T для описания автоматов, задающий переходы и содержащий строки вида <состояние-источник> <следующее состояние> <входной символ> <выходной символ> [<вес>]⁷.

2. Внутреннее представление входных и выходных символов является целым числом. Поэтому необходимо явно указать отображение символов в целые числа с помощью файлов с таблицей символов, также в формате AT&T.

Таких файлов может быть два, если входные и выходные символы отличаются друг от друга. В нашем же случае моделируется не преобразователь, а обычный автомат, поэтому символы отображаются сами в себя, и нет необходимости в двух разных таблицах символов.

Все файлы были автоматически сформированы при помощи скриптов. В текстовом автомате каждому символу словоформ соответствует отдельное состояние автомата.

II. Необходимо скомпилировать автомат с помощью консольных команд OpenFST, затем детерминировать и минимизировать его.

После компиляции автомат будет выглядеть как на рис. 1. Затем производится детерминация автомата, т. е. приведение автомата к такому виду, что возможен только один переход по одному символу из одного состояния (тогда как в недетерминированном конечном автомате возможно несколько переходов). Автомат после детерминации представлен на рис. 2. Последний шаг на этом этапе – минимизация. Эта операция позволяет получить оптимальный автомат с минимально возможным числом состояний (рис. 3).

⁵ URL: https://github.com/Ulitchka/FST_morphology/.

⁶ URL: <http://www.openfst.org/>.

⁷ FSM file formats [сайт]. URL: http://web.eecs.umich.edu/~radev/NLP-fall2015/resources/fsm_archive/fsm.5.html/.

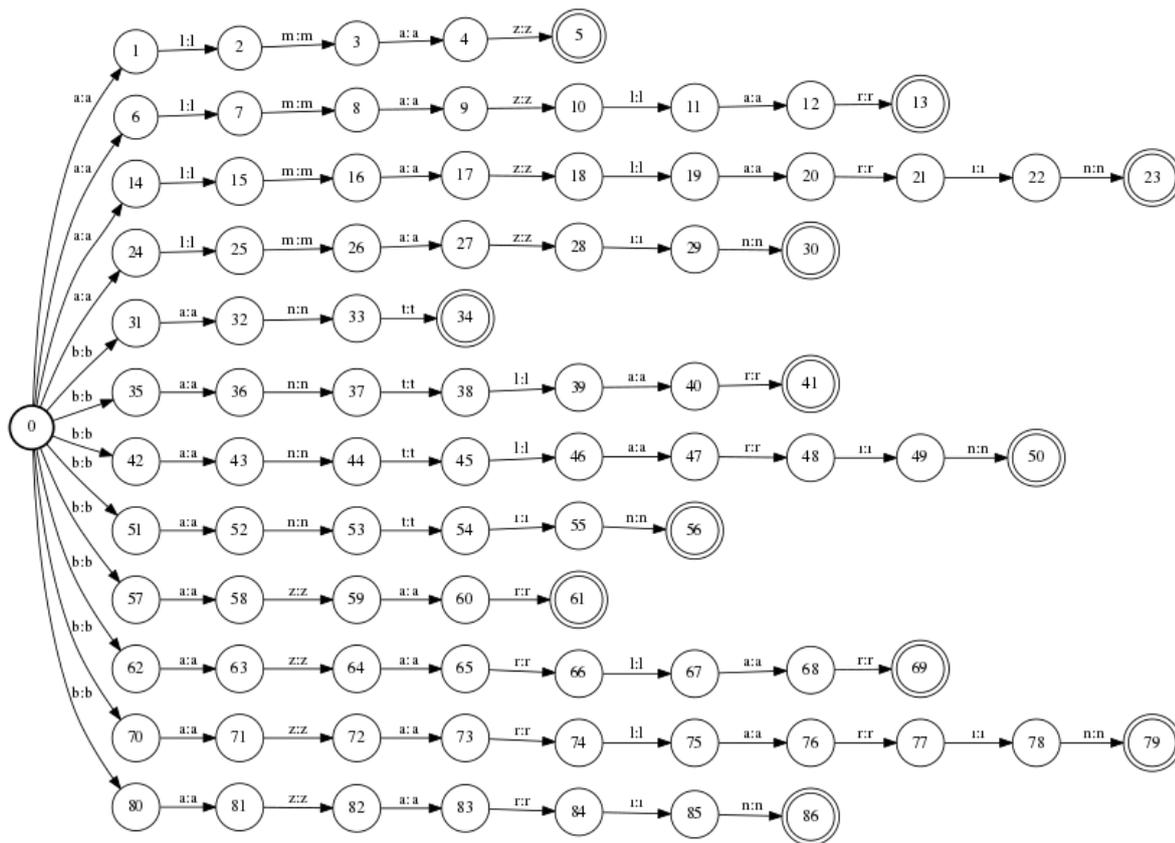


Рис. 1. Тестовый корпус в виде недетерминированного конечного автомата

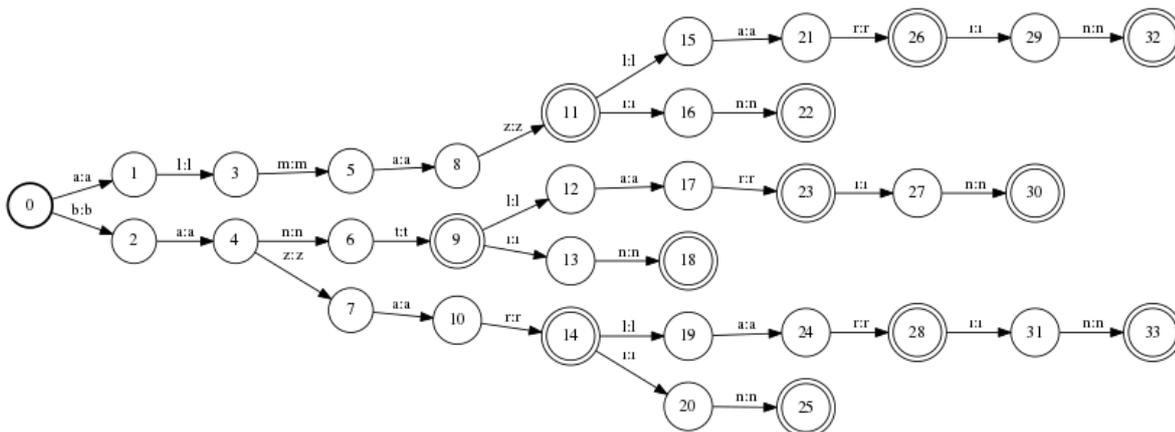


Рис. 2. Тестовый корпус в виде детерминированного конечного автомата

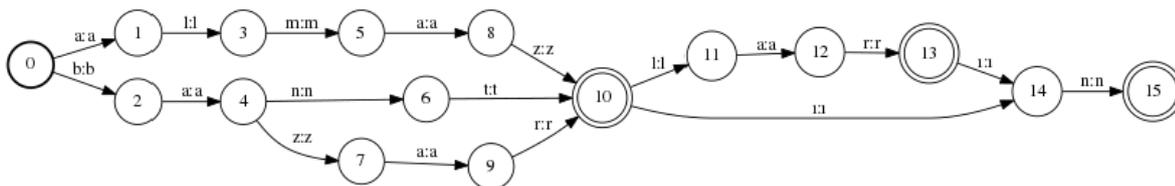


Рис. 3. Тестовый корпус в виде минимального конечного автомата

Получившийся минимальный автомат выводим в виде текстового файла в том же формате, из которого производилась компиляция исходного автомата. Дальнейшие операции будут производиться над этим текстовым автоматом с помощью скриптов.

III. Для разбиения словоформ на морфемы необходимо предварительно извлечь информацию из текстового автомата и создать файлы с данными. Первый шаг на этом этапе – получение из текстового автомата списка словоформ и переходов, т. е. всех состояний автомата, которые необходимо пройти, чтобы распознать слово. Для рассматриваемого примера эти данные будут выглядеть следующим образом:

```
bant 0-2-4-6-10
bazar 0-2-4-7-9-10
almaz 0-1-3-5-8-10
bantin 0-2-4-6-10-14-15
...
```

IV. Подсчет статистики степеней вершин автомата.

Одним из представлений конечных автоматов является диаграмма переходов – граф, вершины которого соответствуют состояниям автомата, а рёбра – переходам между состояниями. В дальнейшем будем рассматривать автомат в этом представлении и пользоваться некоторыми терминами теории графов.

Входящей степенью вершины v будем называть количество предков вершины v , исходящей степенью – количество потомков вершины v . Для каждой вершины находим ее входящую и исходящую степени. Далее анализируем степени, используя стратегию пика и плато [Hammarström, Borin, 2011. P. 325].

На этом этапе создаются 2 файла с данными.

1. Файл, содержащий информацию по каждой вершине: ее входящая степень, входящие переходы, номер самой вершины, исходящие переходы, исходящая степень.

2. Файл, содержащий информацию о состояниях (вершинах) с пиками. Если степень вершины превышает некоторый эвристически заданный порог, то вершина добавляется в список состояний с пиками (проверка производится и для входящей, и для исходящей степени). Если входящая и исходящая степени равны друг другу и меньше этого порога, то вершина добавляется в список состояний с плато.

В случае с примером, представленном на рис. 3, данный файл будет содержать список, содержащий кортеж [(3, '10', 2)] (при пороге, равном 2), так как для вершины 10 наблюдается пик: входящая степень этой вершины равна 3.

V. Сбор информации о позициях вершин в словах и длинах слов, сохранение списка с этой информацией в файл.

VI. Сбор статистики по вершинам: их степени и символы переходов.

На этом этапе создаются следующие файлы: статистика по степеням вершин с сортировкой по входящим степеням и по исходящим. В качестве примера приведем часть содержимого первого файла:

```
-----
Indegree symbols  aim arc  Outdegree symbols
```

```
-----
      3      10      2
      2      14      1
```

```
... ..
```

3. Данные по символам переходов:

```
-----
Indegree symbols  aim arc  Outdegree symbols
```

```
-----
      ...      ...      ...
[r', 't', 'z']    10    ['l', 'l']
      ['a']        9     ['r']
      ...      ...      ...
```

VII. Нахождение самой частотной позиции вершины в слове. Для этого используется файл, созданный на шаге V, и статистика по степеням вершин с сортировкой по входящим степеням (шаг VI). Данные по каждой вершине вносятся в список.

VIII. Подсчет частот вершин, т. е. количества вхождений вершин в кратчайшие пути между двумя вершинами. Для этого загружается список слов с их переходами, созданный на шаге III, и из него формируется словарь частот переходов, где ключ – это номер вершины, а значение – количество вхождений вершины в переходы.

Затем в список, полученный на шаге VII, добавляется частота вершин.

На этом подготовка информации для нахождения границ морфем заканчивается.

IX. Нахождение границ морфем.

В самом начале необходимо задать пороги длин слов, которые будут рассматриваться. Для примера слова были ограничены длинами 4–8. Для слов каждой из допустимых длин производятся подготовка данных и разбиение слов на морфемы. Рассмотрим подробнее оба этапа.

Подготовка данных включает следующие шаги.

1) загрузка характеристик вершин (степени, средняя позиция, частота) из файла, подготовленного на шаге VIII, и слов с переходами и вершинами;

2) фильтрация слов (слова одной длины обрабатываются отдельно, так как одна и та же вершина может занимать разные позиции в словах разной длины, при этом являясь границей морфем для всех этих слов);

3) объединение данных в один список.

Для поиска границ морфем используются три способа: по частотам, по степеням вершин и объединение этих двух способов.

Для обнаружения границ морфем также необходимо задать пороги и константы:

1) порог самой частотной позиции в слове – задает минимальную длину корня, т. е. обозначает позицию в слове, с которой может начинаться суффикс;

2) порог частоты вершины;

3) количество морфем, которые следует выделить (т. е. количество наиболее частотных вершин в словах или вершин с пиками, которые рассматриваются как место возможной границы морфемы).

Обозначим эти константы как C_1 , C_2 , C_3 .

Далее производится поиск границ морфем. Рассмотрим сначала подход с использованием частот вершин в определенной позиции.

Для каждого слова заданной длины производятся следующие действия:

1) фильтрация вершин: если самая частотная позиция вершины больше или равна порогу C_1 и ее частота больше или равна порогу C_2 , то вершина и ее частота добавляются в отдельный список;

2) формирование списка кортежей «символ + переход»;

3) выбор C_3 самых частотных вершин;

4) на месте этих вершин ставится символ границы морфемы \diamond ;

5) слово добавляется в список слов с расставленными границами морфем.

Рассмотрим эти шаги на примере формы *almazın*. Константы C_1 , C_2 , C_3 установим равными 3, 2 и 1 соответственно.

1. После фильтрации вершин были отобраны вершины, которые проходят пороги C_1 и C_2 .

2. Составлен список кортежей «символ + переход».

3. Самой частотной является вершина 10 с частотой 12.

4. На месте нее ставится символ границы: *almaz* \diamond *n*.

После обработки всех слов был сформирован следующий список (из десяти словоформ, так как формы *almazların*, *bazarların* и *bantların* были отфильтрованы по длине):

1) *bant ban* \diamond *t*

2) *bazar baz* \diamond *ar*

3) *almaz alm* \diamond *az*

- 4) bantın bant<in
- 5) bantlar bant<lar
- 6) bazarın bazar<in
- 7) almazın almaz<in
- 8) bazarlar bazar<lar
- 9) almazlar almaz<lar

Здесь можно увидеть, что граница корня и суффикса в словоформах 4–9 обозначена верно, тогда как в формах 1–3, где границы не должно быть, есть ошибки. К сожалению, алгоритм не предусматривает возможности определения нулевых морфем, поэтому здесь граница оказалась на месте той вершины, которая удовлетворяла условиям.

Важно отметить еще одну проблему алгоритма: он стремится выделить ровно C_3 морфем, что может приводить к ошибкам. Рассмотрим пример работы алгоритма на том же тестовом корпусе, оставив слова длин 4–10 и установив $C_3 = 2$:

- 1) bant ban<t
- 2) bazar baz<a<r
- 3) almaz alm<a<z
- 4) bantın bant<i<n
- 5) bantlar bant<l<ar
- 6) bazarın bazar<i<n
- 7) almazın almaz<i<n
- 8) bazarlar bazar<l<ar
- 9) almazlar almaz<l<ar
- 10) bantların bant<l<arın
- 11) bazarların bazar<l<arın
- 12) almazların almaz<l<arın

Видно, что количество ошибок увеличилось. Словоформы *almazların* и *bazarların* действительно содержат две морфемы: показатель множественного числа *-lar* и показатель родительного падежа *-ın*. Но границы были расставлены иначе, что отражает еще один нюанс: если частоты всех отобранных вершин были одинаковыми (в данном случае частоты всех вершин, кроме вершины 10, были равны 6), то граница будет поставлена сразу после позиции C_1 .

Рассмотрим подход с использованием степеней вершин и стратегии пиков и плато. Здесь будет использоваться файл, содержащий номера вершин с пиками, созданный на шаге IV. Для каждого слова заданной длины производятся следующие действия:

- 1) фильтрация вершин: если самая частотная позиция вершины больше или равна порогу C_1 и вершина содержится в списке вершин с пиками, то она добавляется в отдельный список;
- 2) формирование списка кортежей «номер вершины + степени»;
- 3) сортировка вершин от наибольшего перепада степеней к наименьшему и выбор топ- C_3 вершин;
- 4) на месте этих вершин ставится символ границы морфемы <
- 5) слово добавляется в список слов с расставленными границами морфем.

Рассмотрим эти шаги на примере формы *almazın*. Константы C_1 , C_3 установим равными 3 и 2 соответственно (C_2 для этого подхода значения не имеет).

1. В файл, содержащий вершины с пиками, была записана только вершина 10. После фильтрации вершин она же осталась в списке: [('10', ['3', '2'])].

2. На месте вершины 10 ставится символ границы: *almaz<ın*.

После обработки список словоформ выглядит так:

- 1) bant
- 2) bazar
- 3) almaz

- 4) bantın bant\diamondın
- 5) bantlar bant\diamondlar
- 6) bazarın bazar\diamondın
- 7) almazın almaz\diamondın
- 8) bazarlar bazar\diamondlar
- 9) almazlar almaz\diamondlar
- 10) bantların bant\diamondların
- 11) bazarların bazar\diamondların
- 12) almazların almaz\diamondların

Сразу можно отметить очевидное преимущество этого подхода. Алгоритм не стремится выделить ровно C_3 морфем, следовательно, ошибок становится меньше. Действительно, в данном случае границы корней и суффиксов были определены верно. Однако в словах с двумя суффиксами второй суффикс не был обнаружен.

Третий подход, представляющий собой объединение первых двух, дает те же результаты, что и второй подход.

Отметим, что приведенные выше примеры не отражают реального качества работы алгоритма. Для получения достойных результатов необходим большой корпус текстов, на котором можно собрать корректную статистику.

Также был проведен ряд экспериментов по нахождению границ морфем с помощью библиотеки Linguistica⁸. Linguistica – это программа, предназначенная для извлечения морфологии языка без учителя. Она находит вероятности морфемных комбинаций на текстовом корпусе, причем какие-либо дополнительные знания о языке, из которого это множество слов взято, не требуются. Программа определяет, где границы морфем находятся в словах, а затем решает, какие из них являются корнями, суффиксами и т. д. Алгоритм программы Linguistica основан на принципе минимальной длины описания и подробно представлен в статье Дж. А. Голдсмита «Unsupervised Learning of the Morphology of a Natural Language» [Goldsmith, 2001]. Программа работает под Windows, Mac OS X и Linux и написана на C++. Также существует обертка для Python, которая и была использована в нашей работе.

Далее рассмотрим результаты, полученные с помощью набора скриптов FST_morphology (с использованием трех подходов) и библиотеки Linguistica.

1. Результаты, полученные с помощью набора скриптов FST_morphology.

Рассмотрим 3 различных способа обнаружения границ морфем.

1. Способ с использованием частот вершин в определенных позициях.

В ходе экспериментов регулировались допустимые длины слов и параметры C_1 , C_2 , C_3 соответственно.

Всего было проведено 16 экспериментов. В табл. 1 приведены результаты (лучший результат выделен цветом) некоторых экспериментов, иллюстрирующие влияние изменения параметров на результат.

В столбце с результатами перечислено:

- 1) общее количество словоформ, которые подвергались оценке, – те словоформы из корпуса, для которых были найдены границы морфем и для которых имеются данные из Вики-словаря;
- 2) количество форм, для которых граница корня и суффиксов была определена верно;
- 3) количество парадигм, в которых все формы были разобраны верно;
- 4) процент ошибочно разобранных слов.

Длины слов было решено практически не менять и не ограничивать, так как для азербайджанского языка характерны как короткие существительные (*ana*, *eq*), так и глагольные формы с большим числом морфем и, соответственно, букв. К тому же эксперимент со значительным изменением допустимых длин слов не дал ни сильного ухудшения результатов, ни заметного улучшения (ср. эксперименты 4 и 5).

⁸ Linguistica 5 [сайт]. URL: <https://linguistica-uchicago.github.io/lxa5/index.html/>.

Таблица 1

Результаты, полученные с помощью набора скриптов FST_morphology
с разными наборами параметров
(подход с использованием частот вершин в определенных позициях)

№ эксперимента	Длина слова	C_1	C_2	C_3	Результат
4	3–12	3	100	2	All: 4 149 Correct forms: 730 Correct paradigms: 15 Errors: 82.40539889129911 %
5	3–22	3	100	2	All: 4 383 Correct forms: 734 Correct paradigms: 15 Errors: 83.25347935204198 %
6	3–22	3	150	2	All: 3 593 Correct forms: 556 Correct paradigms: 13 Errors: 84.52546618424715 %
9	3–22	3	100	3	All: 4 383 Correct forms: 796 Correct paradigms: 18 Errors: 81.83892311202374 %
10	3–22	3	80	3	All: 4 727 Correct forms: 872 Correct paradigms: 21 Errors: 81.55278189126295 %
11	3–22	3	70	3	All: 4 937 Correct forms: 892 Correct paradigms: 26 Errors: 81.93234757950172 %
13	3–22	3	80	1	All: 4 727 Correct forms: 660 Correct paradigms: 18 Errors: 86.03765601861646 %
14	3–22	3	80	2	All: 4 727 Correct forms: 797 Correct paradigms: 16 Errors: 83.13941188914745 %
15	3–22	4	80	3	All: 3 136 Correct forms: 204 Correct paradigms: 19 Errors: 93.49489795918367 %
16	3–22	2	80	3	All: 6 539 Correct forms: 343 Correct paradigms: 5 Errors: 94.75454962532497 %

Примечание: C_1 – минимальная длина корня; C_2 – порог частоты вершины; C_3 – количество морфем.

По всей видимости, результаты сильно коррелируют с выбранной минимальной длиной корня, причем для азербайджанского языка оптимальная длина равна 3. При выборе такой

длины корня результаты улучшались примерно на 10 % в сравнении с результатами с длинами 2 и 4 (эксперименты 10, 15, 16).

Большинство азербайджанских глагольных форм и именные формы множественного числа содержат две суффиксальные морфемы. Однако при выборе константы $C_3 = 2$ результат получается несколько хуже, чем при C_3 равной 3 или 1 (эксперименты 10, 13, 14).

Порог частоты вершины C_2 , по-видимому, следует определять экспериментально. Для данного корпуса он составил 80.

Полученные результаты также проиллюстрировали существенные недостатки этого подхода, уже упоминавшиеся выше: обнаружение ровно C_3 морфем и отсутствие возможности определения нулевых морфем. Оба этих нюанса приводят к большому числу ошибок.

2. Метод пиков и плато.

В экспериментах с этим подходом константы C_1 , C_3 выбраны в соответствии с наилучшим результатом предыдущей серии экспериментов и были равны 3 (C_2 в этом подходе не используется). Менялся порог степени вершины, по которому вершина могла быть отнесена к пику. Результаты приведены в табл. 2 (лучший результат выделен цветом).

Таблица 2

Результаты, полученные с помощью набора скриптов FST_morphology
с разными наборами параметров (метод пиков и плато)

№ эксперимента	Порог	Результат
1	3	All: 6 223 Correct forms: 1 690 Correct paradigms: 59 Errors: 72.84268037923832 %
2	4	All: 5 935 Correct forms: 1 724 Correct paradigms: 43 Errors: 70.9519797809604 %
3	5	All: 5 519 Correct forms: 1 562 Correct paradigms: 41 Errors: 71.69777133538685 %
4	6	All: 4 989 Correct forms: 1 379 Correct paradigms: 33 Errors: 72.35919021848065 %

Результаты показывают, что метод пиков и плато справляется с задачей обнаружения границ морфем значительно лучше, чем метод с использованием частот. Действительно, по сравнению с предыдущим подходом у метода пиков и плато есть очевидное преимущество: алгоритм выделяет не ровно C_3 морфем, а не больше чем C_3 , и допускает наличие слов, в которых не выделяются аффиксы.

3. Объединенный подход.

Параметры, подобранные в первых двух сериях экспериментов, не менялись. При этом результат оказался хуже, чем при использовании метода пиков и плато:

All: 4 502
Correct forms: 1 002
Correct paradigms: 23
Errors: 77.74322523322968 %

II. Результаты, полученные с помощью библиотеки Linguistica.

Библиотека позволяет регулировать параметры, перечисленные в табл. 3, со значениями по умолчанию. В ходе экспериментов регулировались такие параметры, как *max_word_types*, *min_stem_length*, *max_affix_length*, *min_sig_count*. В табл. 4 приведены некоторые результаты (лучший результат выделен цветом), полученные с различными наборами параметров, включая значения по умолчанию из табл. 3 (default).

В первых экспериментах параметры менялись по одному с целью оценить степень влияния каждого из них на результат. На результат никак не влияет параметр *max_word_types*, что можно заметить по экспериментам 1 и 2. Поэтому во всех остальных экспериментах этот параметр имел значение по умолчанию. При изменении длины корня результат также практически не меняется (эксперименты 1, 6, 7), однако оптимальной минимальной длиной также остается 3. Большинство азербайджанских аффиксов содержат 2–3 буквы, поэтому максимальные длины аффиксов регулировались в этих пределах. Лучший результат был достигнут при выборе максимальной длины аффикса, равной 2 (эксперименты 1, 8, 9). Что касается параметра *min_sig_count* (количество корней, необходимых для признания сигнатуры валидной), то он также не слишком влияет на результат. Лучшие показатели, как ни странно, были достигнуты при наименьшем количестве корней (см. эксперименты 1, 10–13). Наилучший результат был достигнут при объединении всех подобранных параметров (эксперимент 14).

При сравнении результатов обеих систем можно отметить, что процент ошибочно разобранных форм ниже у FST_morphology, тогда как у Linguistica больше количество верных парадигм. В целом результаты оказались довольно низкими у обеих систем. Это можно объяснить несколькими причинами.

1. Недостатки в системе оценки:

- а) оценивается только граница корня и суффиксальных морфем;
- б) на стыке корня и суффиксов встречаются некоторые чередования; они не учитываются.

Последнюю особенность следует прокомментировать отдельно. В случае более высокоуровневых задач, таких, например, как автоматическое объединение слов в парадигмы, определение границы морфем является предварительным шагом. Даже если на этом шаге граница

Таблица 3

Параметры класса Linguistica в библиотеке Linguistica
и их значения по умолчанию

Параметр		Значение по умолчанию
<i>max_word_tokens</i>	максимальное количество токенов (неуникальных слов) для обработки	0 (= все)
<i>max_word_types</i>	максимальное количество тайпов (уникальных слов) для обработки	1 000
<i>min_stem_length</i>	минимальная длина корня	4
<i>max_affix_length</i>	максимальная длина аффикса	4
<i>min_sig_count</i>	минимальное количество корней для валидной сигнатуры	5
<i>min_context_count</i>	минимальное количество появлений для валидного контекста	3
<i>n_neighbors</i>	число «соседей» слова	9
<i>n_eigenvectors</i>	число собственных векторов	11
<i>suffixing</i>	есть ли в обрабатываемом языке тенденция к суффиксации	1 (= да)
<i>keep_case</i>	учитывать ли различия в регистре («the» vs «The»)	0 (= нет)

Примечание: в терминологии библиотеки Linguistica сигнатура – это отсортированный по алфавиту список суффиксов, которые встречаются с определенным корнем в корпусе. Сигнатуры содержат только ссылки на корни и суффиксы, причем один корень соединен только с одной сигатурой.

Таблица 4

Результаты, полученные с помощью библиотеки Linguistica
с разными наборами параметров

№ эксперимента	Параметр				Результат
	max_word_types	min_stem_length	max_affix_length	min_sig_count	
1	default	default	default	default	All: 3 694 Correct forms: 205 Correct paradigms: 99 Errors: 94.45046020573903 %
2	10 000	default	default	default	All: 3 694 Correct forms: 205 Correct paradigms: 99 Errors: 94.45046020573903 %
6	default	3	default	default	All: 3 682 Correct forms: 204 Correct paradigms: 99 Errors: 94.45953286257469 %
7	default	5	default	default	All: 3 563 Correct forms: 175 Correct paradigms: 83 Errors: 95.08840864440079 %
8	default	default	3	default	All: 4 933 Correct forms: 325 Correct paradigms: 107 Errors: 93.41171700790593 %
9	default	default	2	default	All: 6 477 Correct forms: 751 Correct paradigms: 96 Errors: 88.4051258298595 %
10	default	default	default	6	All: 3518 Correct forms: 193 Correct paradigms: 95 Errors: 94.51392836839113 %
11	default	default	default	4	All: 3 889 Correct forms: 217 Correct paradigms: 102 Errors: 94.42015942401646 %
12	default	default	default	3	All: 4 235 Correct forms: 222 Correct paradigms: 105 Errors: 94.75796930342385 %
13	default	default	default	2	All: 4 905 Correct forms: 290 Correct paradigms: 120 Errors: 94.08766564729868 %
14	default	3	2	2	All: 7 494 Correct forms: 1 038 Correct paradigms: 126 Errors: 86.14891913530825 %

морфемы проведена не там, где ее принято проводить в соответствии со сложившейся в языкознании традицией, это не мешает правильному объединению словоформ в парадигму. Мы же решаем задачу, пытаемся понять, насколько хорошо алгоритм сможет определить традиционную границу морфем и какие проблемы могут возникнуть в решении этой задачи.

2. Азербайджанский язык имеет довольно богатую морфологию, поэтому, для того чтобы учесть все морфемы и собрать достаточную статистику по ним, необходим большой корпус текстов. По всей видимости, размер корпуса, на котором проводились эксперименты, не является достаточным, поскольку обе системы показывали достойные результаты на других языках (например, на русском).

3. Рассматриваемые системы извлечения морфологии несовершенны. Некоторые проблемы и недочеты были описаны выше.

Что касается дальнейших перспектив, то прежде всего нужно собрать корпус текстов большего объема. Кроме того, следовало бы внести в набор скриптов FST_morphology ряд доработок:

- 1) добавить возможность определения нечленимых слов или слов с нулевыми морфемами;
- 2) создать эвристики, позволяющие работать со словами с разным количеством морфем.

Необходимо доработать и систему оценки:

- 1) оценивать правильность нахождения не только границы корня и суффиксов, но и границы между суффиксальными морфемами;
- 2) учитывать чередования на стыке корня и суффиксов;
- 3) собрать больше таблиц словоизменения.

Скрипты для обработки корпуса, сбора таблиц словоизменения и оценки, написанные на языке программирования Python 3, а также готовые материалы (корпус, таблицы словоизменения и др.) собраны в репозитории на веб-сервисе github.com⁹.

Список литературы

Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л.: Наука, 1967. 403 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с.

Ahlberg M., Forsberg M., Hulden M. Semi-supervised learning of morphological paradigms and lexicons // Proceedings of the 14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. Gothenburg, Sweden, 2014. P. 569–578.

Beesley K. R. Finite-State Morphological Analysis and Generation of Arabic at Xerox: Status and Plans in 2001 // EALC 2001. Workshop Proceedings on Arabic Language Processing: Status and Prospects. Toulouse, France, 2001. P. 1–8.

Goldsmith J. A. Unsupervised Learning of the Morphology of a Natural Language // Computational Linguistics. Massachusetts, USA: MIT Press, 2001. Vol. 27 (2). P. 153–198.

Hammarström H., Borin L. Unsupervised learning of morphology // Computational Linguistics. 2011. Vol. 37 (2). P. 309–350.

Sorokin A. A., Khomchenkova I. A. Automatic Detection of Morphological Paradigms Using Corpora Information // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2016». М., 2016.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2018

⁹ URL: https://github.com/svetlana21/az_morphology/.

Mikhail A. Domrachev ¹, Svetlana N. Sudoplatova ²

¹ Company «2GIS»
7 Karl Marx Square, Novosibirsk, 630048, Russian Federation

² Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

m.domrachev.scientist@gmail.com, svetlana.sn21@gmail.com

TESTING METHODS FOR AUTOMATIC DETECTION OF MORPHEME BOUNDARIES IN THE AZERBAIJANI LANGUAGE

The paper is devoted to unsupervised learning and computer analysis of a natural language morphology, including automatic paradigm extraction and detection of morpheme boundaries. It describes in detail a finite-state approach implemented here. This approach has been tested on the material of the Azerbaijani language; the article discusses its results and compares them with those available in the Linguistica library on the same language.

Keywords: unsupervised learning of morphology, paradigm extraction, detection of morpheme boundaries.

References

Ahlberg M., Forsberg M., Hulden M. Semi-supervised learning of morphological paradigms and lexicons. *Proceedings of the 14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. Gothenburg, Sweden, 2014, p. 569–578.

Andreev N. D. Statistiko-kombinatornye metody v teoreticheskom i prikladnom yazykovedenii. [Statistical methods in theoretical and applied linguistics]. Leningrad, Nauka, 1967, 403 p. (in Russ.)

Beesley K. R. Finite-State Morphological Analysis and Generation of Arabic at Xerox: Status and Plans in 2001. *EALC 2001 Workshop Proceedings on Arabic Language Processing: Status and Prospects*. Toulouse, France, 2001, p. 1–8.

Goldsmith J. A. Unsupervised Learning of the Morphology of a Natural Language. *Computational Linguistics*. Massachusetts, USA, MIT Press, 2001, vol. 27 (2), p. 153–198.

Hammarström H., Borin L. Unsupervised learning of morphology. *Computational Linguistics*, 2011, vol. 37 (2), p. 309–350.

Sorokin A. A., Khomchenkova I. A. Automatic Detection of Morphological Paradigms Using Corpora Information. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2016”*. Moscow, 2016.

Zaliznyak A. A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [The Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka, 1967, 370 p. (in Russ.)

For citation:

Domrachev Mikhail A., Sudoplatova Svetlana N. Testing Methods for Automatic Detection of Morpheme Boundaries in the Azerbaijani Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 34–47. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-34-47

УДК 811.112.2(045)
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56

Т. Н. Астахова

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия*

astahovtn@gmail.com

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ГРУПП С ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТЬ» В ПРЕССЕ ГЕРМАНИИ

Проводится корпусный анализ предложных групп с семантикой «информация», «данные», «сообщения», имеющих эвиденциальное значение «пересказываемость». В качестве материала исследования были выбраны корпуса прессы Германии за 2000–2016 гг. Анализ показал, что предложные группы, в состав которых входит существительное *Angabe(n)*, используются для передачи официальных и статистических данных. Предложные группы с существительными *Bericht(e)*, *Information(en)* чаще всего вводят в текст ссылки на немецкую прессу. Предложные группы с существительными *Information(en)*, *Meldung(en)* часто указывают на неподтвержденность и неофициальность информации.

Ключевые слова: корпусный анализ, эвиденциальность, пересказываемость, пресса Германии, немецкий язык, предложные группы.

Введение

В настоящее время особое внимание уделяется проблеме достоверности сведений, полученных из средств массовой информации [Белоедова, 2015; Довнар, 2015]. Исследования показывают, что читатель, зритель или слушатель считает более достоверной ту информацию, которая приводится со ссылкой на ее источник [Saussure, 2011. P. 785–786]. В связи с этим актуальным является изучение категории эвиденциальности, выражающейся с помощью языковых средств, дающих ссылку на источник информации [Козинцева, 2007. С. 13–14].

В немецком языке эвиденциальность представляет собой функционально-семантическую категорию, так как выражается средствами разных языковых уровней. В немецких медиатекстах наиболее частотным эвиденциальным значением является пересказываемость, которая предполагает наличие в тексте ссылки на слова других лиц. Пересказываемость включает в себя два типа значений: 1) цитатив, при котором приводится ссылка на определенный источник; 2) слухи, при котором конкретный источник информации не называется [Астахова, 2015]. Исследования показали, что одним из средств выражения значения «пересказываемость» являются предложные группы. Существительные, обозначающие в них тип информации, часто имеют значения «информация», «данные», «сообщения»: *nach Informationen des «Spiegel»*, *nach Berichten der Nachrichtenagentur «Bloomberg»* [Там же. С. 155–156].

Лингвисты занимались корпусными исследованиями, посвященными эвиденциальности в разных языках мира [Alcazar, 2010], в том числе в немецком языке [Whitt, 2010]. Однако

Астахова Т. Н. Корпусное исследование предложных групп с эвиденциальным значением «пересказываемость» в прессе Германии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 48–56.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 2

© Т. Н. Астахова, 2018

предложные группы, выступающие в качестве эвиденциальных маркеров в немецком языке, изучены недостаточно.

Методология исследования

В данной работе применялся корпусный метод, так как «работа с электронными корпусами открывает новые возможности и безусловно повышает уровень объективности лингвистического исследования» [Ганиева, 2007. С. 106]. В. А. Плунгян отмечает, что корпусные исследования позволили решать задачи быстрее и эффективнее, а также формулировать новые цели, которые в связи с трудоемкостью ранее были недостижимы [2008. С. 14]. Исследование выполнено на материале корпуса немецкого языка DeReKo (das Deutsche Referenzkorpus, система COSMAS II), созданного в рамках проекта Института немецкого языка в Мангейме.

Цель данного исследования – выявление лексико-грамматической сочетаемости предложных групп, в которых присутствуют существительные, преимущественно указывающие на неодушевленные или обобщенные источники информации: *Angabe(n)* «данные», *Bericht(e)* «сообщение», *Information(en)* «информация», *Mitteilung(en)* «сообщение», *Meldung(en)* «сообщение», а также характеристика источников информации, которые вводятся в медиатексты с их помощью. Для этого производится анализ коллокатов – «слов, с которыми анализируемое слово (часто) встречается вместе» [Захаров, Богданова, 2011. С. 106].

Для исследования был выделен подкорпус прессы Германии за 2000–2016 гг., включающий в себя около 3 273 млн слов. Осуществлялся поиск предложных групп с расстоянием от нуля до двух слов между предлогом *nach* «по» или *laut* «согласно, по» и существительным; а также с расстоянием между существительным и следующим за ним предлогом *nach* «по» или *zufolge* «согласно, по», равным нулю слов, поскольку такие конструкции наиболее распространены в немецком языке, о чем свидетельствуют статистические данные корпуса.

Результаты исследования

В табл. 1 представлена относительная частотность предложных групп. В заголовках столбцов *X* обозначает существительное в соответствующей строке.

Таблица 1

Относительная частотность предложных групп
(количество употреблений на 1 млн слов в корпусе)

Существительное (<i>X</i>)	<i>nach</i> + <i>X</i>	<i>X</i> + <i>nach</i>	<i>X</i> + <i>zufolge</i>	<i>laut</i> + <i>X</i>
<i>Angabe</i>	0,4	0,02	0,008	0,04
<i>Angaben</i>	121,4	1,3	11	2
<i>Information</i>	0,7	0,008	0,006	0,1
<i>Informationen</i>	15,5	0,04	0,4	0,4
<i>Bericht</i>	6,3	0,2	2,5	2,3
<i>Berichte(n)</i>	2,9	0,01	1,4	0,3
<i>Mitteilung</i>	2	0,002	0,3	2
<i>Mitteilungen</i>	0,06	0	0,007	0,007
<i>Meldung</i>	0,4	0,002	0,09	0,09
<i>Meldungen</i>	0,4	0,002	0,03	0,03

Поиск осуществлялся следующим образом: сначала были выявлены правые коллокаты предложной группы *nach Angaben*, выраженные с помощью прилагательного или причастия, а затем произведена классификация наиболее распространенных словосочетаний. В корпусе чаще всего встречается предложная группа *nach Angaben* (121,4 употреблений на 1 млн слов).

Рассмотрение контекста позволяет сделать ряд выводов о ее лексической и грамматической сочетаемости. Указание на источник информации может выражаться с помощью прила-

гательного или причастия, относящегося к существительному *Angaben* или к самому источнику информации. В корпусе чаще всего встречается следующее сочетание: *nach eigenen Angaben* (встречается 66 934 раза, в таких случаях источник информации присутствует в левом контексте: *Die Polizei griff nach eigenen Angaben allein am Dienstag 143 Menschen vor den Küsten Sardinens auf* (Hannoversche Allgemeine, 19.09.2007. S. 2)).

Другие прилагательные и причастия указывают:

1) на официальность / неофициальность источника: *nach [...] offiziellen Angaben* (5 241), *nach [...] amtlichen Angaben* (478), *nach [...] inoffiziellen Angaben* (205);

2) на географическое положение источника информации: *nach Angaben des|der Deutschen ...* (5 248), *nach palästinensischen Angaben / nach Angaben [...] palästinensischen* (1 199), *nach [Angaben der] israelischen Angaben* (1 000), *nach [Angaben des] russischen Angaben* (535), *nach [Angaben des|der] städtischen Angaben* (230), *nach [Angaben der|des] britischen Angaben* (382);

3) на временные характеристики данных: *nach [...] früheren Angaben* (1 330), *nach [...] jüngsten Angaben* (293), *nach [...] gestrigen Angaben* (200), *nach [...] vorläufigen Angaben* (267);

4) на характер данных: *nach [...] unbestätigten Angaben* (277), *nach unterschiedlichen Angaben* (176), *nach [...] übereinstimmenden Angaben* (207).

В приведенных примерах в скобках указано количество употреблений предложной группы в корпусе.

Анализ правого контекста (установленные настройки поиска – 5 слов справа) позволяет выявить источники информации, следующие за предложной группой *nach Angaben*. Среди данных источников можно выделить три группы (перечислены наиболее распространенные коллокации):

1) личности: *Sprecher* (4 467), *Veranstalter* (3 031), *Bürgermeister* (1 687), *Ermittler* (1 431), *Beamte(n)* (1 265), *Organisatoren* (1 288), *Experten* (1 209), *Anwalt* (1 121), *Polizeisprecher* (928), *Vorsitzende(n)* (876), *Teilnehmer* (850), *Augenzeugen* (729), *Statistiker* (703), *Ärzte* (667), *Dr ...* (521);

2) организации: *Staatsanwaltschaft* (4 064), *das staatliche Bundesamt / Landesamt* (4 380), *Stadt* (2 814), *Unternehmen* (2 553), *Behörden* (2 284), *Innenministerium* (1 967), *Feuerwehr* (1 790), *Ministerium* (1 648), *Gewerkschaft* (1 609), *Stadtverwaltung* (1 335), *Kreisverwaltung* (1 243), *Verband* (1 220), *Regierung* (1 190), *Verwaltung* (1 134), *Verein* (1 109);

3) средства массовой информации: *Zeitung* (2 022), *Nachrichtenagentur* (1 236), *Sender* (770), *Agentur Interfax* (585), *Medien* (454), *Magazin* (317), *Spiegel* (232), *Rundfunk* (223), *Fernsehsender* (170), *Zeitschrift* (167).

Анализ левого и правого контекстов позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто рассматриваемая конструкция указывает на официальность информации и на то, что данные уже приводились ранее. Кроме того, преобладают ссылки на немецкие источники информации. В корпусах часто встречаются указания на источники информации из Палестины и Израиля, что говорит о наличии материалов, посвященных палестино-израильскому конфликту. Кроме того, значительно количество ссылок на российские источники, что свидетельствует о частом освещении тем, связанных с Россией.

Следует отметить, что рассматриваемая конструкция чаще всего вводит в текст источники информации, указывающие на представителей организаций, в том числе правительственных (*Sprecher*, *Bürgermeister*, *Beamte* и др.), на организаторов мероприятий (*Veranstalter*, *Organisatoren*), а также на организации (*Staatsanwaltschaft*, *das staatliche Bundesamt / Landesamt*, *Stadt*, *Unternehmen* и др.). Конструкция довольно часто дает ссылку на источники информации из сферы правоохранительных органов (*Ermittler*, *Polizeisprecher*, *Anwalt*, *Augenzeugen*). Наиболее распространенными СМИ, на которые приводятся ссылки, являются газеты и новостные агентства.

Проведем анализ наиболее распространенных глаголов, встречающихся в левом и правом контекстах (установленные настройки поиска – 5 слов справа и слева) (табл. 2).

Анализируя предикаты, следует отметить, что наиболее часто в предложениях с предложной группой *nach Angaben* встречается пассивный залог, о чем свидетельствует преобладание вспомогательного глагола *wurde*. Для рассматриваемых предложений в корпусе характерно наличие глаголов, использующихся для передачи статистических данных (*liegen*, *betragen*,

steigen); безличных конструкций *es handelt sich* и *es gibt*, вводящих объект повествования; глаголов движения (*kommen, fahren*); событийного глагола *sich ereignen*; модального глагола *wollen*; бытийного глагола *existieren*. Наличие глагола изменения состояния *sterben* свидетельствует о том, что в предложениях с предложной группой *nach Angaben* часто идет речь о несчастных случаях, катастрофах и других происшествиях.

Таблица 2

Наиболее частотные глаголы,
выступающие в качестве коллокатов предложной группы *nach Angaben*

Левый контекст	Правый контекст
<i>wurden</i> (6627)	<i>wurden</i> (3047)
<i>liegt</i> (1892) / <i>liegen</i> (989) / <i>lag</i> (854)	<i>handelt</i> (717) / <i>handelte (sich)</i> (238)
<i>kamen</i> (1457) / <i>kam</i> (1185)	<i>kamen</i> (312)
<i>gab (es)</i> (1390)	<i>fuhr</i> (288)
<i>steht</i> (1325) / <i>stehen</i> (804)	<i>entstand</i> (268)
<i>handelt (es sich)</i> (1007)	<i>starben</i> (207)
<i>beträgt</i> (725)	<i>lag</i> (178)
<i>starben</i> (724) / <i>starb</i> (309)	<i>ereignete (sich)</i> (138)
<i>blitzt</i> (701)	<i>stieg</i> (172)
<i>wollte</i> (688)	<i>beteiligten</i> (151)

Кроме того, встречаются количественные показатели: 1) в правом контексте – наречия *rund* (4 101), *etwa* (2 098), *mindestens* (1 082), *insgesamt* (493), прилагательное *knapp* (200); 2) в левом контексте – наречия *insgesamt* (1 219), *rund* (754), существительное ... *Millionen* (1 094).

Значительное число количественных показателей также свидетельствует о присутствии в текстах статистических данных.

После предложной группы *nach Angaben* предлог *von* встречается в 13 % случаев, если за 100 % взять все случаи употребления данной конструкции в исследуемом корпусе: *Die Ermittlungen der Staatsanwaltschaft gegen Heidemark dauern nach Angaben von Wilken noch an* (Hannoversche Allgemeine, 12.12.2007. S. 6).

Предложная группа *Angaben nach*, в которой предлог стоит в постпозиции по отношению к существительному, встречается довольно редко (при анализе были исключены те случаи, в которых данное словосочетание не выражает указание на источник информации): *Seinen Angaben nach gab es höchstens 15 Termine, nicht 80* (Hannoversche Allgemeine, 20.08.2008. S. 10).

В корпусе иногда встречаются синонимичные предложные группы *Angaben zufolge* и *laut Angaben*:

Das Versammlungsverbot gilt den Angaben zufolge für Gruppen von mehr als fünf Personen (Hannoversche Allgemeine, 26.09.2007. S. 1).

Der Sachschaden beträgt laut Angaben der Polizei zirka 500 Euro (Braunschweiger Zeitung, 17.04.2007).

Существительное *Angabe* в рассмотренных группах в единственном числе встречается крайне редко: *Der Schaden an den Fahrzeugen wird nach Angabe der Polizei auf 2000 Euro geschätzt* (Braunschweiger Zeitung, 08.04.2006) (см. табл. 1).

Предложная группа *nach Informationen* встречается в рассмотренном корпусе 15,5 раза на 1 млн слов (из поиска были исключены случаи сочетания данной предложной группы с глаголом *suchen*, где она не указывает на источник информации). Анализ правых коллокатов позволяет сделать вывод о том, что данная предложная группа чаще всего вводит в текст названия средств массовой информации. Перечислим эти СМИ: *Zeitung* (13 592), при этом наиболее часто ссылки даются на газету «*Süddeutsche Zeitung*»; «*Spiegel*» (1 155); «*taz*» (*Tageszeitung*) (834); «*Nordkurier*» (813); *Times* в названиях газет «*Financial Times*», «*New York Times*» и др. (803); *Nachrichtenagentur* (570), чаще всего указывается информационное агент-

ство Германии «*dpa*»; «*Bild*»(464), (*Deutsche*) *Presse-Agentur* (373), «*Welt*» (361). Приведем пример: *Mehrere Regierungscomputer sind nach Informationen des «Spiegels» mit Späh-Programmen infiziert* (Braunschweiger Zeitung, 27.08.2007). Но она относительно редко вводит в текст источник информации, в качестве которого выступает личность: *Bürgermeister* (126). Однако довольно распространены источники, обозначаемые собирательными именами существительными, в состав которых входит компонент *-kreisen*: *Regierungskreisen* (188), *Finanzkreisen* (186), *Unternehmenskreisen* (166).

В качестве наиболее распространенных определений существительного *Informationen* выступают: *nach [...] ersten Informationen* (469), *nach [den] vorliegenden Informationen* (352), *nach [...] unbestätigten Informationen* (335), *nach [...] bisherigen Informationen* (300), *nach [...] weiteren Informationen* (130), *nach [...] neuesten Informationen* (110), *nach [...] inoffiziellen Informationen* (76). Следовательно, определения наиболее часто указывают на временные характеристики информации либо на неподтвержденность и неофициальность информации.

В качестве предикатов в левом и правом контекстах чаще всего используются следующие глаголы: *wird*, *will / wollen*, *handelt [es sich]*, *gibt [es]*, *plant*, *wurden*, *sollen*. Глагол *wollen* используется в некоторых случаях в эвиденциальном значении «цитатив»: *Nach Informationen des «Guardian» will er schon zu Weihnachten im Amt sein* (Mannheimer Morgen, 08.09.2006). В данном примере приводится два конкретных источника информации: газета «*Guardian*» и личность (*er*). Модальный глагол *sollen* используется для выражения значения «слухи» в сочетании с предложной группой *nach unbestätigten Informationen*: *Nach unbestätigten Informationen soll das Prestigeprojekt 61 Millionen Euro kosten* (Die Tageszeitung, 10.09.2010. S. 22). Глаголы *wollen* и *sollen* преимущественно употребляются в субъективном значении и выражают сомнение в сообщаемой информации.

После предложной группы *nach Informationen* предлог *von* встречается в 5,4 % случаев, если за 100 % взять все случаи употребления данной конструкции в исследуемом корпусе: *Das hat die Agentur nach Informationen von Focus Online der Behörde bereits mitgeteilt* (Braunschweiger Zeitung, 08.06.2007).

Крайне редко в корпусе встречается предложная группа *Informationen nach* (при анализе были исключены те случаи, в которых данное словосочетание не выражает указания на источник информации):

Behringers Informationen nach sollen alle drei Standorte aufgegeben werden (Mannheimer Morgen, 09.05.2003).

В корпусе иногда встречаются синонимичные предложные группы *Informationen zufolge* и *laut Informationen*:

Ersten Informationen zufolge gelang es etwa 180 Passagieren, an Land zu schwimmen (Braunschweiger Zeitung, 27.12.2005).

Der Schaden beträgt laut Informationen der Polizei rund 1000 Euro (Braunschweiger Zeitung, 14.05.2011).

Предложные группы с аналогичными предлогами, в которых существительное *Information* употребляется в единственном числе, встречаются в корпусе намного реже, чем во множественном. Статистика их использования отражена в табл. 1. Приведем пример: *40 Anlagen würden bereits nach Information des Umweltamtes installiert sein* (Mannheimer Morgen, 26.03.2012. S. 27).

Частотность предложной группы *nach Bericht* «по сообщению» в проанализированном корпусе составляет 6,3 употребления на 1 млн слов.

Анализ правого контекста свидетельствует о том, что предложная группа *nach Bericht* чаще всего сочетается со следующими коллокациями: *Zeitung* (2181, из них наиболее распространенные «*Süddeutsche Zeitung*», «*Berliner Zeitung*», «*Stuttgarter Zeitung*»), «*Spiegel*» (765), *Nachrichtenmagazin* (661, наиболее распространенные «*Focus*», «*Spiegel*»), *Times* в названиях газет «*Financial Times*», «*Sunday Times*» и др. (483), *York* в названиях газет «*New York Times*», «*New York Press*» и др. (461), *Magazin* (442), *Tageszeitung* (406), *Allgemeinen* в сочетаниях с различными названиями газет: «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*», «*Hannoversche Allgemeine Zeitung*» и др. (404), *Bild* (333), «*Bild*»-*Zeitung* (292). Вместе с тем она реже вводит в текст источник информации, в качестве которого выступает личность: *Bürgermeister* (294), *Kassenprüfer* (292), *Vorsitzenden* (165), *Kassierer* (115).

В левом контексте наиболее распространенными коллокациями являются глаголы *hat* (858), *soll* (620) / *sollen* (223), *will* (531) / *wollen* (50), *sagte* (240), *geht* (145), *plant* (82).

Таким образом, рассматриваемая предложная группа чаще всего вводит в текст ссылки на средства массовой информации: на газеты, издающиеся в разных странах; на немецкий журнал «*Spiegel*»; на британскую и американскую прессу. Кроме того, с данным средством сочетаются модальные глаголы *sollen* и *wollen*, способные выражать значение эвиденциальности, а также глагол *sagen*, вводящий факт сообщения.

Определения, сочетающиеся с существительным, весьма немногочисленны и чаще всего указывают на временные характеристики сообщения: *nach dem jüngsten Bericht* (75), *nach dem / unserem gestrigen Bericht* (48), *nach einem / dem aktuellen Bericht* (45), или на другие качества: *nach einem internen Bericht* (45), *nach dem / einem ausführlichen Bericht* (38), *nach einem kritischen Bericht* (32).

Если взять за 100 % все случаи употребления предложной группы *nach Bericht*, то в 5 % после нее следует предлог *von*: *Der Rat der Stadt nahm die Jahresrechnung 2005 nach dem Bericht von Ammon ohne Aussprache zur Kenntnis* (Braunschweiger Zeitung, 23.06.2006).

В корпусе встречаются менее частотные предложные группы *Bericht zufolge*, *laut Bericht*:

Diese stimmrechtslosen Vorzugsaktien sind dem Bericht zufolge in den jetzigen Plänen nicht vorgesehen (Hannoversche Allgemeine, 11.02.2008. S. 2).

Das Landesamt für Bergbau, Energie und Geologie wusste davon laut Bericht schon seit 1994 (Hannoversche Allgemeine, 03.09.2008. S. 6).

Предложная группа *Bericht nach* встречается крайне редко: *Dem Bericht nach wurde Eckel schon am 4. April von seinen Aufgaben entbunden* (Mannheimer Morgen, 30.05.2014. S. 31).

Существительное *Bericht* во множественном числе встречается в составе рассматриваемых предложных групп намного реже, чем в единственном: *Das Beben erreichte die Stärke 6,6, richtete nach ersten Berichten aber keine Schäden an* (Braunschweiger Zeitung, 13.02.2008). Статистические данные приведены в табл. 1.

Отметим, что после предлога *laut* существительное *Berichte* чаще всего стоит в дательном падеже. Предложные группы, в которых существительное *Berichte* встречается в родительном падеже, употребляются крайне редко (0,015 употреблений на 1 млн): *Laut der Berichte gibt es hier seit dem 9. Oktober keinen Strom mehr* (Braunschweiger Zeitung, 28.09.2009).

Предложные группы, в состав которых входит существительное *Mitteilung*, встречаются в корпусе реже, чем рассмотренные средства выражения значения «пересказывательность» (см. табл. 1). Наиболее часто существительное *Mitteilung* употребляется в составе предложных групп *nach Mitteilung*, *laut Mitteilung* (по 2 употреблению на 1 млн слов). Анализ правого контекста позволяет сделать вывод, что эти предложные группы преимущественно сочетаются с источниками, которые обозначают организации, в том числе и правоохранительные органы: *Polizei* (1464), *Stadt* (423), *Staatsverwaltung* (315), *Statistischen (Landesamtes / Bundesamtes)* (189), *Verwaltung* (84), *Staatsanwaltschaft* (78), *Vereins* (72) и др. (приведена суммарная статистика по обеим группам). В левом контексте употребляются вспомогательные глаголы *sind*, *wird*, *war*, *hat wurde* и др. Предложная группа *laut Mitteilung* сочетается чаще всего с глаголом, обозначающим факт сообщения *sagen* (861): *Das bringe weder Rechtsklarheit noch Zeitgewinn, sagte Posch laut Mitteilung* (Mannheimer Morgen, 23.02.2012, S. 6).

Существительное *Mitteilung* чаще употребляется в единственном числе.

Предложные группы, в состав которых входит слово *Meldung(en)*, наименее частотны в корпусе (см. табл. 1). Анализ правого контекста предложной группы *nach Meldung(en)* позволяет сделать вывод о том, что главным образом она вводит в текст такие источники информации, как средства массовой информации: *Nachrichtenagentur* (169), *Zeitung* (30), *Medien* (24), *Tageszeitung* (21), *Senders* (16), *Rundfunks* (14), *Interfax* (10).

С существительным *Meldungen* чаще всего сочетаются определения, указывающие на новизну информации: *nach ersten Meldungen* (194), *nach jüngsten Meldungen* (43), *nach letzten Meldungen* (36), а также на неподтвержденность информации: *nach unbestätigten Meldungen* (137). Наиболее частотным глаголом, употребляющимся в правом контексте, является модальный глагол *sollen*, который выражает эвиденциальное значение «слухи» и неуверенность в сообщаемой информации: *Der Kaufpreis soll nach unbestätigten Meldungen bei 50 bis 60 Milliarden Dollar liegen* (Süddeutsche Zeitung, 19.05.2014, S. 22).

Выводы

В результате исследования были получены следующие результаты. Наиболее распространенными предложными группами, обозначающими ссылку на источник информации и имеющими в составе существительное со значением «информация», «данные», «сообщения» («Angabe(n)» / «Bericht(e)» / «Information(en)» / «Mitteilungen» / «Meldungen»), являются *nach Angaben, Angaben zufolge, nach Informationen, nach Bericht, nach Berichten, Bericht zufolge*. Наименее частотными предложными группами являются *nach Informationen, nach Angabe, Informationen zufolge, Angabe zufolge, Information zufolge, Mitteilung nach, Mitteilungen nach, Meldungen nach*.

Источник информации присоединяется с помощью предлога *von* довольно редко. Наиболее распространенной моделью предложной группы является «*nach* + имя существительное», реже всего в корпусе встречается конструкция «имя существительное + *nach*».

Предложные группы, в состав которых входит существительное *Angabe(n)*, используются для передачи официальных и статистических данных. Данная предложная группа часто вводит в текст источники информации, среди которых преобладают личности, организации, а также СМИ. Конструкция довольно часто вводит источники информации из сферы правоохранительных органов. Кроме того, в таких предложениях может идти речь о происшествиях, катастрофах, несчастных случаях, так как в них распространено употребление глагола *sterben*. Предложные группы, в состав которых входит существительное *Mitteilung(en)*, также вводят в текст ссылки на разные организации, в том числе из сферы правоохранительных органов.

В предложениях с предложными группами, в состав которых входят существительные *Angabe(n)* или *Information(en)*, распространен пассивный залог.

Предложные группы с существительными *Bericht(e)*, *Information(en)* чаще всего вводят в текст источники информации, в качестве которых выступает немецкая пресса.

Определения, сочетающиеся с существительными *Bericht(e)*, *Information(en)*, чаще всего указывают на временные характеристики сообщения. С существительными *Information(en)*, *Meldung(en)* также сочетаются прилагательные, указывающие на неподтвержденность и неофициальность информации; в предложениях с этими предложными группами может присутствовать модальный глагол *sollen*, выражающий эвиденциальность, а также неуверенность в достоверности сообщаемой информации. Кроме того, модальный глагол *wollen*, выражающий эвиденциальное «цитатив» и сомнение в передаваемых сведениях, также может присутствовать в предложениях с предложными группами, в состав которых входят существительные *Angaben*, *Bericht(e)*, *Information(en)*.

Предложные группы с существительными *Angabe(n)*, *Information(en)*, *Bericht(e)*, *Meldung(en)* вводят в текст также ссылки на СМИ других стран.

Прилагательные, выступающие в качестве коллокатов существительного *Angabe(n)*, свидетельствуют о том, что наиболее цитируемыми являются немецкие, палестинские, израильские, российские и британские источники.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в разработке занятий и учебных пособий по немецкому языкознанию, а также спецкурсов по медиалингвистике. Практическая ценность статьи состоит в том, что журналисты могут использовать полученные результаты для выбора источников информации при подготовке информационных сообщений и программ.

Список литературы

Астахова Т. Н. Полевая структура эвиденциальности в немецком медиадискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2015. 234 с.

Белоедова А. В. О фактах и фактоидах в современных журналистских текстах // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 28, № 24 (221). С. 89–94.

Ганиева И. Ф. Об использовании корпусов в лингвистических исследованиях // Вестн. Башкир. ун-та. 2007. Т. 12, № 4. С. 104–106.

Довнар Н. Н. Достоверность информации как фактор обеспечения информационной безопасности // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 1. С. 57–62.

Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика: Учебник для студентов гуманитарных вузов. Иркутск, 2011. 161 с.

Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. ст. памяти Н. А. Козинцевой / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7–20.

Alcazar A. Information source in Spanish and Basque: a parallel corpus study // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / Eds. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 131–156.

Saussure L. de. Discourse analysis, cognition and evidentials // Discourse Studies. 2011. Vol. 13. No. 6. P. 781–788.

Whitt R. J. Evidentiality, polysemy, and the verbs of perception in English and German // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / Eds. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 249–278.

Список источников

COSMAS II: Corpus Search, Management and Analysis System. Retrieved from: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app/> (10.03.2018).

Материал поступил в редколлегию 27.03.2018

Tatyana N. Astakhova

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
Severnaya Dvina Emb. 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation*

astahovatn@gmail.com

A CORPUS-BASED STUDY OF PREPOSITIONAL GROUPS WITH EVIDENTIAL MEANING «REPORTIVE EVIDENTIALITY» IN GERMAN PRESS

The paper presents corpus analysis of prepositional groups with semantics «information», «statements», «report» which have evidential meaning «reportive evidentiality». Data were collected from German press corpuses from 2000 to 2016. The analysis has shown that prepositional groups with the noun «Angabe(n)» are used for reporting of official and statistical data. Prepositional groups with nouns «Bericht(e)», «Information(en)» most often refer to German press. Prepositional groups with the nouns «Information(en)», «Meldung(en)» often indicate lack of evidentiary support and informality of information.

Keywords: corpus-based study, evidentiality, reportive evidentiality, German press, German language, prepositional groups.

References

Alcazar A. Information source in Spanish and Basque: a parallel corpus study. *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Eds. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2010, p. 131–156.

Astakhova T. N. Polevaya struktura evidentsial'nosti v nemetskom mediadiskurse [Field structure of evidentiality in German media discourse]. Dis. ... kand. filolog. nauk. Arkhangelsk, 2015, 234 p. (in Russ.)

Beloedova A. V. O faktakh i faktoidakh v sovremennykh zhurnalistskikh tekstakh [About facts and factoids in media texts]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Human Sciences], 2015, vol. 28, iss. 24 (221), p. 89–94. (in Russ.)

Dovnar N. N. Dostovernost' informatsii kak faktor obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti [Reliability of information as a factor in information security]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [South Ural State University Bulletin. Series: Law], 2015, vol. 15, iss. 1, p. 57–62. (in Russ.)

Ganieva I. F. Ob ispol'zovanii korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyakh [About usage of corpora in linguistic research]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2007, vol. 12, iss. 4, p. 104–106. (in Russ.)

Kozintseva N. A. Tipologiya kategorii zasvidetel'stvovannosti [Typology of the evidentiality category]. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in languages of Europe and Asia]. Ed. by V. S. Khrakovskiy. St. Petersburg, Nauka, 2007, p. 13–36. (in Russ.)

Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as tool and ideology: about some lessons of contemporary linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific interpretation], 2008, vol. 16 (2), p. 7–20. (in Russ.)

Saussure L. de. Discourse analysis, cognition and evidentials. *Discourse Studies*, 2011, vol. 13, no. 6, p. 781–788.

Whitt R. J. Evidentiality, polysemy, and the verbs of perception in English and German. *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Eds. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2010, p. 249–278.

Zakharov V. P., Bogdanova S. Yu. Korpusnaya lingvistika [Corpus linguistics]. Irkutsk, IGLU Press, 2011, 161 p.

Sources

COSMAS II: Corpus Search, Management and Analysis System. Retrieved from: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app/> (10.03.2018).

For citation:

Astakhova Tatyana N. A Corpus-Based Study of Prepositional Groups with Evidential Meaning «Reportive Evidentiality» in German Press. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 48–56. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-57-69

А. А. Яковлев

*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия*

mr.koloboque@rambler.ru

**«ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ» И «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА»:
СОВМЕСТИМОСТЬ ПОНЯТИЙ**

Представлена трактовка понятий «языковая картина мира» и «языковое сознание», даны их определения – первого из них как лингвистического, второго как психолингвистического. Такие определения, по мнению автора, способствуют непротиворечивому изучению некоторого образа в языковом материале и в языковой системе, с одной стороны, и в языке как достоянии человека, с другой. Опираясь на ряд бесспорных, классических положений лингвистики, философии и психологии как своего рода аксиомы, автор показывает применимость представленной трактовки языкового сознания к анализу его внутренней структуры и иллюстрирует ее эмпирическими данными из собственных психолингвистических исследований. Основное внимание уделено языковому сознанию как понятию, включающему в себя отношение человека к миру, выражающееся в языке и речи. Делаются замечания методологического характера: «языковое сознание» как научное понятие в отличие от «языковой картины мира» подразумевает учет способа его познания, результат которого аккумулируется в понятии. Языковое сознание представлено с неклассических позиций как комплекс переходов от внутреннего (образа сознания) к внешнему (речевой деятельности) и обратно при последующей теоретической интерпретации продуктов таких переходов.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая картина мира, термины психолингвистики, методология психолингвистики.

Вводные замечания

В книге «Логика науки» А. А. Зиновьев отмечает, что в науке к определениям прибегают по крайней мере в двух случаях: 1) чтобы установить (ограничить, выделить) некоторую область предметов, которую и будут в данном случае исследовать, и 2) чтобы определения служили базой для дедукции, для выведения новых положений науки. Определения второго рода он называет дедукционными, первые – ориентационными. Ориентационное определение не входит в содержание науки и не может быть базой для дедукции; оно позволяет исследователю заявить, какую область он намерен рассматривать, является подготовкой к предстоящему исследованию, а не итогом. Дедукционные определения фиксируют связь между двумя или несколькими явлениями либо понятиями, позволяя из этой связи выводить новые знания о явлениях [Зиновьев, 1971. С. 64–65].

Вопрос об определении вынесенных в заголовок статьи понятий совсем не праздный для современной лингвистики: намного проще перечислить авторов, которые сходятся во мнении относительно их содержания, чем тех, чья трактовка хотя бы немного отличается от других. Нередко эти понятия смешиваются и используются в высшей степени диффузно, без разграничения их содержания, что явно не способствует созданию общей теоретической базы, объединяющей разные исследования.

Яковлев А. А. «Языковое сознание» и «языковая картина мира»: совместимость понятий // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 57–69.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 2

© А. А. Яковлев, 2018

Мы считаем, что непротиворечивые и непересекающиеся определения рассматриваемых понятий возможны и нужны, и ниже будет представлена попытка дать им сначала ориентационные, а затем дедукционные определения с более детальной проработкой понятия «языковое сознание». Мы, однако, ни в коей мере не претендуем на окончательность предлагаемых определений, поскольку хотим не поставить точку в споре, а, наоборот, наметить пути дальнейшего изучения явлений, стоящих за этими понятиями. Но прежде необходимо обозначить, так сказать, теоретическую систему отсчета – перечислить важные для дальнейшего изложения положения науки, чтобы иметь опору для рассуждений.

Теоретические предпосылки

Опорные положения перечисляются в произвольном порядке, а не в порядке их значимости.

1. Известные три аспекта языковых явлений, выделенные Л. В. Щербой, и развитие его идей в работах А. А. Залевской, показавшей, что Л. В. Щерба обозначил не три, а четыре аспекта: речевая деятельность, языковая система, языковой материал, речевая организация человека. Речевая, или языковая, организация является не просто фактором, обуславливающим речевую деятельность и ее проявление в языковом материале и языковой системе, но единством процессов переработки и упорядочения многогранного, а не только речевого опыта человека и становления на этой основе его индивидуальной языковой системы, языка как достояния человека [Залевская, 2005. С. 32–37, 400]. Об этой организации можно умозаключать лишь на основании речевой деятельности людей, а традиционное языкознание занимается подобными умозаключениями на основании анализа продуктов говорения и понимания (текстов), имевших место в определенную эпоху жизни той или иной общественной группы [Щерба, 2004. С. 25]. Требуется учесть и то, что Л. В. Щерба говорит о языковом материале именно как о совокупности говоримого и понимаемого, а не сказанного и понятого, хотя лингвисту он дан именно как сказанное и понятое – как фиксированные тексты.

2. Основываясь на идеях Л. В. Щербы, А. А. Залевская отделяет язык как достояние человека (ЯЗЫК₁ – система когнитивных и аффективных функциональных опор и ориентиров, ассоциированных с превращенными формами языковых знаков и обеспечивающих общение и познание), от теоретически несоизмеримой с ним описательной модели языка (ЯЗЫК₂ – система конструкторов, правил и предписаний) [Залевская, 2005. С. 32–35]. ЯЗЫК₁ и ЯЗЫК₂ объективно отражают одни и те же закономерности и свойства языкового материала и речевой деятельности, но каждый под своим «углом зрения». Мы говорим именно о человеке, а не индивиде, имея в виду, что язык с этой точки зрения не исключает личностного, эмоционально-оценочного, а также чувственного компонента.

3. Общефилософские положения С. Л. Рубинштейна, основанные на идее единства бытия и сознания, из которых следует, что не существует отдельных воздействий, всякое действие есть взаимодействие, а взаимодействие есть отражение одних явлений другими [2012. С. 49–50]. «Внешние причины действуют через внутренние условия (формирующиеся в зависимости от внешних воздействий)» [Там же. С. 49]. Психические явления обусловлены внешними воздействиями, но эти последние определяют первые лишь опосредованно, преломляясь через свойства, состояния и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается [Там же. С. 52], что влечет за собой невозможность противопоставления внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, рационального и чувственного [Там же. С. 85, 94]. В дальнейшем, говоря о языке как достоянии человека, мы будем подразумевать неразрывную связь рационального (если угодно, когнитивного), эмоционального и чувственного аспектов его деятельности и жизни. Для нас это – то же самое, что человеческий фактор в языке.

4. Тезис А. Н. Леонтьева о двойной жизни значений [2001. С. 100–101], который освещается им в широкой перспективе: вообще знания, понятия, мысленные модели и т. п. живут, с одной стороны, в системе общественных отношений, в общественном сознании, а с другой – в деятельности индивида, реализующей его общественные связи в его сознании [Там же. С. 100]. И хотя значения существуют только во второй их жизни, она скрыта за первой – общественной, отвлеченной от отдельного человека. В своей «надындивидуальности» и аб-

страктности значения безразличны к формам чувственности, лишены ее, но, становясь частью сознания человека, интериоризируясь, усваиваясь человеком, они приобретают связь с чувственной тканью сознания, становятся связкой между сознанием человека и миром, в котором сам человек живет и действует и который отражает в сознании и переживает [Там же. С. 101–102]. К этому же следует присовокупить понятие «личностный смысл» – не «значение-для-себя», а «значение-для-меня»; личностный смысл не совпадает с предметным значением, его функция состоит в «оценивании» значимости для жизни человека объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах [Там же. С. 103]. Чувственность связывает в сознании человека значения с реальностью объективного мира, а личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Сознание всегда пристрастно к миру, а смысл и создает его пристрастность [Там же].

5. Акты отражения мира в сознании не просто суммируются, а сливаются в средние итоги, которые, не будучи уже точным воспроизведением действительности или некой нерасчлененной массой, представляют собой **единичные** чувственные **образы множества** однородных **предметов**. Такие общие итоги являются сокращенными символами целого комплекса взаимосвязанных предметов [Сеченов, 2011. С. 155–156]. Каждый предмет или явление фиксируется сознанием одновременно «...как член пространственной группы, как член преемственного ряда и как член сходственного ряда (в смысле рядов наших классификационных систем)» [Там же. С. 138]. Причем символические предметы мысли могут быть «...отделены от своих чувственных корней еще большей пропастью, чем атомы от реальных предметов» [Там же. С. 89], и именно в таком качестве уже организовывать поведение человека. «...Помимо легкости, с какой воспроизводятся в сознании привычные впечатления, они характеризуются еще тем, что для воспроизведения их вовсе не нужно соответствующего комплекса внешних влияний – для этого бывает достаточно намека или какого-нибудь побочного впечатления» [Там же. С. 110]. Общие итоги наиболее часто повторяющихся актов познания мира все больше абстрагируются от собственных и внешних частных характеристик, стереотипизируются, получают как бы самостоятельное, обособленное от актов чувствования бытие и начинают выступать в роли регуляторов многообразных деятельностей. В значении слова как достояния человека кристаллизованы средние итоги познания и общения, осуществляемых с помощью этого слова, проявляющиеся в виде тех или иных тенденций эмпирического материала.

Список теоретических положений, конечно, не окончателен; сущность языковой картины мира и особенно языкового сознания невозможно постичь вне понятий «деятельность», «идеальное», «превращенная форма», «личность» и др.

Методологические следствия

Теперь мы вплотную подошли к основному интересующему нас вопросу – разграничению понятий «языковая картина мира» (ЯКМ) и «языковое сознание» (ЯС).

Обратимся сначала к первому из них.

ЯКМ обычно анализируют на материале лексики и фразеологии, используя для выявления скрытых смыслов, формирующих ЯКМ, в общем традиционные методы семантического анализа (зачастую об этом умалчивается). Как правило, под ЯКМ понимают систему отраженного в языковой семантике знания и опыта народа, говорящего на данном языке, которая объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры. В исследованиях ЯКМ часто говорится об отражении представлений о мире в семантике языковой системы или «языка вообще» с привлечением таких категорий, как национальный менталитет, лингвокультура и т. п.

Подразумевается, что в ЯКМ входят такие способы осмысления мира, которые характерны для всех носителей данного языка. Влияние человека или группы людей на семантику языковых единиц остается за рамками исследования вместе с теми аспектами семантики, которые могут быть подвержены такому влиянию. Подобно языковой системе, ЯКМ предстает как бы абсолютной: все носители данного языка имеют в сознании идентичное отношение к явлению действительности – то, которое выявлено семантическим анализом. Метод выявления ЯКМ и предмет, из которого она абстрагируется, остаются традиционными: предмет

суть система отъединенных от сознания и деятельности человека дискретных единиц, семантика которых, являясь прямым носителем информации, подвергается формальным и однозначным операциям разложения на дискретные составные единицы.

Таким образом, в самом общем виде можно сформулировать следующее определение. **Языковая картина мира – это лингвистическое понятие, объединяющее в себе выявляемые лингвистическими методами в языковом материале инварианты (в отношении условий общения и контекста) схожих характеристик семантики разных языковых единиц.** Единицами анализа ЯКМ можно, как представляется, считать связи между элементами языковой системы и культурными феноменами с фиксированным в них культурно значимым компонентом, регулярно выражающимся в языковом материале. ЯКМ, следовательно, представляет значение слова взятым в его наиболее стереотипизированной статичной форме (средний итог) по отношению к условиям жизни не конкретных людей, а всей лингвокультуры. Именно это обобщенное лингвистическими методами, стереотипизированное употребление слова как орудия (и связанные с таким его употреблением условия, ситуации), фигурирующее на разных языковых уровнях, фиксируется в понятии ЯКМ. Будучи полученными средствами лингвистического анализа и интерпретированными через языковую систему, характеристики языковых единиц, фиксируемые в ЯКМ, не имеют уже прямого отношения к характеристикам деятельности (и шире – жизни) человека и его переживанию мира.

Иную природу имеет ЯС.

Наибольшая проблема в выделении ЯС как одного из понятий языкознания (точнее, его раздела – психолингвистики) состоит в том, что, с одной стороны, не приходится всё «содержание» сознания сводить к языку, с другой стороны, невозможно провести четкую грань между языковым и «остальным» сознанием (трудно даже непротиворечиво отделить субъективное от объективного, тем более языковое от неязыкового). ЯС не витает в воздухе, не записано в мозгу, не слагается путем суммирования единиц ментального лексикона и не проявляется как таковое непосредственно и отдельно в речевой деятельности. Ясно лишь, что ЯС связано с психическими явлениями. Но психические явления, состояния сознания происходят не в голове как нейрофизиологические события, а в пространстве, в котором совместно представлены, с одной стороны, субъект познания, общения и действия, а с другой стороны, определенное предметное содержание, ставшее таковым для сознания в зависимости от экстрацеребральных вещественных символизаций деятельности и биодинамических ее схем [Зинченко, Мамардашвили, 1977]. Такое «пространство знаковой деятельности» чрезвычайно динамично и не дано априори в некоей собственной «материи». В силу этого становится совершенно неясным, где искать ЯС и что оно вообще собой представляет, если считать, что оно обладает собственной онтологией и существует реально, независимо от теории. Отсюда следуют два крайних случая: либо ЯС искусственно наделяется индивидуально-психической онтологией, которую и надлежит понять и описать, либо оно считается научным конструктом, чистой теоретической абстракцией, служащей для понимания и описания произвольно выбираемых фактов.

Мы полагаем, что для преодоления этих крайностей необходимо трактовать ЯС не как составную часть индивидуального сознания в арифметическом смысле, а как способ рассмотрения поля, в котором посредством речемыслительного действия совмещаются субъективное и объективное.

ЯС есть гносеологическая схема, позволяющая объединять, обобщать и систематизировать субъективное содержание образов, стоящих за знаками языка. В то же время оно не есть отдельное от самого познаваемого человека орудие, которым исследователь препарирует речевую деятельность. ЯС невозможно рассматривать ни как нечто всегда и полностью отдельное от человека (объекта наблюдения), ни как нечто, полностью растворенное в его индивидуальном сознании. ЯС – не эфир, в котором существует язык, не гомункул, управляющий языком, но и не инструмент вивисектора-психолингвиста, отсекающий языковую часть от «остального» сознания; оно реально, но специфика его реальности не проявляется и не может быть понята отдельно от **акта познания** языка как достояния деятельного и переживающего мир человека.

Для выявления этой специфики зададимся вопросом: что происходит в такой с виду простой ситуации, как ассоциативный эксперимент? Человек сталкивается с предъявленным

словом и данная им реакция как бы экранирует акт взаимодействия его сознания с предметом действительности: в реакции налицо нечто, обусловленное сознанием, и нечто, обусловленное предметом (стимулом). Имеются, таким образом, два взаимодействующих объекта, потенциально обладающих бесконечным числом признаков, часть из которых откладывается «в осадок» в виде реакции. При включении в эту систему наблюдателя, субъекта познания, она предстает в качестве взаимодействия объектов, у которых активностью субъекта познания выделены лишь некоторые проявляющиеся в акте взаимодействия функциональные признаки. Включение такой ситуации с потенциально бесконечным числом признаков и свойств в определенным образом организованный эксперимент (акт познания с неотъемлемым для него субъектом познания) превращает ее в объект с ограниченным числом выделенных функциональных, т. е. участвующих в экспериментальной процедуре, признаков. Это позволяет сконцентрироваться на систематических наблюдениях, а не на случайных: специально подбирая слова-стимулы и задействованных людей, можно «вынуждать» систему проявлять интересующие исследователя свойства и признаки и исследовать их характер. Это все дает возможность рассматривать ЯС одновременно и как реально существующий объект, отдельный от каждого индивидуального сознания, и как целокупность (излюбленное выражение А. Н. Леонтьева) характеристик индивидуальных сознаний, **регулярно** проявляющихся в речевой деятельности.

Для психолингвистики элементами познаваемой реальности выступают речевые действия, акты взаимодействия сознания деятельной личности с миром, в случае эксперимента – с деятельной личностью ученого, с «измерительными приборами», т. е. со способами познания речевых действий, с теорией. Коль скоро язык изучается как особая форма сознания (как бы последнее ни понимать и к чему бы ни сводить), а сознание манифестирует самое себя в деятельности, в активности, то объектами познания при изучении ЯЗЫКА₁, языка как достояния человека, всегда являются процессы (реализации сознания в речи). И это накладывает существенные ограничения на языковые явления (трактуемые с позиций психолингвистики) в смысле их изучения «как таковых», помимо самого акта наблюдения, познания (взаимодействия познаваемой и познающей личности). Проще говоря, «как таковые», вне их связи с актом и способом познания языковые явления не существуют.

Сознание отдельного индивида целостно и уникально и реализует, манифестирует себя всякий раз в уникальном поступке (в речевом действии), а процесс и результат наблюдения за множеством индивидуальных сознаний интерпретируется и обобщается личностью ученого (или личностями ученых) с позиций его собственных знаний (теории) как характеристика самого объекта наблюдения и познания. Способы и средства наблюдения и обобщения результатов не входят сами по себе в результат познания, они не часть объекта познания, их роль сводится к тому, что разные способы наблюдения объекта дадут разные результаты, выявят разные характеристики объекта (при одних целях исследования такой разницей можно пренебречь, концентрируясь на сходствах результатов, а не различиях, при других – нет). Поэтому эти способы и средства входят в итоговое знание обобщенно и косвенно, а именно в качестве особенностей знания о самом этом объекте, а не в качестве средств его познания как таковых. Характер способов познания кристаллизуется и обобщается в характере знания об объекте, в специфике приписываемых объекту свойств (но не всех). Способы познания проявляются как характеристики объекта, первые принимаются за часть последних. Поэтому те свойства, которые теорией тракуются как относящиеся к ЯС, вовсе не обязательно присущи во всей полноте сознанию каждого носителя данного языка, они суть «издержки» познания и обобщения его свойств, проявляемых в речевой деятельности.

Для традиционного языкознания элементами познаваемой реальности являются «объективно существующие» явления ЯЗЫКА₂ (языковой системы), анализируемые лингвистическими методами и рассматриваемые вне, до и независимо от сознания человека (в этом нет ничего предосудительного), из чего видна неприменимость анализа языковой системы для познания ЯС. Даже языковому материалу «доверять» нельзя, он «неблагонадежен», поскольку, во-первых, он слишком симпрактичен – зависит от ситуации его использования (которая далеко не всегда в нем самом представлена). Как указывал Л. В. Щерба, совокупность всего говоримого и понимаемого – это на языке лингвистов «тексты», которые обыкновенно бывают лишены определенной конкретной обстановки в ту или другую эпоху жизни данной

общественной группы [Щерба, 2004. С. 26]. Во-вторых, языковой материал при его лингвистическом анализе отражает уже кристаллизованные, зафиксированные, стереотипизированные способы использования слова, являясь не говоримым и понимаемым, а сказанным и понятым, что неправомерно использовать при психолингвистическом изучении языка. Языковой материал, будучи порожденным в момент *A* и в условиях *B*, *C*, *D*, наблюдается теорией в момент *A'* и в условиях *B'*, *C'*, *D'*, и надо еще доказать, что эти вторые условия не вносят дополнительного смыслового наполнения в объект (говорящий / слушающий в условиях *B'*, *C'*, *D'* мог вкладывать в высказывание иной смысл, нежели в условиях *B*, *C*, *D*, не говоря уже об интерпретации этих смыслов ученым). Поэтому исследование ЯС должно опираться, в первую очередь, на специально организованный эксперимент, когда группа людей поставлена в относительно одинаковые условия, т. е. сторонние факторы сведены к минимуму или «направлены», учтены, организованы техникой эксперимента. Тогда результат исследования будет содержать не все и любые характеристики объекта и способы познания, а лишь те, которые согласуются с целью исследования; от остальных можно абстрагироваться, они не будут значимы.

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение ЯС.

Языковое сознание – это психолингвистическое понятие, описывающее общие черты языка как достояния группы людей в его зависимости от внешних условий (профессия, возраст, социальное положение и т. д.), а также обобщенное отражение в нем отношения этих людей (упорядоченного, т. е. регулярно проявляющегося, или не упорядоченного) к этим условиям или конкретным их составляющим (предметам действительности). Такое отношение выражается эмоцией и личностным смыслом слова в его отличие от значения.

В отличие от ЯКМ ЯС является относительным понятием, тесно связанным с конкретными социальными и личностными характеристиками группы людей, которая может быть от профессионального сообщества до лингвокультуры (последний случай – предел абстрагирования от характеристик группы, кроме языка).

Ключевой момент при определении двух понятий – предмет и метод в самом широком смысле, т. е. что познается, с помощью каких процедур, как и с позиций какой теории интерпретируются результаты познания. И ЯКМ, и ЯС являются, таким образом, не объективно существующими предметами познания, а понятиями науки, отражающими наблюдаемые факты научными конструктами, теоретическими реконструкциями действительности, которые воссоздают разные явления и по-разному. В силу последнего обстоятельства они не могут рассматриваться обособленно ни от связанных с ними явлений действительности, ни от методов познания последних, но не обладают и изоморфизмом.

Учитывая связь между объектом и методом, подчеркнем следующее: лингвистика все настойчивее проявляет интерес к смежным областям знания, расширяя собственный объект познания, но осознание более широкого объекта (не просто язык, а концептосфера, ЯС или ЯКМ, т. е. язык плюс еще что-либо) должно привести либо к осознанию и выработке иного, соответствующего, релевантного метода, либо к растворению языкознания в смежных областях.

Единица языкового сознания

Деятельностный подход к анализируемым явлениям требует постановки вопроса о единице языкового сознания (разумеется, единицу мы понимаем в смысле Л. С. Выготского [2000. С. 464–465]). Отвечать на него мы предлагаем с использованием модели образа сознания, предложенной Ф. Е. Василюком [1993]. Эта модель представляет собой тетраэдр, в вершинах которого находятся предмет (предметное содержание образа), значение, слово (знак) и личностный смысл. А поскольку чувственная ткань выполняет функцию свидетельствования о внешней реальности и служит материалом, из которого строятся сознательные образы, то обозначенные единицы образа имеют в ней свои корреляты; соответственно: чувственная ткань предметного содержания, чувственная ткань значения, чувственная ткань слова (знака), эмоция – чувственная ткань личностного смысла [Там же. С. 9]. «В конкретном живом образе сознания каждая из этих инстанций имеет своего представителя, которые образуют

как бы нервные центры, узлы образа. Внешний мир представлен предметным содержанием, мир культуры – значением, представителем языка является слово, а внутреннего мира – личностный смысл. Каждый из узлов образа – пограничная сущность, одной стороной обращенная к объективно существующей реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка и культуры), а другой – к непосредственной субъективности; все вместе эти узлы задают объем, в котором пульсирует и переливается живой образ» [Там же]. Объем этот заполнен «...живой, текучей, дышащей плазмой чувственной ткани. Чувственная ткань живет и движется в четырехмерном пространстве образа, задаваемом силовыми полями его узлов, и, будучи единой, она вблизи каждого из полюсов как бы уплотняется, концентрируется, приобретает характерные для данного измерения черты» [Там же]. Важно также учесть, что каждое слово, будучи моментом образа, связано в ментальном лексиконе со множеством других слов. И если представить полюса более объемно, то модель образа можно изобразить так, как на рис. 1.

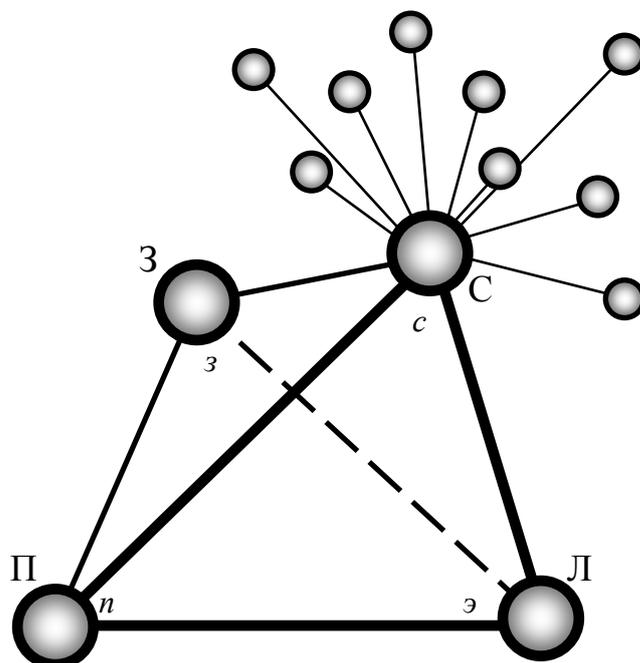


Рис. 1. Модель образа сознания. Обозначения: П – предметное содержание образа; n – чувственная ткань предметного содержания; Л – личностный смысл; ε – эмоция, чувственная ткань личностного смысла; З – значение; z – чувственная ткань значения; С – слово или знак (плюс связи с другими словами); c – чувственная ткань слова (знака)

Психолингвистические исследования показывают, что в слове могут отражаться все составляющие образа, через них (как признаки и признаки признаков) оно и связано с другими словами. Тогда модель образа с учетом связей ментального лексикона можно изобразить, акцентируя внимание на том, какие составляющие образа связывают данное слово с другими словами в ментальном лексиконе и находят выражение в речевой деятельности (рис. 2).

Итак, единица ЯС – это выраженное в речи и языке **отношение** индивида к некоторому явлению. Отношением мы считаем регулярно проявляющееся отражение в значении слова явлений действительности в их связи с потребностями, мотивами, эмоциями человека; отношение – устойчивая эмоция (чувство), испытываемая в ситуации взаимодействия с этим явлением, средний итог таких эмоций, являющийся и отложением деятельности в слове, и регулятором ее. Единица ЯС – некоторый обобщенный аспект жизни группы людей (по-знание,

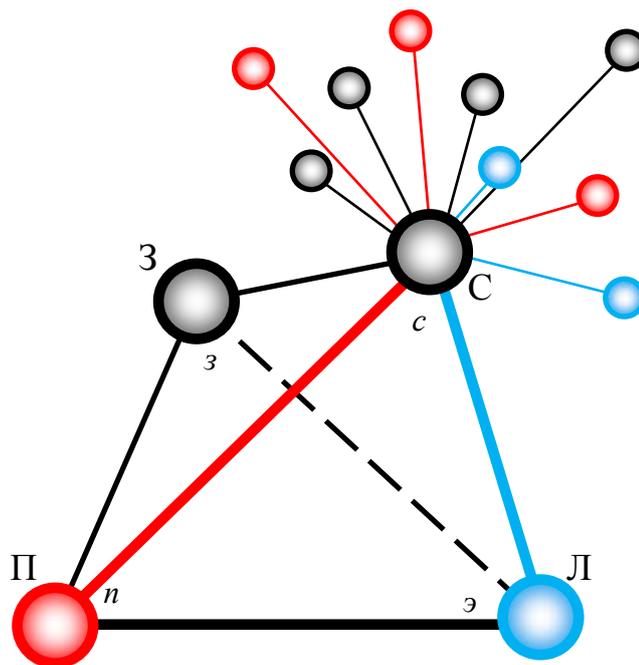


Рис. 2. Компоненты образа, реализующиеся в связях слов

эмоции, переживания и т. д.) в его связи с языковым / речевым средством его фиксации и регулярного выражения. Реальность индивидуального сознания, конституирующая ее, не дана априорно, а строится (во всяком случае, достраивается) в каждой данной ситуации речевого общения, познания (осуществляемого посредством языка как достояния человека) и вообще жизни человека, в которую (ситуацию) включен в качестве необходимого компонента язык. При этом не всё познание мира человеком происходит благодаря языку и через язык, как и не во всякую ситуацию общения с миром включен язык. Единица ЯС есть фиксация в теоретической абстракции условно-статичного состояния (своего рода фазового состояния) динамики множества индивидуальных сознаний входящих в экспериментальную группу носителей языка.

При рассмотрении слова (а не любого предметного значения) как формы овнешнения образа ему соответствует свое предметное содержание, свое значение, не сводимые (или не всегда и не до конца сводимые) к содержанию и значению отраженного предмета или явления, знаком которого слово является, а также своя чувственная ткань, способная вызывать (например, при слушании) весь комплекс сознательных явлений, связанных с данным словом (**его** значение, **его** предметное содержание, **его** смысл).

Экспериментальные обоснования

Приведем некоторые результаты ассоциативных экспериментов, с одной стороны, подтверждающие изложенные выше суждения, с другой стороны, могущие быть интерпретированными и объясненными с выраженных позиций. Все стимулы и реакции взяты из наших экспериментов, описанных в работах [Яковлев и др., 2015; Яковлев, 2016; Яковлев, Манхирова, 2017], либо из наших пока не опубликованных исследований ЯС. Приводимые примеры – не бесспорное подтверждение предлагаемых идей, а иллюстрация их приемлемости для изучения связей между языком как формой сознания и взаимодействием с миром, деятельным переживанием мира.

Ассоциативный эксперимент выявляет множественные связи слов, относящиеся к разным компонентам образов сознания и отражающие отношение человека к предметам и явлениям действительности или их отношениям, общие итоги взаимодействия с которыми закреплены

за словами. Например, связи по значению: ВЫСКАЗЫВАНИЕ – *предложение; фраза; мысль*; ВЗЯТКА – *преступление; обман; нарушение*. Или связи по предметному содержанию образа, например: ПОВАР – *колтак; ожоги*. Отметим, что, судя по реакциям на некоторые стимулы, предметным компонентом соответствующих образов является не отдельный предмет, а целая ситуация: АРХЕОЛОГИЯ – *раскопки; приключения*; ВЗЯТКА – *политику; рекламодателю*; ВРАЧ – *маленькая з/плата; неприятности*. Мы полагаем, что связи по значению и предметному содержанию образа выявляют «нейтральные», не окрашенные эмоционально знания человека о явлении, фиксированном данным словом (во всяком случае менее эмоциональные, чем другие, но не лишённые начисто оценки и переживания).

Во многих случаях, однако, бывает трудно отнести реакцию к конкретному типу (поэтому и приходится говорить о тенденциях и большей или меньшей вероятности), поскольку всякий образ сознания целостен. Отсутствие четкой границы между составляющими образа хорошо показывает эмоция, так как она может проявляться сама по себе, например, МАТЕМАТИКА – *люблю*; ФИЗИКА – *фигня; фу*, а может быть слита с другими компонентами образа, например, КОНДУКТОР – *орёт*; ПОВАР – *вкусняшки; толстячок*; ДЕПУТАТ – *жирдяй*. Сюда же примыкает собственно личностный смысл, который выражается в разнородных реакциях, не всегда эмоционально окрашенных: ФИЗИКА – *Елена Владимировна; не моя наука; трудно*; ЧЕТВЕРГ – *физическая антропология; дата выхода серии; тренировка*. Реакции, связанные с личностным смыслом и собственно с эмоцией, имеются даже на стимулы-термины, например: БИЛИНГВИЗМ – *супер; хорошо; крутора; мечта*, и тем более на «обыденные» слова: САНТЕХНИК – *пьянь; не умеют ничего; раб*; ВТОРНИК – *кошмар!; ненависть; самый незаметный день; ни о чём*.

Реакции типа ПРЕДИКАТ – *дубликат; синдикат* вполне объяснимы с помощью изложенной трактовки ЯС, а не являются своего рода погрешностью, которой можно пренебречь, если она невелика. Они выявляют непрочность, размытость образа, стоящего за данным словом, недостаточную сформированность его значения. Слово-стимул связано с другим элементом языка лишь по внешней форме, но не по значению или предмету. Реакции же типа ПРЕДИКАТ – *глагол; предложение; сказуемое* выявляют более прочную связь слова-стимула с другими словами именно по значению. В формальных реакциях видна более прочная связь данного слова с чувственной тканью (через которую оно и связано с другими словами), причем она ослабевает и уступает место другим связям по мере того, как данное слово входит во всё более сложную систему знаний, смыслов и эмоций, как обогащаются средние итоги использования данного слова в познании и общении.

Сюда же примыкают и находят объяснение отказы от ответа, или нулевые реакции, которые можно интерпретировать как отсутствие или неустойчивость связей данного слова с некоторым образом сознания, с каким-либо знанием о мире (крайне часты нулевые реакции на незнакомые слова; см.: [Яковлев, 2016]).

Бесспорна связь значения и формы слова с другими компонентами сознания, но следует далее выяснить и обобщить характер и прочность связей данного слова с тем или иным компонентом. Предлагаемая трактовка ЯС направлена на выявление качества связей слов с другими моментами сознания при возможности последующей фиксации их динамики (в силу накопления знаний, изменения эмоциональной составляющей и т. д.). Изучение ЯС позволит тогда понять, как двойная жизнь значений слов влияет на изменение этих самых значений, как внешнее преломляется через внутреннее и наоборот.

Привлечение значительного числа испытуемых и обобщение результатов эксперимента позволяет обобщать (а не просто суммировать) внутреннюю структуру единиц ЯС и показывать наиболее важные черты в том, как данное слово живет в сознании людей, говорящих на данном языке. Поэтому говорить можно лишь об имеющих вероятностный характер тенденциях, выявленных на основе множества наблюдений за всей совокупностью речевых действий. И в этой связи важны два методологических момента: 1) обязательный учет всего массива реакций, 2) целесообразность распределения реакций не на два традиционных вида (синтагматические и парадигматические), а, например, по характеру связи со стимулом [Залевская, 2011. С. 140–141], по принадлежности к тематическим классам, лексико-семантическим группам или по каким-то другим критериям, но обязательно отражающим связи слов по значению и смыслу. Важно здесь непротиворечивое следование выбранным крите-

риям в рамках одного исследования и соответствие критериев цели и теоретической базе исследования.

Предложенная трактовка ЯС позволяет отслеживать особенности целых пластов лексики. Так, например, реакции на слова, обозначающие профессии, выявляют значительное число связей с предметным содержанием сознания и эмоцией, тогда как реакции на стимулы – научные термины почти не содержат эмоционального или чувственного компонента. Можно, следовательно, предположить, что их движение, изменение внутренних связей образа под влиянием схожих факторов (например, накопление знаний) будет происходить неодинаково для двух разных пластов лексики, но идентично для слов одного пласта.

Некоторые выводы

Языковое сознание предстало перед нами в неклассическом свете: оно не находится целиком где-то «внутри» сознания или целиком где-то «рядом» с ним, оно есть комплекс переходов от внутреннего к внешнему и обратно при последующей теоретической интерпретации продуктов таких переходов. Но ЯС не находится и где-то в языковом материале (вообще эмпирическом материале, например, совокупности реакций) или в теории (будучи чистым конструктом или произвольно выбираемым методом) и не «рядом» с ними. Оно является частью знаний именно о данном объекте, полученных именно данным методом познания (в самом широком смысле – от конкретных экспериментальных процедур до способа обобщения полученных результатов в теории).

Через связи с эмоцией, значением и т. д., которые в наибольшей степени характерны для того или иного слова (это видно в экспериментальных данных), слово регулирует деятельность людей. Описанная выше модель единицы ЯС и предложенная дефиниция позволяют выявить характер того, как слово связано в целом с личностью и жизнью человека, а также с конкретными образами сознания. ЯС дает ракурс рассмотрения остальных компонентов образа через слово или ракурс рассмотрения слова с отраженными в нем другими компонентами образа сознания. Это взгляд на сознание и на комплекс деятельностей человека, при котором доминантным оказывается слово (при другом взгляде оно может быть и не доминантным). Вместе с тем это взгляд на сознание и жизнь человека с позиций слова.

Теперь мы можем дать уточненные, дедукционные, определения интересующих нас понятий.

Языковое сознание – психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и смыслов. Иначе: оно показывает особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта в зависимости от определенных (т. е. фиксируемых теорией) внутренних и внешних факторов. Известно, что определение должно раскрывать основную закономерность, которой подчиняется определяемое явление. Фиксируемая этим понятием закономерность состоит в том, что для существенного, т. е. проявляющегося в виде явной тенденции, изменения значения и смысла слова необходимо устойчивое, а не случайное изменение отношения людей к явлению, обозначаемому словом (внешнее всегда преломляется через внутреннее). При этом приходится констатировать уникальность и системность зависимости каждой единицы ЯС от внешних и внутренних факторов: каждое слово связано сразу со всеми компонентами образа (системность), хотя в конкретной ситуации проявляется связь только с одним из них, доминирующим (уникальность). Системность состоит в том, что изменяется и обобщается теорией вся система связей целиком, все связи в структуре образа. Уникальность состоит в том, что каждое слово по-своему отражает остальные составляющие образа, не сводится ни к ним, ни к другим словам, сколь бы близким оно ни было к последним.

Закономерность ЯСМ состоит в устойчивой тенденции фиксируемых компонентов значений элементов языковой системы к своему проявлению в языковом материале: при изменениях условий речевой ситуации выявленные компоненты значений с большой вероятностью выражаются в высказываниях (хотя могут быть незначимы в конкретных условиях). Также в том, что эта тенденциозность, вероятность проявляется в разнородных текстах и на разных языковых уровнях (лексика, фразеология, грамматика и т. д.). Таким образом, **языковая**

картина мира – лингвистическое понятие, которое показывает, какие семантические компоненты элементов языковой системы, используемых в языковом материале данной группы носителей языка, имеют тенденцию выражать схожие значения вне их зависимости от преобразований, накладываемых индивидуальным сознанием и конкретной ситуацией общения. Эта трактовка фокусируется на значениях единиц языковой системы безотносительно сознания конкретных индивидов, личностных смыслов и частных ситуаций их употребления. Поскольку это понятие включает в себя и в отражаемый предмет не опыт человека, а инварианты семантики языковых единиц и не учитывает связи слов с другими моментами сознания, то его изучение должно идти соответствующими методами познания – методами традиционного языкознания с привлечением методов лингвистического эксперимента и корпусной лингвистики. Такое изучение направлено на выявление семантических компонентов (чаще всего культурно обусловленных), общих или идентичных для единиц разных языковых уровней и проверку того, исчезают ли эти компоненты в зависимости от конкретного (сугубо языкового!) контекста.

И ЯС, и ЯКМ носят вероятностный характер, что позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных их характеристиках. Однако в случае ЯКМ это определенные тенденции в языковом материале и данных лингвистического эксперимента, не предполагающих человеческого фактора, в случае ЯС – в данных психолингвистического эксперимента, всецело учитывающих человеческий фактор.

Два проанализированных понятия не противопоставлены друг другу уже в силу того обстоятельства, что фиксируемые в них явления не исключают друг друга. Но они не являются и совместимыми, поскольку онтология фиксируемых в них языковых явлений и соответствующая методология различны. Два понятия являются взаимодополняющими, поскольку наиболее полное понимание некоторого образа в языке (скажем, образа, стоящего за словом «учитель») возможно только при изучении особенностей его репрезентации как в языковом материале, так и в сознании пользующегося языком человека.

Список литературы

- Васильюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
- Выготский Л. С. Психология. М.: Эксмо Пресс, 2000. 1008 с.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: Монография. Тверь, 2011. 240 с.
- Зиновьев А. А. Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.
- Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии. 1977. URL: http://psylib.org.ua/books/_zimamar.htm (дата обращения 28.01.2017).
- Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
- Сеченов И. М. Элементы мысли: впечатления и действительность / Под ред. К. Х. Кекчеева. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. 224 с.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
- Яковлев А. А. Терминологическая репрезентация научной картины мира в языковом сознании студента // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 62–68.
- Яковлев А. А., Манхирова В. В., Случаева Е. К. Репрезентация наименований некоторых профессий в языковом сознании русскоязычных студентов // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь, 2015. Вып. 15. С. 102–108.
- Яковлев А. А., Манхирова В. В. Элементы обыденной картины мира в языковом сознании студента по данным ассоциативного эксперимента // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 39–50.

Andrey A. Yakovlev

*Siberian Federal University
79 Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation*

mr.koloboque@rambler.ru

**COMPATIBILITY OF THE TERMS «LINGUISTIC CONSCIOUSNESS»
AND «LANGUAGE WORLDVIEW»**

The paper discusses the terms «language worldview» and «language consciousness» defining the first as a linguistic phenomenon, and the second as a psycholinguistic one. The author claims that such a conceptual distinction is apt to lead to a more consistent study of images fixed in the language system and material (L. Shcherba), on one hand, and the same images regarded and approached anthropocentrically, on the other. The elaborated concept of the language consciousness unit includes five elements: object, personal sense, meaning, emotion, sensuous fabric. Based on a number of largely accepted, classical ideas of linguistics, psychology and philosophy, it is shown that the suggested language consciousness definition is applicable to revealing the consciousness inner structure. The application is illustrated by the associative experiment material. From the methodological point of view, the language consciousness implies, in contrast to the language worldview, the consideration of the methods and ways of its studying as well as the 'speakers' attitude to the world as expressed in speech and language. The language consciousness is thus represented in a «non-classical» way, i.e. as a complex of transitions from the interior (reflected in consciousness images) to the exterior (that is through speech actions), and vice versa with the theoretical generalization and interpretation of the transitions products.

Keywords: linguistic consciousness; language worldview; psycholinguistic terms; psycholinguistic methodology.

References

- Leont'ev A. N. *Lektsii po obshhej psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl, 2001, 511 p. (in Russ.)
- Rubinshtejn S. L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Saint Petersburg, Piter, 2012, 288 p. (in Russ.)
- Sechenov I. M. *Elementy mysli: vpechatlenija i dejstvitel'nost'* [Elements of thought: impressions and reality]. Ed. by K. Kh. Kekcheev. Moscow, Librokom, 2011, 224 p. (in Russ.)
- Shcherba L. V. *O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii* [On threefold aspect of language phenomena]. *Yazykovaya sistema i rechevaya dejatel'nost'* [Linguistic activity and speech activity]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 432 p. (in Russ.)
- Vasilyuk F. E. *Struktura obraza* [Image structure]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 1993, no. 5, p. 5–19. (in Russ.)
- Vygotskij L. S. *Psihologiya* [Psychology]. Moscow, EKSMO Press, 2000, 1008 p. (in Russ.)
- Yakovlev A. A. *Terminologicheskaya reprezentatsiya nauchnoj kartiny mira v yazykovom soznanii studenta* [Scientific worldview through the linguistic terms in the student's mental lexicon]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2016, no. 3, p. 62–68.
- Yakovlev A. A., Mankhirova V. V. *Elementy obydennoj kartiny mira v yazykovom soznanii studenta po dannym assotsiativnogo eksperimenta* [Everyday worldview elements in the student language consciousness through the associative experiment]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Language ecology and communicative practice], 2017, no. 1, p. 39–50. (in Russ.)
- Yakovlev A. A., Mankhirova V. V., Sluchaeva E. K. *Reprezentatsiya naimenovaniy nekotorykh professij v yazykovom soznanii russkoyazychnykh studentov* [Representation of certain profession names in the language consciousness of the Russian students]. *Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podkhod* [Word and text: psycholinguistic approach]. Tver', TSU Press, 2015, no. 15, p. 102–108. (in Russ.)

Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic researches. Word, text: Selected works]. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p. (in Russ.)

Zalevskaya A. A. Znachenie slova cherez prizmu eksperimeta [Word meaning through the experiment prism]. Monograph. Tver', TSU Press, 2011, 240 p. (in Russ.)

Zinchenko V. P., Mamardashvili M. K. Problema ob'ektivnogo metoda v psikhologii [Objective method in psychology]. 1977. URL: http://psylib.org.ua/books/_zimamar.htm (30.10.2016).

Zinov'ev A. A. Logika nauki [Logic of science]. Moscow, Mysl', 1971, 279 p. (in Russ.)

For citation:

Yakovlev Andrey A. Compatibility of the Terms «Linguistic Consciousness» and «Language Worldview». *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 57–69. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-57-69

УДК 81'23; 811.161.1 + 81'27
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-70-82

Е. В. Бентя

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

yevgentya@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ КАЗАХСТАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В КАЗАХСТАНЕ)

Приводятся результаты проведенного автором в Казахстане свободного ассоциативного эксперимента. Анализируются характеристики языкового сознания молодых русскоговорящих казахстанцев и особенности использованных ими лексических единиц в качестве ассоциативных реакций. Среди выявленных единиц обнаружены названия, отсылающие к местным казахстанским реалиям и специфическим реалиям казахской культуры. Кроме того, в реакциях отмечены единицы на казахском языке и также единицы, ассимилированные согласно правилам русского языка. Сравнительный анализ ядра языкового сознания русскоговорящих казахстанцев с моделями ядра русского языкового сознания (на материале российских баз данных) и казахского языкового сознания (на материале казахских ассоциативных словарей) показал наличие общих концептов, присутствующих во всех рассмотренных ядрах.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, культурно-языковая ситуация, Казахстан, ядро языкового сознания, русское языковое сознание, казахское языковое сознание, русский язык в Казахстане.

Русский язык в Казахстане: анализ культурной и языковой ситуаций

Языковая ситуация в Республике Казахстан вызывает особый научный интерес в силу своей неоднородности. Степень русификации северного региона значительно выше, чем южного. Это отражается не только во владении русским языком, но и в культурных шаблонах поведения. На юге казахстанская культура максимально сохранила элементы традиционного казахского уклада жизни. Кроме того, другие народы, проживающие на этой территории наряду с русским – узбеки, азербайджанцы, таджики, татары, турки, корейцы, курды, уйгуры, – также вносят разнообразие в культурное и языковое пространство. Казахстанская культура на севере республики ближе к культуре русской, что обуславливается большим числом ее носителей в этой местности. Она представлена казахскими и русскими элементами с примесью культур других народов, проживающих на севере, как то: украинцы, немцы, поляки, татары, белорусы, азербайджанцы, армяне, чеченцы и некоторые другие в меньшем количестве. Нужно отметить, что народы, представленные на севере и юге Казахстана меньшим числом, чем казахи и русские, также различаются. Это обусловлено, кроме исторических событий, контактами с граничащими странами на юге и на севере республики.

Правительство Казахстана старается привести к балансу север и юг, тем самым обеспечив культурно-языковую гомогенность и внутреннюю стабильность страны. Кроме разработок

Бентя Е. В. Особенности языкового сознания русскоговорящих казахстанцев (на материале свободного ассоциативного эксперимента в Казахстане) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 70–82.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 2

© Е. В. Бентя, 2018

по языковому планированию, включающих укрепление статуса казахского языка и расширение сфер его употребления, ведется работа над механизмами внутренней миграции, когда работоспособное население из южных областей Казахстана при поддержке государства семьями переселяется в северные области¹. Эти действия, а также эмиграция из страны русскоязычного населения², оказывают непосредственное влияние на состояние русского языка в Казахстане.

Изменения в русском языке привлекают внимание ученых, которые предпринимают попытки описать текущую ситуацию и дать ей оценку. Так, Е. А. Журавлева называет русский язык «полинациональным» и говорит о наличии казахстанского варианта русского языка [2012]. В то время как Э. Д. Сулейменова воздерживается от такого радикального заключения, отмечая следующее: «...если рассмотреть проявления “национализации” русского языка на территории Казахстана, то окажется, что к ним будут отнесены главным образом лексические, а не собственно грамматические и фонетические особенности. Более того, в основном, это заимствования казахской безэквивалентной лексики <...>, а также названия реалий современной казахстанской жизни. <...> Отличительные особенности русского языка в Казахстане могут считаться достаточными, чтобы объявить его национальным вариантом, только в случае нормализации (кодификации), то есть весьма и весьма далекого от реальности момента» [2011. С. 103]. У. М. Бахтикерева также отмечает необходимость «установления границ языковых норм» для того, чтобы констатировать появление национального варианта: «...увеличение объема лексики, неизвестной в других ареалах, где русский также используется в качестве языка межнационального общения; необязательность “внутреннего” и “внешних цензоров”, указывающих на нарушение акцентологических, морфологических, синтаксических норм русского языка, едва ли можно расценивать как появление “русских языков”» [2014. С. 24].

Для описания нынешней ситуации с русским языком в Казахстане можно воспользоваться формулировкой А. Д. Дуличенко: «регионализация русского языка». По утверждению ученого, образование варианта русского языка в полном смысле маловероятно. «Регионализация не может далеко и глубоко зайти, потому что современные электронные средства связи просто не дадут распасться языку. Ослабление грамматики заметно в постсоветское время и в метрополии» (цит. по: [Бахтикерева, 2014. С. 23]).

Говоря о том, что происходит сейчас с русским языком в Казахстане, целесообразно обратиться к понятию «межэтническая интеграция» [Журавлева, 2012], объясняющему культурно-языковые процессы взаимодействующих этносов. Так, языки, существующие на одной территории испытывают взаимовлияние, в результате чего в них появляются элементы, понятные обеим сторонам коммуникации. Однако язык – это внешнее проявление других, более глубоких культурных процессов. В настоящее время в Казахстане активно происходит процесс формирования единого казахстанского национального сознания, представляющего собой идентичность казахстанца.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть элементы смысловой структуры сознания казахстанцев через психолингвистический ассоциативный эксперимент, т. е. через языковое сознание, представляющее собой «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000]. Язык выступает в роли «орудия формирования и средства выведения его [сознания] вовне», он «может выполнять как функцию этнокультурного идентификатора, так и с определенными допущениями орудия сотворения этнокультурной идентичности и регулятора традиций» [Шапошникова, 2015. С. 124]. Процесс такого рода и можно наблюдать сейчас на примере Казахстана.

¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 сентября 2017 г. № 602 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000602/history> (дата обращения 19.02.2018).

² Там же.

Описание подкорпуса вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане

Актуальные образы языкового сознания казахстанцев рассматриваются в данной статье на материале созданного нами подкорпуса вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане – РКАС (2017) в рамках проекта СИБАС³.

Подкорпус создавался в процессе локального сравнительно-сопоставительного исследования явлений вестернизации как социокультурного и психолингвистического феномена на основе их отражения в русском языковом сознании молодых людей, проживающих в азиатских регионах России и в Казахстане. Сравнительно-сопоставительный анализ базировался на использовании в качестве эталонных для азиатского региона материалов СИБАС (2008–2013), а также на новых эмпирических материалах, собранных нами в результате свободного ассоциативного эксперимента 2017 г. в казахстанских вузах. Цель создания подкорпуса определила список стимулов. Большая их часть – 98 единиц – совпадает со стимулами СИБАС (2008–2013), на которые испытуемыми-россиянами было дано наибольшее количество реакций, отсылающих к реалиям западной культуры. Два не вошедших в список СИБАС (2008–2013) стимула – **европейский** и **американский** – были включены в анкеты казахстанского эксперимента для более четкого определения ассоциативного ряда, связанного с западным миром (отношение, характер контактов и т. п.). Эти стимулы напрямую отсылают испытуемых к рассматриваемым реалиям. Несмотря на конкретную *локальную* цель создания подкорпуса, исследовательский диапазон использования ассоциативного словника достаточно обширен.

Материал подкорпуса собирался с помощью свободного ассоциативного эксперимента по методике, аналогичной той, что применялась ранее для СИБАС. Эксперимент был проведен в апреле-октябре 2017 г. в шести городах Казахстана: Астане, Кокшетау, Петропавловске, Павлодаре, Караганде и Костанаяе. Выбор городов был мотивирован их географической принадлежностью к северным регионам страны, где плотность русского населения наиболее высока, что в данном случае также означает наличие большего количества носителей русского языка как среди русских, так и среди других национальностей Казахстана. Караганда расположена в центральном регионе Казахстана и представляет собой его административный центр, будучи при этом четвертым крупнейшим городом страны. Этот город был включен в наш список также в силу его статуса и географической близости к северному региону, что способствует появлению большего количества жителей, которые признают русский язык родным.

В группы испытуемых привлекались носители русского языка, использующие его в качестве родного с детства как основное средство общения. Национальная принадлежность не учитывалась. Средний возраст испытуемых – 19 лет, минимальный возраст – 17, максимальный – 29.

Общее количество обработанных и включенных в подкорпус анкет – 600, по 100 стимулов в каждой (табл. 1). В каждом городе собиралось в среднем около 120 анкет с учетом того, что некоторые из них будут отбракованы по тем или иным причинам. Программное обеспечение для автоматического формирования ассоциативных полей и общей системы подкорпуса, включая техническое сопровождение, было разработано и поддерживается заведующим отделом компьютерной техники ФИТ НГУ А. А. Романенко на основе системы СИБАС.

Некоторые особенности подкорпуса РКАС (2017)

При анализе базы РКАС были обнаружены региональные особенности, а именно: казахстанские топонимы, названия казахстанских организаций, СМИ и других реалий свойственных казахстанской и казахской культуре.

³ СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL:<http://adictu.nsu.ru> (дата обращения 19.02.2018).

Таблица 1

Стимулы, предъявлявшиеся молодым русскоязычным казахстанцам
во время ассоциативного эксперимента

1	американский	35	канал	69	паук
2	атаковать	36	качество	70	передать
3	бизнес	37	кино	71	письмо
4	богатый	38	книга	72	помочь
5	богач	39	конец	73	помощь
6	буржуазный	40	конечно	74	послать
7	быстрый	41	корабль	75	предмет
8	война	42	король	76	президент
9	войти	43	культура	77	прислать
10	враг	44	луна	78	ребенок
11	входить	45	лучший	79	река
12	выходить	46	маленький	80	роскошь
13	газета	47	мафия	81	свобода
14	гордость	48	машина	82	связь
15	город	49	мост	83	сейчас
16	государство	50	мыло	84	серия
17	двойной	51	найти	85	следующий
18	демократия	52	написать	86	союзник
19	дитя	53	начало	87	ставить
20	доктор	54	начинать	88	старик
21	дом	55	независимость	89	страна
22	друг	56	немец	90	талантливый
23	друзья	57	неудача	91	театр
24	европейский	58	неудачник	92	телефон
25	жажда	59	никогда	93	умный
26	жест	60	нищий	94	хороший
27	жизнь	61	окно	95	хорошо
28	журнал	62	организация	96	человек
29	зло	63	основной	97	чужой
30	зонтик	64	оставаться	98	шаг
31	играть	65	остановиться	99	шпион
32	изобретательный	66	остаться	100	энергичный
33	импорт	67	отпуск		
34	искать	68	ошибка		

Географические названия в своем большинстве представлены названиями населенных пунктов: **город** → Астана **23**; Павлодар **22**; Костанай **16**; Кокшетау **15**; Караганда **13**; Петропавловск **11**; Балхаш; Петропавл **3**; Актау; Алматы; Темиртау **2**; Almaty; Аркалык; Астана (=); Астана (рисунок сердечка); Есиль; Жезказган; Кокшетау; КРГ; Приозерск; Рудный; Санкт-Петербург, Астана; Сергеевка – семья; Степногорск; Шым.; Щучинск **1**.

Город Астана выделяется среди других названий по частотности реакций, что обусловлено его столичным статусом. Далее по частотности следуют города, в которых проводился эксперимент. Сокращение «КРГ» обозначает названия города Караганда, а «Шым.» – Шымкента, город Петропавловск на казахском языке звучит как «Петропавл», что отражено в трех реакциях.

На стимул **река** реципиентами также были даны реакции с названиями местных географических объектов. Чаще всего в реакциях представлены названия тех рек, которые либо протекают через города, в которых проходил эксперимент, либо находятся недалеко от них:

река → Ишим **22**; Иртыш **20**; Тобол **16**; Есиль **4**; Или **3**; Алаколь; Есил; Келес; Копа; Қылшақты; Нура; Сырдария; Сырдарья **1**;

Наиболее частотной реакцией является название реки Ишим; на казахском языке она называется «Есіл» и транслитерируется на русском как «Есиль». Интересна реакция «Есил», которая представляет собой смесь казахского и русского вариантов этого гидронима. Из городов, участвовавших в эксперименте, река Ишим протекает через Петропавловск и Астану, Иртыш – через Павлодар, Тобол – через Костанай, Қылшақты – через Кокшетау. Река Нура протекает вблизи Караганды. Что касается реакции «Копа», то, учитывая географию эксперимента, она вероятнее всего относится к озеру Копа, расположенному в г. Кокшетау, однако в Южном Казахстане есть и река с таким же названием. К географическим объектам Южного Казахстана, выявленным в реакциях, относятся р. Или, оз. Алаколь, реки Келес и Сырдарья. Таким образом, мы видим, что географические названия представлены в языковом сознании испытуемых в своем большинстве с учетом их значимости для населения городов, в которых проводился эксперимент.

Стимул **газета** дает несколько ассоциаций в виде названий местных печатных СМИ, но повторяющиеся реакции отсылают к значимым СМИ с более широким охватом.

газета → Алаш; Егемен Қазақстан; Казахстанская правда **2**; Мысты өңір; Егемен Қазақстан; Иртыш; КАРАВАН; квартал; КН; колос; Костанайская правда; Костанайские новости; Степной маяк; Степняк **1**.

Реакция *Алаш* (2), скорее всего, является отсылкой к общественно-политической газете «Жас Алаш», история издания которой начинается в 1921 г.; в настоящее время газета имеет оппозиционную направленность и издается только на казахском языке. Газета «Егемен Қазақстан» (всего 3 реакции) – самая влиятельная в казахоязычной печатной прессе – также имеет вековую историю и в настоящее время издается на казахском языке. Главным источником официальной информации в республике является газета «Казахстанская правда» (2), основанная в 1920 г. и издаваемая на русском языке. Еще одну общественно-политическую газету встречаем среди единичных реакций – «Караван» (издается с 1991 г.). Это издание позиционирует себя как «народное», т. е. способствует диалогу народа и власти. Остальные издания, на которые обнаружены отсылки в реакциях, имеют локальное значение и относятся именно к тем городам (или областям), где проводился эксперимент: «Мысты өңір» издается в г. Жезказган Карагандинской области, «Костанайская правда», «Костанайские новости» (или «КН») – в г. Костанай, «Колос» – в с. Смирново Северо-Казахстанской области, «Степной маяк» (реакция *Степняк* – просторечный вариант названия этой газеты) – в г. Кокшетау, «Квартал» – в г. Петропавловск. В настоящее время газета с названием «Иртыш» не издается, она была закрыта в 1997 г. после 79 лет существования. Однако было найдено местное издание под названием «Иртыш-Реклама» в г. Семей, жители которого часто сообщаются с городами Астана и Павлодар.

Среди ассоциатов, отсылающих к казахстанской печатной прессе, отмечена следующая реакция: **журнал** → *Айкап*. Журнал с названием «Айкап» издавался в начале XX столетия, был направлен на защиту бедных и пропаганду просвещения. В нем печатались выдающиеся казахстанские общественные и государственные деятели того времени, а также поэты и писатели. В настоящее время также выходит журнал «Айкап», который является исключительно научным изданием университета КазНУ им. аль-Фараби (г. Алматы). Исходя из этого более вероятно, что данная ассоциация была связана с журналом начала прошлого века, так как он имеет историческую значимость и изучается в рамках образовательной школьной программы по истории Казахстана.

В ассоциативном поле **организация** также можно встретить несколько казахстанских реалий: **организация** → Болашак **2**; Жасыл Ел; Қазақмыс; Нур Отан; ЦОН **1**.

«Болашак» (рус. «будущее») – это международная образовательная стипендия президента Республики Казахстан. Не удивительно, что эта реакция повторяющаяся, так как данная программа ориентирована именно на абитуриентов и студентов, которые и были респондентами проведенного эксперимента. Проект «Жасыл ел» (рус. «зеленая страна») также известен среди студентов, он нацелен на сезонное трудоустройство учащейся молодежи. Деятельность проекта направлена на озеленение страны, воспитание бережного отношения к природе и патриотизма. «Қазақмыс» – крупнейший производитель меди в Казахстане, объекты кото-

рого находятся в Карагандинской области, в частности в самой Караганде. «Нур Отан» – крупнейшая партия президента Республики Казахстан. Центр обслуживания населения – ЦОН – организации в Казахстане, предоставляющие населению большое количество государственных услуг (получение паспорта, водительских прав, заключение сделок по недвижимости, оформление прописки и проч.).

Среди реакций также встречаются слова на казахском языке:

президент → елбасы 3; **окно** → терезе 2; **дом** → үй; **дитя** → бөпе; **ребенок** → бөпе; **старик** → баур; **буржуазный** → аким; **быстрый** → шапшаң; **река** → озен; **город** → аул 1; **мыло** → сабын 3; сабын (мыло на каз. языке); сатау 1; **связь** → бәке, әке; бәке, сәке 1.

Некоторые из приведенных реакций вошли в речь носителей русского языка Казахстана. Такие слова, как *аким* (каз. «әкім» – глава города или области), *елбасы* (глава государства, президент), аул (каз. «ауыл» – деревня, поселок), полноправно выступают в качестве заимствований из казахского языка в русском языке на территории Казахстана. Они используются не только в разговорной речи, но и в различных видах официальных СМИ. Реакции *баур* (каз. «бауыр» – брат, друг, кровный родственник) и *бөпе*, в русской транслитерации *бөпе* (ребенок, малыш), также употребляются в разговорной речи носителей русского языка. То же касается реакций *бәке, әке; бәке, сәке*. Данные единицы *бәке, сәке* в казахском языке – традиционная разговорная форма уважительного обращения к старшим, которые либо являются членами семьи, либо достаточно близки. Однако в настоящее время фраза «бәке-сәке» (она употребляется также в русской транслитерации «баке-сәке») используется для обозначения того, что кто-то добивается цели не самостоятельно, а через знакомства и по договоренности, обычно через связи своих старших родственников (отца, дяди, брата, дедушки) с «нужными» и уважаемыми людьми. Это значит, что данные реакции на стимул **связь** подразумевают выражение «иметь связи». Из-за такой тенденции употребления данной единицы она начинает приобретать негативный оттенок.

Остальные ассоциаты переводные: **мыло** → сабын 3; **окно** → терезе 2; **мыло** → сабын (мыло на каз. яз.); сатау 1; **дом** → үй 1; **быстрый** → шапшаң 1; **река** → озен 1. Мы предполагаем, что данные реакции являются результатом изучения казахского языка, но в русской речи казахстанцев они встречаются редко, так как существуют полноценные русские аналоги. Ассоциат **мыло** → сатау (ошибка либо описка, правильно – «сату») переводится как «мыло продавать».

Аббревиатура названия страны появляется в ассоциатах: **страна** → РК 9; и **страна** → ҚР 1. Реакция ҚР – это название страны как казахском языке – «Қазақстан Республикасы». К распространенным аббревиатурам, которые, однако, представлены в подкорпусе единичными реакциями, относятся НАН (Нурсултан Абишевич Назарбаев – президент Республики Казахстан) в ассоциате: **президент** → НАН 1; и ГГГ (или GGG: Головкин Геннадий Геннадьевич – известный казахстанский боксер-профессионал) в ассоциативных парах: **гордость** → ГГГ; Головкин 1.

Интересно наблюдать реакции, представляющие собой игру респондентов с языком, так называемое языковое творчество. Встречается, например, образование новых существительных:

жажда → охотность 2; **умный** → трудолюбивость 1; **неудача** → невезунчик 1; **свобода** → раскрытость 1; **богач** → самодовольность 1; **демократия** → либералисты 1.

Отмечено образование прилагательных:

изобретательный → додумчивый 1; **враг** → победимый 1.

Игра с произношением прослеживается в реакции **зонтик** → зондэк 1.

Наблюдается образование слов по ассоциации со значениями частей другого слова:

мыло → мыломойка 1; **культура** → антикоррупция 1; **ребенок** → мини люд 1.

Мыломойка (по модели «поломойка») связана, видимо, с тем, что основное назначение мыла – мыть. Культура, возможно, по мнению испытуемого, может быть оружием против коррупции; а дети – это маленькие люди.

Рассмотренные примеры показывают, что даже на среднемасштабном локальном эксперименте (с предъявлением 100 стимулов испытуемым) территориальная и культурная принадлежность реципиентов проявляется достаточно ярко. Более того, сформированная база

дает возможность выделить ядро языкового сознания реципиентов РКАС. Изучение ядра имеет особую значимость, так как оно «представляет собой лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющуюся на протяжении его жизни, ориентирующую его в окружающей действительности и составляющую основу его языковой картины мира» [Ушакова, 2000].

Сравнительный анализ ядер языкового сознания русскоговорящих и казахоговорящих респондентов

Формирование ядра было осуществлено по обратному словарю подкорпуса РКАС. В ядро вошли реакции, образовавшие связи с наибольшим количеством стимулов. Сравним ядро языкового сознания испытуемых РКАС (2017) с ядрами русских ассоциативных баз данных СИБАС (2008–2013), ЕВРАС⁴ (2008–2013) и РАС⁵ (1988–1997) (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение ядра языкового сознания русскоговорящих казахстанцев с ядром языкового сознания русских в российских базах данных

Ранг	РКАС-2017	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)	РАС (1988–1997)
1	человек*	человек*	дом*	человек*
2	жизнь*	жизнь*	человек*	дом*
3	дом*	дом*	жизнь*	нет*
4	друг*	деньги	хорошо*	хорошо*
5	хорошо*	хорошо*	радость	жизнь*
6	хороший	плохо	деньги	плохо
7	нет*	друг*	дело	большой
8	мир*	нет*	плохо	друг*
9	зло	мир*	мир*	деньги
10	смерть	я	нет*	дурак

Примечание. Данные ЕВРАС (2008–2013) приводятся по [Уфимцева, Черкасова, 2014], РАС (1988–1997) – по [Уфимцева, 2003]. Здесь и далее знаком «*» обозначаются реакции, которые также встречаются в ядре языкового сознания в других сравниваемых ассоциативных базах (или словарях).

Сравнение баз показывает наибольшее количество совпадений единиц РКАС с единицами ядра СИБАС – 7: *человек, жизнь, дом, хорошо, друг, нет* и *мир*. Совпадений с ЕВРАС на одну единицу меньше, ядро ЕВРАС не включает слово *друг*. С ядром РАС у РКАС также 6 совпадений, однако здесь не обнаруживается другого слова – *мир*. Нужно отметить, что в РКАС и СИБАС полностью совпадают ранги первых трех единиц ядра: *человек, жизнь* и *дом*. В ЕВРАС эти единицы также возглавляют ядро, однако в другой последовательности. В РАС же только *человек* и *дом* остаются на верхней позиции, а ранг реакции *жизнь* опускается на пятое место.

Интересно провести сравнительный анализ данных РКАС с другими экспериментальными данными, собранными на территории Казахстана (табл. 3). Материалы ассоциативных психолингвистических экспериментов были собраны Н. В. Дмитрюк. Испытуемыми выступили студенты вузов Южно-Казахстанской области, для которых казахский язык является родным и которые обучаются на этом языке. В результате собранный материал был представлен Н. В. Дмитрюк вместе с коллегами в двух казахских ассоциативных словарях разных лет [КРАС, 1978; и КАС, 2014].

⁴ Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС, 2014 / Авт.-сост. Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 20.02.2018).

⁵ Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель», 2002.

Таблица 3

Сравнение ядер языкового сознания русско- и казахоговорящих казахстанцев на материале подкорпуса РКАС-2017 и словарей КАС-2014 и КРАС-1978

Ранг	РКАС-2017	КАС-2014	КРАС-1978
1	человек*	жақсы* (хорошо, хороший)	адам* (человек)
2	жизнь*	адам* (человек)	әдемі (красивый)
3	дом	әдемі (красивый)	өмір* (жизнь)
4	друг	жаман (плохой)	үлкен (большой)
5	хорошо*	көп (много)	жақсы* (хорошо, хороший)
6	хороший*	бақыт (счастье)	ана (мать)
7	нет	өмір* (жизнь)	бала (мальчик, ребенок)
8	мир	үлкен (большой)	ақ (белый)
9	зло	қуаныш (радость)	көп (много)
10	смерть	жұмыс (работа)	жер (земля)

Примечание: данные КАС-2014 и КРАС-1978 приводятся по [Дмитрюк и др., 2016].

Сравнение ядер языкового сознания русско- и казахоговорящих казахстанцев показывает сходство по трем словам: *человек*, *жизнь* и *хорошо / хороший*. Этот показатель вдвое ниже, чем предыдущее сравнение РКАС с русскими базами данных. Отметим, что данные единицы присутствуют в ядрах всех шести анализируемых ассоциативных баз. *Человек* и его *жизнь* являются приоритетными понятиями во все времена, во всех культурах. Присутствие единиц *хорошо / хороший* в ядре языкового сознания, на наш взгляд, является показателем позитивного отношения к окружающей действительности, веры и надежды в благоприятное развитие событий.

Тем временем между ядрами казахских словарей КРАС-1978 и КАС-2014, кроме трех упомянутых слов, общими выступают *әдемі (красивый)*, *көп (много)* и *үлкен (большой)*. Выделяются две причины такого различия между ядрами языкового сознания испытуемых РКАС (2017) с казахскими ассоциативными словарями (2014, 1978). Во-первых, языковое различие, во-вторых, место жительства испытуемых. Низкое соответствие ядра языкового сознания является следствием значимого различия между северной и южной казахстанской культурой.

Ядро языкового сознания носителей русского языка в Казахстане по материалам РКАС (2017)

Обратимся к детальному рассмотрению содержания ассоциативных полей единиц ядра языкового сознания реципиентов РКАС (2017). Наивысший ранг имеет единица – *человек*. Он характеризуется как *хороший* (110), *энергичный* (99), *талантливый* (95), *умный* (85), *изобретательный* (80), *богатый* (78), *нищий* (68), *чужой* (68), *маленький* (36), *буржуазный* (27), *европейский* (14), *быстрый* (13), *лучший* (13), *следующий* (13), *двойной* (10), *американский* (8), *основной* (2). Человек может стать *неудачником* (26 – неудачник), в человеке видят своего *друга* (13 – друг), он может быть *богач* (9) или просто *человек* (9), а еще *старик* (8), *ребенок* (7), *враг* (3), *доктор* (2). Человек – это *гордость* (6), *свобода* (5), *культура* (4), *зло* (2) и *помощь* (2). Кроме того, человеку надо *помочь* (3), человеком важно *остаться* (2), человека можно *послать* (2) или *прислать* (2).

Вторым словом по рангу идет *жизнь*. Для русскоговорящих молодых казахстанцев жизнь – это *свобода* (28), для кого-то жизнь – это *роскошь* (9). В жизни можно допустить *ошибку* (7 – ошибка) и потерпеть *неудачу* (5 – неудача), жизнь воспринимается как *театр* (11), *кино* (7) или *река* (6); жизнь связана с *домом* (3 – дом), *городом* (4 – город) и *телефоном* (2 – теле-

фон); в жизни важны *качество* (2) и *культура* (2), у нее есть *начало* (11), каждый «пишет» свою *книгу* (4 – книга) жизни, и, в конце концов, это просто *жизнь* (2).

В жизни главное – *человек* (15). Для кого-то смысл жизни – это *ребенок* (9) и *дитя* (3); часто жизнь зависит от *доктора* (4 – доктор); важную роль в жизни играют *друзья* (4); прожил и понял жизнь *старик* (4); есть вероятность стать в жизни *неудачником* (3 – неудачник). Часто люди вольны *начинать* (8) жизнь заново, а еще они стремятся *искать* (2) что-то и пытаются *остаться* (2) в живых. Жизнь это *сейчас* (7) или *никогда* (2). Она может быть *двойной* (3), *энергичной* (3 – энергичный) или *буржуазной* (2 – буржуазный). В общем, жизнь оценивается как нечто *хорошее* (2 – хорошо).

Третьей по рангу реакцией является *дом*. В доме хочется *оставаться* (18), *остаться* (16), еще часто в дом *входят* (14 – входить, 13 – войти) или из него *выходят* (7 – выходить). Дом хочется *найти* (4), но также дом можно *поставить* (2 – ставить) самому. Дом для молодых казахстанцев – это *город* (12) и *страна* (4), в которых они живут. Важная часть дома – *окно* (12). Для кого-то собственный дом – это *роскошь* (3) и *свобода* (3). Для кого-то время в доме ассоциируется с *кино* (3) и *телефоном* (3 – телефон). Некоторые знакомы с таким учреждением, как дом *культуры* (2 – культура). В ряде ассоциаций дом – это просто *дом* (3).

Дом бывает *богатый* (11), *маленький* (10), *чужой* (10), *европейский* (8), *умный* (4), *американский* (2), какой бы он ни был, свой дом всегда *лучший* (2), *хороший* (2), дома *хорошо* (2).

Хозяином дома может быть *богач* (3) или *старик* (2).

Четвертой по рангу следует реакция *друг*. Он ассоциируется с *союзником* (205 – союзник), противопоставляется *врагу* (117 – враг) и *шпиону* (3 – шпион). Другом может быть *немец* (12), друг это всегда *человек* (12), иногда друг бывает *неудачником* (3 – неудачник). Для кого-то друг – это просто *друг* (2) или один из *друзей* (2 – друзья).

Друг для молодых казахстанцев непременно *лучший* (188) и *хороший* (93), он *изобретательный* (7), *умный* (7), *талантливый* (6), *энергичный* (4), реже друг характеризуется как *богатый* (3). Кто-то заводит себе *маленького* (5 – маленький) друга. Друг противопоставляется *чужому* (3 – чужой).

Друг всегда придет на *помощь* (36), для кого-то хорошим другом становится *книга* (13), приятно другу написать *письмо* (11), всегда оставаться с ним на *связи* (4 – связь) и вместе сходить в *кино* (3). В реакциях также отмечается стремление *помочь* (16) другу.

Пятым по рангу идет наречие *хорошо*, которое ассоциируется с формой выражения согласия *конечно* (15) и *хорошо* (4). Данное наречие используется для выражения положительного отношения к таким понятиям как *качество* (7), *начало* (5), *помощь* (4), *бизнес* (2), *газета* (2), *дом* (2), *демократия* (3) и *независимость* (2). Связь со стимулом *зло* (2) может строиться на отношениях противопоставления либо определения (т. е. «зло – это хорошо»), предполагая, что некоторые проявления зла не всегда могут иметь разрушительные последствия. Восприятие окружающей действительности в настоящем моменте – *сейчас* (5) – оценивается хорошо. *Помочь* (4) кому-то, иметь *друзей* (2 – друзья) и *союзников* (2 – союзник), быть *лучшим* (2 – лучший) и *умным* (2 – умный) оценивается молодыми казахстанцами положительно.

Вслед за наречием «хорошо» по рангу идет прилагательное *хороший*. Им характеризуются прежде всего *человек* (24), затем *друг* (15), *доктор* (5), *ребенок* (2), *союзник* (2) и даже *враг* (2). Для студентов казахстанских вузов быть хорошим – значит быть *лучшим* (10 – лучший), *умным* (3 – умный), *талантливым* (2 – талантливый) или просто *маленьким* (2 – маленький). Это касается детей, например, которые «хороши» безусловно. Кроме того, положительно оценивается с помощью рассматриваемого прилагательного стимул *европейский* (9). Определение *хороший* важно в отношении таких понятий, как *качество* (6), *жест* (5), *бизнес* (4) и *отпуск* (2).

Слово *мир* стоит на седьмой позиции и противопоставляется *войне* (88 – война) и военным действиям – *атаковать* (3). С миром ассоциируется *страна* (11) как его часть. Кто-то ищет *окно* (8) в мир, для кого-то мир – это сама *жизнь* (3) и *свобода* (3). Кто-то находит целый мир в *книге* (3 – книга). Гарантом мира выступает *государство* (2). Мир можно изучать по *журналу* (2 – журнал), а можно перейти через *мост* (2) и войти в новый мир.

Мир для молодого казахстанца *чужой* (7), *маленький* (6), *богатый* (5), *буржуазный* (5), *лучший* (3), *энергичный* (2) и *американский* (2). С миром непосредственно ассоциируется *человек* (5) и *союзник* (2).

Отрицательная частица *нет* располагается на восьмом месте. Она выполняет две функции: утверждение об отсутствии чего-либо и выражение отрицательного отношения к чему-либо. Однако определить ее функцию в некоторых парах ассоциатов составляет определенную трудность. Например, ассоциирование частицы *нет* со словами *гордость* (2), *война* (2), *зло* (2) может обозначать отсутствие данных реалий в действительности реципиента (например, нет гордости, нет войны, нет зла) или же быть показателем их отрицательного характера (например, гордость, война и зло это плохо).

Чаще всего эта частица ассоциируется с фразой несогласия «конечно, нет» (26 – конечно), а также она противопоставляется согласию – *хорошо* (2). Молодые казахстанцы отрицают слово *никогда* (10), кто-то не верит в существование *демократии* (5 – демократия), кто-то не хочет в своей жизни совершать *ошибки* (5 – ошибка) и переживать *неудачи* (3 – неудача), а также быть *неудачником* (2 – неудачник). Небольшое количество не имеет *врагов* (4 – враг) или *друзей* (3 – друзья). Они предпочитают не *останавливаться* (4 – остановиться) при движении к своим целям.

Девятое по рангу слово *зло* у казахстанских студентов ассоциируется чаще всего с *врагом* (27 – враг) и *войной* (22 – война). Зло также может приносить *мафия* (8), *гордость* (4), непосредственно само *зло* (3), определенный *жест* (2), *паук* (2) или *телефон* (2). Кроме того источником зла может выступать и сам *человек* (5), а также *дитя* (2) и, что более понятно, *шпион* (2). Причинять зло можно конкретным действием – *атаковать* (2). И наконец, казахстанские студенты *никогда* (2) не хотят видеть зло в своей действительности.

Завершает концептуальный центр ядра языкового сознания слово *смерть*. Смерть является неотъемлемой частью *войны* (65 – война) и *жизни* (65 – жизнь). Смерть – это *конец* (24) и *зло* (5). Определенный тип смерти связан с такими понятиями, как *мост* (3) и *мыло* (2). Смерть может быть следствием *ошибки* (2 – ошибка). Кроме того смерть у молодых казахстанцев ассоциируется со *стариком* (6 – старик), *врагом* (4 – враг), *мафией* (4 – мафия), и *пауком* (2 – паук).

В целом отношения членов ассоциативных пар имеют положительную коннотацию, за исключением слов *нет*, *зло* и *смерть*, которые в силу своего выраженного отрицательного оценочного оттенка, влияют даже на ассоциат с изначально позитивным вектором.

Выводы

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Ассоциативные поля РКАС имеют ярко выраженную культурную и территориальную принадлежность, отсылая исследователя к казахстанским реалиям. Кроме того, среди реакций нередки единицы на казахском языке и единицы из казахского языка, ассимилированные согласно правилам русского, которые функционируют как заимствования. Сравнение ядер языкового сознания показало, что РКАС имеет больше общности с СИБАС, чем с ядрами казахских ассоциативных словарей (КАС-2014 и КРАС-1978), что объясняется негомогенностью культурной и языковой ситуации в Казахстане. Однако три единицы – *человек*, *жизнь* и *хорошо* – присутствуют в ядрах всех рассмотренных ассоциативных баз и словарей, что говорит об универсальности этих понятий как для русских в России, так и для русско- и казахоговорящих казахстанцев.

Список литературы

Бахтикиреева У. М. Русский – полинациональный язык? // Вестн. РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 2.

Дмитрюк Н. В., Черкасова Г. А., Артыкбаева Ф. И. Этноментальный феномен ядра языкового сознания: ассоциативные исследования в Казахстане // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН; ММА, 2016. Вып. 2 (28). С. 132–149.

Журавлева Е. А. Закономерности развития русского языка как полинационального феномена // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. праць / Редкол.: В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. Київ: Видавництво НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. Вип. 5. С. 312–319.

Сулейменова Э. Д. Языковые процессы и политика: Монография. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 117 с.

Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. 320 с.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. 2-е изд. М., 2003. 256 с.

Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Вестн. Татар. гос. гум.-пед. ун-та. 2014. № 4 (38).

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. 320 с.

Шапошникова И. В. «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? // Вопросы психоллингвистики. М.: Изд-во ИЯ РАН, 2015. Вып. 2 (24). С. 120–131.

Список источников

КРАС – Казахско-русский ассоциативный словарь / Н. В. Дмитриук. Шымкент, 1978. 240 с.

КАС – Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь / Н. В. Дмитриук, Д. А. Молдалиева, В. Д. Нарожная, Ж. И. Молданова, Е. С. Мезенцева, Н. А. Сандыбаева, Г. И. Абрамова. Алматы; Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.

РАС –Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. 784 с.; Т. 2: От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. 992 с.

ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус / Сост. Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. 2014. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 19.02.2018).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) / Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения 19.02.2018).

Материал поступил в редколлегию 25.02.2018

Yevgeniya V. Bentya

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

yevgentya@gmail.com

PECULIARITIES OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN-SPEAKING KAZAKHSTANIS (ON THE MATERIAL OF THE FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN KAZAKHSTAN)

The article gives an overview of cultural and language situation in the Republic of Kazakhstan and deals with the results of the free associative experiment conducted by the author in this country. The experiment was held in the Northern, Eastern and Central cities of the Republic of Kazakhstan. The choice of the cities was substantiated by the larger number of Russian-speaking citizens living there. The respondents of the experiment were university students whose average age was 19. The paper reviews the characteristics of the language consciousness of young Russian-speaking Kazakhstani and the peculiarities of the usage of certain lexical units as associative responses. Some of the identified units refer to the local Kazakhstani and specific Kazakh culture realia. Moreover, some of

the responses are given in the Kazakh language or in a form assimilated to Russian. The degree of assimilation of such words differs. Among the frequent responses the author has found the words whose degree of assimilation is so high that these words are now used as completely assimilated borrowings from Kazakh to Russian language in the language consciousness of Russian-speaking Kazakhstanis. The core of the language consciousness of Russian-speaking Kazakhstanis was compared to the models of the cores of the Russian language consciousness (based on the material of Russian associative data bases) and Kazakh language consciousness (based on the material of Kazakh associative dictionaries). This comparison showed that Russian-speaking Kazakhstanis have a lot in common – 7 out of 10 positions – with Russian respondents from Siberian and Far East parts of Russia. Moreover, the position of the first three most frequent responses in the cores of their language consciousness are similar – *man*, *life* and *home*. The Russian-speaking Kazakhstanis have in common 3 out of 10 positions with Kazakh respondents from the South of Kazakhstan. However, there are concepts shared by both Russian and Kazakh, which can be found in all the considered cores; these are: *man*, *life* and *good*.

Keywords: free associative experiment, cultural and language situation, Kazakhstan, the core of language consciousness, Russian language consciousness, Kazakh language consciousness, Russian language in Kazakhstan

References

Bakhtikireeva U. M. Russkij – polinatsional'nyj yazyk? [Russian is a multinational language?]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, 2014, no. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkij-polinatsionalnyy-yazyk> (accessed: 19.02.2018). (in Russ.)

Dmitryuk N. V., Cherkasova G. A., Artykbaeva F. I. Etnomental'nyj fenomen yadra yazykovogo soznaniya: assotsiativnye issledovaniya v Kazakhstane [Ethno-mental phenomenon of the core of linguistic consciousness: associative researches in Kazakhstan]. *Voprosy psikholingvistiki*. Moscow, Institut yazykoznanija RAN; MMA, 2016, iss. 2 (28), p. 132–149. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/journals/vpl> (accessed: 19.02.2018). (in Russ.)

Shaposhnikova I. V. «Gosudarstvennost' bol'shogo stilya» i «gosudarstvennyj minimalizm»: aktual'nye smysly v strukture russkogo yazykovogo soznaniya? [Maximised and minimized statism: on some current semantic changes in the Russian language consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki*. Moscow, Institut yazykoznanija RAN, 2015, iss. 2 (24), p. 120–131. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/journals/vpl> (accessed: 19.02.2018). (in Russ.)

Sulejmenova Je. D. Yazykovye protsessy i politika [Language processes and politics]. Monograph. Almaty, Kazak universiteti, 2011, 117 p. (in Russ.)

Tarasov E. F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Contemporary issues of the language consciousness analysis]. *Yazykovoje soznanie i obraz mira*. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, 2000, 320 p. URL: <http://www.iling-ran.ru> (accessed: 19.02.2018) (in Russ.)

Ufimtseva N. V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russians: another attempt of self-understanding]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya*. Ed. by N. V. Ufimtseva. 2nd ed. Moscow, 2003, 256 p. URL: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/> (accessed: 19.02.2018). (in Russ.)

Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. Assosiativnaya leksikografiya i issledovaniya yazykovogo soznaniya [Associative lexicography and study of language consciousness]. *Vestnik Tatrskogo gos. gum.-ped. un-ta*, 2014, no. 4 (38). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/assosiativnaya-leksikografiya-i-issledovaniya-yazykovogo-soznaniya> (accessed: 19.02.2018). (in Russ.)

Ushakova T. N. Yazykovoje soznanie i printsipy ego issledovaniya [The language consciousness and the principles of its research]. *Yazykovoje soznanie i obraz mira*. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, 2000, 320 p. URL: <http://www.iling-ran.ru> (accessed: 19.02.2018). (in Russ.)

Zhuravleva E. A. Zakonomernosti razvitiya russkogo yazyka kak polinatsional'nogo fenomena [Development regularity of the Russian as a poly-ethnic phenomenon]. *Sistema i struktura shidnoslov'yans'kikh mov*. Eds. V. I. Goncharov et al. Kiev, Vidavnictvo NPU im. M. P. Dragomanova, 2012, iss. 5, p. 312–319. (in Russ.)

Sources

Kazahsko-russkij assotsiativnyj slovar' [Kazakh-Russian associative dictionary] (KRAS). N. V. Dmitrjuk. Shymkent, 1978, 240 p.

Қазақша ассоциативтік сөздік / Kazahskij associativnyj slovar' [The Kazakh associative dictionary]. N. V. Dmitrjuk, D. A. Moldaliev, V. D. Narozhnaja, Zh. I. Moldanova, E. S. Mezentseva, N. A. Sandybaeva, G. I. Abramova. Almyta, Moscow, Media-LogoS, 2014, 330 p.

Russkij assotsiativnyj slovar' [Russian associative dictionary]. In 2 vols. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Moscow, Izdatel'stvo Astrel', 2002.

Russkij regional'nyj assotsiativnyj slovar'-tezaurus EVRAS [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS], 2014. G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva (Comp.). URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (accessed: 19.02.2018).

SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008–2015) [Russian regional associative database (2008–2015)]. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comp.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 19.02.2018).

For citation:

Bentya Yevgeniya V. Peculiarities of Language Consciousness of Russian-Speaking Kazakhstanis (On the Material of the Free Associative Experiment in Kazakhstan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 70–82. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-70-82

УДК 81'37(=512.36)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-83-89

Е. В. Сундуева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия*

sundueva@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЛЕКЕМЫ *SEDKIL* ‘ДУША’ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению внутренней формы лексемы *sedkil*, обозначающей внутренний психический мир человека, его душу. Автор устанавливает, что корень *sed-* мог передавать воодушевление, душевный подъем, т. е. внезапный прилив энергии в груди, желание, намерение совершить действие. Глагольное значение в *sedki-* предположительно развивалось следующим образом: ‘желать, хотеть’ → ‘намереваться’ → ‘думать, размышлять’, т. е. от душевного порыва к ментальной деятельности. Это имеет определенное значение для понимания национального образа монгольских народов и их ментальности.

Ключевые слова: монгольские языки, словообразование, этимология, восприятие, душа.

Данная работа посвящена рассмотрению языковой единицы *sedkil*, отражающей такую сферу деятельности человека, как физическое восприятие. В словаре О. М. Ковалевского, изданном в середине XIX в., в слове п.-монг. *sedkil* значение ‘душа’ представлено на первом плане: ‘дух, душа, способность мышления; мысль, образ мыслей, мнение; совесть; сердце; склонность, привязанность, любовь’, *sedkil-ün erketen* ‘орган души, внутреннее чувство, совместный орган всех чувств и действий внешних, точка их соединения, представляющая единство чувственного лица’ [Kowalewski, 1849. P. 1348]. В словаре Г. Й. Рамстедта «Kal-mückisches Wörterbuch» *setkl* имеет значения ‘чувство, мысль, разум, привязанность, любовь’ [Ramstedt, 1935. P. 327]. Примечательно, что в «Словаре ордосского языка» А. Мостэра, изданном в 1944 г., первым указано значение ‘совесть’: *sed^kχil* ‘совесть, сердце, чувство, ум, мышление, характер, намерение, стремление’ [Mostaert, 2009. P. 568].

В словаре Ф. Лессинга, относящемся к середине XX в., значение ‘мысль’ уже оттесняет ‘душу’ на дальние позиции: п.-монг. *sedkil* ‘мысль, идея, намерение; чувство, мнение; дух; душа, интеллект, ум, сердце; сознание’ [Lessing, 1960. P. 680]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» значение ‘душа’ идет вторым: монг. *сэтгэл* ‘1) мысль, дума, размышление; настроение; намерение, склонность, влечение; 2) перен. сердце; душа; психика’ [БАМРС, 2001. С. 162–163], хотя 98 % словарной статьи связано именно с этим значением. То же находим в «Калмыцко-русском словаре»: *седкл* ‘1) мысль, дума, размышление; 2) перен. сердце; душа, психика’ [КРС, 1977. С. 447].

В «Бурятско-русском словаре» Л. Д. Шагдаров добавил значение слова в буддизме и выделил значение ‘совесть’: *сэдьхэл* ‘1) мысль, дума, помыслы; 2) будд. мысль; устремленность; 3) душа, психика; 4) совесть’ [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 206–207].

В бурятском языке также развился фонетический вариант лексемы *сэдьхэл* – *һэһхэл* со значением ‘совесть’: *һэһхэлэй ёһоор* ‘по совести’, *һэһхэлэй эрхэ сүлөө* ‘свобода совести’,

Сундуева Е. В. Внутренняя форма лексемы *sedkil* ‘душа’ в монгольских языках // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 83–89.

hэихэлээрээ ажлалха ‘работать на совесть’ [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 588], в то время как в халха-монгольском данное значение реализуется с помощью сложных слов: *сэтгэл санаа* ‘досл. душа и мысли’, *дотоод сэтгэл* ‘досл. внутренняя душа’, *ичих нүүр* ‘досл. лицо стыда’. Лексема образует парное слово с компонентом *hэнгэр*, не представленным в «Бурятско-русском словаре», однако есть глагол *hэнгэрхэ* ‘обращать внимание’, прилагательное *hэнгэргүй* ‘бесцеремонный, беспардонный, наглый’ [Там же. С. 585]: *Тэрэ хургуули номдоош хурахаа болишоод, архида орожо, hэихэл hэнгэрээ алдахан, комсомолхоо гаргагдахан Гомбожабтай нишлэхэдэ, шимэл ха юм да* (Ц. Шагжин) (Бурятский корпус) ‘Вот, что получилось, когда он, забросив учебу, связался с бесшабашным и пьющим Гомбожабом, исключенным из комсомола’ (здесь и далее перевод наш. – Е. С.). Также она сочетается с существительным *hэбээ*, которое опять-таки отсутствует в словаре, но сопоставимо со словом *habяahan* ‘серьезность, тактичность’: *habяahaгүй* ‘несерьезный, невыдержанный, легкомысленный’ [Там же. С. 535]: *Тэдэшни hэихэл hэбээгээ алдахан зон, hamганайнгаа hүүлийн үмдэ худалдажа, хаарталдаха зон тэдэшни* (С. Цырендоржиев) ‘Это бессовестные люди, которые будут картежничать, продав последние штаны своей жены’. Вызывает интерес словосочетание *hэихэлтэй болохо* ‘вступать в интимные отношения’ [Там же. С. 588]: *Жэмбэ баянай газар уһан дээрэхи ганса басаганинь Сандан ламатай hэихэлтэй болоод, тэрэ Цыден-Жаб хубүүе түрөө* (В. Гармаев) ‘Единственная дочь богача Жэмбэ вступила в связь с Сандан-ламой и родила сына Цыден-Жаба’. Здесь *hэихэл* выступает, скорее, в значении *сэдхэл* ‘душа, привязанность’, ср. монг. *дото сэтгэл* ‘интимность’.

В тексте «Тайной истории монголов» («Сокровенного сказания монголов») слово *sedkil* встречается 23 раза в формах: *sedkil* (15 раз), *sedkil-iyen* (4), *sedkil-tür* (3), *sedkil-ün* (1). Рассмотрим значения данной лексемы в переводах С. А. Козина [1941], П. А. Дарваева [ССМ, 1990], И. де Рахевильца [Rachewiltz, 2004] в форме таблицы.

Значения лексемы *setkil* в переводах «Тайной истории монголов»

§	ТИМ	Козин	Дарваев	Рахевильц
125	<i>setkil minu amu 'ulba-je</i>	думы	душа	mind
125	<i>ta setkil-tür aduqai</i>	думы	душа	mind
127	<i>yambar ele setkil setkijü</i>	умысел	дума	mind
127	<i>anda-yin setkil amu 'ulju</i>	–	душа	mind
145	<i>minu setkil</i>	придумал	думал	thought
145	<i>setkil erüssügei</i>	–	душа	–
145	<i>setkil dотора minu atuqai</i>	душа	душа	heart
149	<i>setkil inu sengterēju</i>	мысль	душа	mind
149	<i>setkil tanu jüb bui</i>	–	мысль	thought
168	<i>jöb-ü'ü tab-u'u setkil bui</i>	–	намерение	–
181	<i>setkil-iyen ülü talbin</i>	притязания	думы	intentions
181	<i>sedkil jobo 'aju</i>	–	душа	heart
189	<i>busi sedkil erdem ügei</i>	–	–	thought
197	<i>e 'ün-ece busu sedkil</i>	в уме	желание	think
201	<i>sedkil cinu joba 'aqu</i>	думы	думы	heart
205	<i>sedkil-ün külüg-iyer</i>	–	душа	heart
207	<i>sedkil-tür gürgekde 'esü</i>	мечты	задуманное	wishes
209	<i>sedkil-iyen amuqu</i>	–	душа	mind
213	<i>sedkil amuyu</i>	душа	блаженство	mind
219	<i>sedkil-iyen ügülekin</i>	пожелания	желания	mind
244	<i>sedkil-tür ötör dötöleksen</i>	огорчение	расстроилась	thought
248	<i>busu sedkil</i>	–	думать	counsel
260	<i>sedkil-iyen alqasa 'ujai</i>	–	разум	heart

Примечание: в таблице прочерк означает то, что переводчик избежал прямого перевода слова *sedkil*.

В переводах представлены значения 'дума', 'душа' и 'намерение, желание'. С. А. Козин в 60 % случаев предпочитает значение 'дума', в 25 % – 'душа' и в 15 % – 'намерение'. П. А. Дарваев использует перевод 'душа' в 50 %, 'дума' в 36 % и 'намерение' в 14 % случаев. И. де Рахевильц в 61 % случаев склонен к переводу 'дума' (thought), в 24 % – 'душа' (soul) и в 15 % – 'намерение' (intention). Как видно, С. А. Козин и И. де Рахевильц отдают предпочтение значению 'мысль, дума', в то время как П. А. Дарваев – значению 'душа'. Если учесть, что намерение – это, по сути, мысль, замысел, умысел, то значение 'дума' у С. А. Козина составит 75 % от общего количества, у И. де Рахевильца – 76 %, у П. А. Дарваева – 50 %.

В средневековом памятнике «Мукаддимат ал-Адаб» лексема *setkil* представлена в значении 'сердце': *setkildēn abuba ayūli* 'испытывал страх в сердце', *setkildūni ayil oraba* 'в его сердце запал страх', *setkil uitan* 'сердитый' [Поппе, 1938. С. 321–322] *досл.* 'с узкой душой, с узким сердцем'.

Производящая глагольная основа *sedki-* во всех лексикографических источниках больше связана с ментальной деятельностью: п.-монг. *sedki-* 'думать, мыслить, помышлять, размышлять; любить' [Kowalewski, 1849. P. 1353], калм. *setk-* 'думать, намереваться, размышлять; любить' [Ramstedt, 1935. P. 327], монг. *сэтгэ-* 'мыслить, думать; намереваться, хотеть' [БАМРС, 2001. С. 164], бур. *сэдьхэ-* 'думать, мыслить, размышлять; замышлять, затевать; желать, хотеть' [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 207]. В «Мукаддимат ал-Адаб» *setki-* также реализует значения 'думать' (*setkibe ereyi ögligetü* 'щедрый думал о мужчине', *setkibe tere üileyi* 'задумал такую-то работу') и 'намереваться, стремиться' (*setkibe yarqudu* 'намеревался выйти', *setkibe tündü* 'стремился к нему') [Поппе, 1938. С. 321]¹.

Г. Й. Рамстедт в статье на *setk-* дает отсылку к глаголу *sedü-, sede-*, имеющему значение: *sed^p, sed-* 'продумывать, размышлять, намереваться' [Ramstedt, 1935. P. 320]. П.-монг. *sedü-* 'делать, совершать' [Kowalewski, 1849. P. 1353], *sedü-* 'планировать, задумывать; разрабатывать; изобретать; начинать' [Lessing, 1960. P. 681], орд. *sedш-* 'пустить в ход, привести в действие, затевать' [Mostaert, 2009. P. 569]. Монг. *сэд-* '1) замышлять, задумывать; затевать; придумывать, придумать, выдумать; предпринимать; намереваться; 2) подстрекать, побуждать, возбуждать; 3) раздражать' [БАМРС, 2001. С. 153], бур. *хэдэ-* 'намереваться, затевать, замышлять, задумывать' [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 582], калм. *седх* 'замышлять, задумывать, намереваться, затевать' [КРС, 1977. С. 447]².

Внутренняя форма слова *sedki-* основана на представлениях об источнике номинации, в качестве которого, на наш взгляд, выступают физические ощущения. Корень **sed-* представляет собой мягкорядный вариант образного корня *sad-*, самостоятельно активно функционирующего в бурятском языке. В «Бурятско-русском словаре» *sad* определен как звукоподражание пронзительному, резкому крику, хохоту: *sad-няд гэлдэхэ* 'резко разговаривать', *sad-няд гэтэр* 'резко, пронзительно', *sad гэмэ* 'пронзительный, истошный (о крике)' [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 137]: *Али намайе наада хаража байна гүт?! – гэжэ сад байса асуужархиба* (С. Цырендоржиев) 'Или вы насмехаетесь надо мной?! – резко спросил он'; *Гамаагай гэнтэ сад гэжэ шангаар ёолоходо, столой хажууда хууһан хоёр эхэнэр сошон мэгдэн гүйлдэжэ, нэгэнишь тааз барижа, нүгөөдэнь лаампа абажа, таһалга руунь даб гэлдэн оробо* (Ц. Дон) 'Когда раздался резкий сильный стон Гамы, сидевшие у стола две женщины засуетились, одна взяла таз, другая лампу, и обе быстро забежали в ее комнату'.

Однако форма *sad*, по нашему мнению, не может передавать звучание обозначенных действий. К примеру, стон едва ли сопоставим с данным звукокомплексом: бур. *ёолохо* 'стонать, охать', *ёолохо яалаха* 'стонать, ныть, охать' [Шагдаров, Черемисов, 2006. С. 344] от звукоподражаний *ёо-о, яа-а*, бур. *гэнишэхэ* 'стонать' [Там же. С. 239] от ономотопа *эн / эмм*. Вероятно, образная форма *sad* выражает испуг, напряжение от резкого звука или действия.

¹ Г. Ц. Пюрбеев и Э. Б. Турдуматова объясняют эту связь так: «...особенность души (*сэдкел*) заключается в том, что она тесно связана с сознанием, рассудком и, наряду со словами *ухан* 'ум, разум', *санан* 'мысль, дума, размышление' и другими, "обслуживает" сферу мыслительной деятельности человека, на что указывают парные слова: *ухан сэдкел* 'сознание'. Слово *сэдкел* образовалось от книжного глагола *сэтгэх* 'мыслить, думать, размышлять'» [2010. С. 129–130].

² Укажем в этой связи, что авторы «Этимологического словаря алтайских языков», выделяя протомонгольскую форму **sede-, *sed-ki-* 'думать, намереваться', сопоставляют ее с протояпонской **santama-* 'решать, определять' [Starostin et al., 2003. P. 1222].

Про детей, резко начинающих плакать, особенно во время сна, говорят *сад гэжэ уйлаха*. От звука пугается не столько тот, кто производит действие, сколько окружающие.

В халха-монгольском языке внезапность выражается в *сад тавих* ‘начать течь внезапно сильным потоком; бить фонтаном, лить ручьем (о вытекающей воде)’: *хамраас нь цус сад тавилаа* ‘у него из носа сильно текла кровь’ [БАМРС, 2001. С. 68]: *Илүү нэг л үг хэлбэл нулимс нь сад тавьчих гээд байжээ* (Монгольский корпус) ‘Еще одно слово, и слезы ее были готовы хлынуть градом’; *Булгийн эх рүү том жижиг чулуу зөндөөн унаж булингартай улаан ус уурласан юм шиг тэдгээр чулууны завсраар сад тавьж байлаа* ‘В исток родник упало много больших и маленьких камней, и мутная красная вода сердито пробивалась сквозь эти камни’. Как видно, в халха-монгольском языке форма *сад* используется лишь с глаголом *тави-* ‘пускать’, не сочетаясь с глаголами говорения.

«Мягкая» форма **sed* могла передавать воодушевление, душевный подъем, т. е. внезапный прилив энергии в груди, желание, намерение совершить действие. Глагольное значение в *sedki-* предположительно развивалось следующим образом: ‘желать, хотеть’ → ‘намереваться’ → ‘думать, размышлять’, т. е. от душевного порыва к ментальной деятельности. В сознании калмыков *сэдкел* как ‘внутренний психический мир человека, его душа’ «воспринимается какместилище чувств, желаний и мыслей. Душа реализует себя в текущей жизни человека и неразрывными узами связана с сердцем (*зуркн*) как местом ее локализации и символом эмоций и состояний» [Пюрбеев, Турдуматова, 2010. С. 129]. «У монголов внешнее проявление чувств не приветствуется, поэтому концепт *сэтгэл* чрезвычайно важен как некий скрытый резервуар чувств и переживаний, часто не обнаруживаемых посторонним взглядом» [Бадмацыренова, 2012. С. 35].

Неотделимость мыслей и желаний позволила авторам «Большого академического монгольско-русского словаря» выделить в слове *санаа* значение ‘душевное состояние; настроение’ после основного блока ‘мысль, дума; идея; намерение; желание’ [БАМРС, 2001. С. 86]. В «Бурятско-русском словаре» лексема *hanaan* связана исключительно с ментальной сферой [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 546–547]. Очевидно, что сложное слово *hanaa сэдхэл* ‘думы, размышления, помыслы; настроение, душевное состояние’ (‘дума’ + ‘душа’) и передает единение чувств, желаний и мыслей. Как пишет Л. Д. Бадмаева, слова типа *оюун сэдхэл*, *ухаан сэдхэл* выражают «сложный комплекс когнитивных способностей человека, охватывая такие виды его деятельности, как интеллектуальный, психический, включая свойство его нервной системы – память» [2017. С. 83].

Иными словами, форма *sed* выражает напряжение, в первую очередь, в области груди, и во всем теле, соотносимое с намерением совершить какое-либо действие. Согласно утверждению С. В. Воронина, «напряжение мышц играет важнейшую роль в двигательных и иных процессах, имеющих отношение к телу человека. При общей склонности человека к подражанию, напряжение различных групп мышц тела имитируется (“моделируется”) напряжением мышц, относящихся к артикуляционному аппарату. Анализ убеждает, что в самых различных языках выявляется обширная группа слов, в основе которых лежит звукоизображение напряжения тех или иных мышц человеческого тела» [1982. С. 103–104].

Ранее нами были рассмотрены другие слова данного семантического поля [Сундуева, 2017]. Было выявлено, что лексема *sülde* ‘духовная мощь, жизненная сила; дух, интеллект; душа’ передает течение воздуха при вдохе, о чем свидетельствует ряд образных лексем, передающих внутреннее состояние организма: бур. *зэлд гэ-* ‘почувствовать облегчение’, бур. *һэлд гэ-* ‘простудиться, выйдя легко одетым на мороз и вдохнув холодного воздуха’, бур. *залд гэхэ* ‘вздоргнуть, испугаться’ и др. Связь значений ‘душа’ и ‘дыхание’ прослеживается в слове п.-монг. *sünesün* ‘дух, материальная душа в теле’ [Kowalewski, 1849. P. 1422], которое фонетически близко к глаголу п.-монг. *ünüs-* ‘нюхать, обнюхивать; обонять’ [ibid. P. 486].

Таким, образом, лексему *sedkil* ‘душа’ можно считать акустическим символизмом неакустического явления, а именно воодушевления, душевного подъема. Актуализация физических ощущений человека в языке происходит в результате возникновения определенных ассоциаций с акустико-артикуляционными параметрами звука. Языковая репрезентация перцептивной информации предстает как результат первичной ступени познания самого себя, что отражает ментально-психологическую и национально-культурную специфику монгольских народов. Изучение внутренней формы слов, отражающих психологические особенности

человека, безусловно, позволит внести определенный вклад в выявление общих генеральных линий воплощения перцептивной информации в монгольских и – шире – в алтайских языках.

Список литературы

Бадмаева Л. Д. Элементы категоризации интеллектуальной сферы в бурятском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 79–83.

Бадмацыренова Н. Б. Концепт «душа» в монгольской языковой картине мира // Санжеевские чтения-7: Материалы Всерос. науч. конф. (с участием зарубежных ученых), посвящ. 110-летию проф. Г. Д. Санжеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 34–36.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 3. 440 с.

Воронин С. В. Основы фоносемантики: Монография. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.

КРС – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 765 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. 611 с.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Ч. 1–2. 453 с.

Пюрбеев Г. Ц., Турдуматова Э. Б. Концепт «душа» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36). С. 125–130.

ССМ – Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.

Сундуева Е. В. Связь духа и дыхания в монгольских языках // Мир Центральной Азии-4: Сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 400–403.

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. 1. 636 с.

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2008. Т. 2. 708 с.

Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. 1–3. 2690 p.

Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.

Mostaert A. Dictionnaire Ordos, C. I. C. M. Ulaanbaatar: New Polygraph Co., Ltd., 2009. 950 p.

Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. Leiden; Boston: Brill, 2004. 1347 p.

Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p.

Starostin S., Dybo A., Mudrak A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.

Список источников

Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru.

Монгольский корпус. URL: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru.

Ekaterina V. Sundueva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhianova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation*

sundueva@mail.ru

INNER FORM OF THE WORD *SEDKIL* 'SOUL' IN MONGOLIC LANGUAGES

The paper deals with the inner form of word *sedkil*, which means the inner psychical world of a person, his/her soul. It reflects such sphere of human activity as physical perception. The author reveals that the root **sed* could refer to inspiriting, enthusiastic drive, sudden impulse of energy in breast, wish, intention to do something. The meaning of verb *sedki-* was developing as follows: 'to want, to wish' → 'to intend' → 'to think, to reflect', i.e. from enthusiastic drive to mental activity. The meaning 'to think' came to the fore due to inherence of ideas and wishes. Language representation of perceptual information appears as a result of the primary step of perception of oneself. It reflects mental and psychological, as well as national and cultural specifics of the Mongolian people.

Keywords: Mongolic languages, word-building, etymology, perception, soul.

References

- Badmaeva L. D. Elementy kategorizatsii intellektual'noy sfery v buryatskom yazyke [Elements of categorization of intellectual sphere in Buryat language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice]. Tambov, Gramota, 2017, no. 1(67), pt 2, p. 79–83. (in Russ.)
- Badmatsyrenova N. B. Kontsept «dusha» v mongol'skoy yazykovoy kartine mira [Concept «soul» in Mongolian language picture of the world]. *Sanzheevskie chteniya-7* [*Sanzheev's conference-7*]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2012, p. 34–36. (in Russ.)
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Ed. by G. C. Pjurbeev. Moscow, Academia, 2001, vol. 3, 440 p. (in Russ.)
- Kalmytsko-russkiy slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary]. Ed. by B. D. Muniev. Moscow, Russkiy yazyk, 1977, 765 p. (in Russ.)
- Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, Imprimerie de l'Université, 1849, vol. 1–3, 2690 p.
- Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. [Secret history. Mongolian chronicle of 1240]. Moscow, Leningrad, 1941, 611 p. (in Russ.)
- Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley, LA, University of California Press, 1960, 1217 p.
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos, C. I. C. M. Ulaanbaatar, New Polygraph Co., Ltd., 2009, 950 p.
- Poppe N. N. Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab [Mongolian Dictionary Mukaddimat al-Adab], Trudy Instituta vostokovedeniya [AN SSSR], XIV. Moscow, Leningrad, AS USSR, 1938, 453 p. (in Russ.)
- Pyurbeev G. Ts., Turdumatova E. B. Kontsept «dusha» v yazykovom soznanii russkikh i kalmykov [Concept «soul» in linguistic consciousness of Russians and Kalmyks]. *Gumanitarnye issledovaniya* [*Humanities Research*], 2010, no. 4 (36), p. 125–130. (in Russ.)
- Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. Leiden, Boston, Brill, 2004, 1347 p.
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935, 560 p.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkiy slovar'. In 2 vols. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2006, vol. 1, 636 p. (in Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkiy slovar'. In 2 vols. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2008, vol. 2, 708 p. (in Russ.)
- Sokrovennoe skazanie mongolov: Anonimnaya mongol'skaya khronika 1240 g. [Secret history of Mongols: Anonymous Mongolian chronicle of 1240]. Elista, Kalm. kn. izd-vo, 1990, 280 p. (in Russ.)

Starostin S., Dybo A., Mudrak A. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden, Boston, Brill, 2003. 2096 p.

Sundueva E. V. Svyaz' dukha i dykhaniya v mongol'skikh yazykakh [Connection of spirit and breath in Mongolic languages]. *Mir Tsentral'noy Azii-4 [World of Central Asia]*. Irkutsk, Ottisk, 2017, p. 400–403. (in Russ.)

Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki [The Principles of Phonosemantics]*. Leningrad, LSU Press, 1982, 244 p. (in Russ.)

Sources

Buryatskiy korpus. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru.

Mongol'skiy korpus. URL: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru.

For citation:

Sundueva Ekaterina V. Inner Form of the Word *Sedkil* 'Soul' in Mongolic Languages. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 83–89. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-83-89

А. Е. Бочкарев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155, Россия*

abotchkaev@hse.ru

ОБ УДИВЛЕНИИ КАК ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОМ КОНЦЕПТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Представлено корпусное исследование удивления в плане концептуальной его конфигурации в русском языковом сознании. О лингвоспецифичности анализируемого концепта можно судить и по предрасположенности к определенному употреблению, и по способности к специфическим переосмыслениям и преобразованиям, и по засвидетельствованным на множестве употреблений предметно-понятийным корреляциям.

По данным Национального корпуса русского языка, *удивление* входит в отношения дополнительности с *недоумением, недоверием, любопытством, восхищением, разочарованием, досадой, возмущением, осуждением*, позволяющим реконструировать основные ситуации удивления по отношению к сопутствующим чувствам и переживаниям как возможной реакции на предмет удивления. При этом содержание удивления как чего-то неожиданного, необычайного и странного определяется относительно какой-то избираемой по случаю установки мнения, позволяющей если не объяснить, то хотя бы обозначить парадоксальность ситуации удивления в терминах модели $S \rightarrow R$ (где S – выносимая на основе мнения интеллектуальная оценка, R – аффективная реакция на данную интеллектуальную оценку). В этом смысле удивление – это не только эмоциональное, но еще и ментальное состояние как причина (стимул) возникновения соответствующей эмоциональной реакции.

Ключевые слова: чувства и эмоции, корпусные исследования, лингвоспецифичные слова, установка мнения, пропозициональная модель, предметно-понятийные корреляции.

Значение удивления в эмоциональной и интеллектуальной жизни человека огромно; и не только потому, что удивление относится наряду со страхом, радостью или печалью к первичным человеческим эмоциям [Изард, 1999], но еще и потому, что связанные с удивлением переживания служат поворотным моментом познания [Аристотель, 1976. С 69; Декарт, 1989. С. 511]. Именно переживаемое человеком чувство удивления в связи с потребностью понять и объяснить что-то непонятное, странное и выходящее за рамки разума побуждает его, осознав необычность происходящего, задаться вопросом: *что это такое? почему так, а не иначе? как это понимать?*¹

Разумеется, с точки зрения познания ситуации удивления не равнозначны, как неравнозначны и причины удивления; и вряд ли кто рискнет сегодня утверждать, что всякое удивление «располагает к приобретению знаний» (Декарт) или что всякое удивление «побуждает людей философствовать» (Аристотель). Ибо, как справедливо замечает Декарт, «гораздо ча-

¹ В этом смысле удивление можно изучать и как аффективную реакцию R на нечто, требующее объяснения, и как стимул S для последующей мыслительной деятельности. Ср. *удивление* \rightarrow *любопытство* \rightarrow *познание*: *Из удивления рождается любопытство, – рассмеялся Шелавин, – а любопытство ведет к познанию и науке* (Г. Адамов). Причем решать, насколько важно для познания удивление, можно, только уяснив, насколько значим в релевантном для человека контексте жизни предмет удивления.

ще бывает так, что удивляются и поражаются тому, что лишь в малой степени заслуживает внимания» [Декарт, 1989. С. 513].

Ситуаций удивления действительно много, как много поводов и причин для удивления. Но сходной для всех ситуаций удивления остается прототипическая модель: X вызывает удивление Y -а или Y удивляется X -у, где X – предмет удивления, Y – субъект (или эксперимент-субъект) удивления. Сходной является, кроме того, и общая для всех ситуаций удивления аффективная реакция, некоторое внутреннее состояние R , судить о котором можно по внешне наблюдаемым процессам и действиям P , в которых это состояние проявляется. В изложении психологов аффективная реакция на состояние удивления сопровождается, как правило, модуляциями голоса, изменениями в области лица, глаз и рта. Недаром среди основных паттернов экспрессии удивления обычно выделяют такие комбинации выразительных движений: 1) глаза широко открыты – рот приоткрыт – брови подняты – на лбу морщины; 2) поза застывшая – растерянность – интонации восклицательные; 3) интонации восклицательные – рот приоткрыт – всплескивают руками; 4) взгляд вопросительный – лицо застывшее – уголки губ опущены; 5) глаза широко открыты – уголки губ опущены – лицо застывшее – поза застывшая; 6) брови подняты – взгляд вопросительный – растерянность [Ильин, 2001. С. 262].

Действительно, за редким исключением симптоматика удивления сходна по большей части для всех представителей рода человеческого, чего нельзя сказать о способах и средствах отображения в языке [Вольф, 1989; Вотякова, 2015; Зализняк, 1992; Калюга, Муравенко, 2008; Ковшова, 2014], позволяющих отчасти представить обозначающее выражение как лингвоспецифичное слово с особой концептуальной конфигурацией в языке².

Обратившись к Национальному корпусу русского языка³, можно в первом приближении установить, что наряду с соответствующим именным выражением означенное эмоциональное состояние выражается в языке предикатами состояния, в том числе глагольными выражениями *удивиться*, *удивить*⁴, *огорошить*, *прийти в удивление*, *быть вне себя от удивления*, предикативами *удивительно*, прилагательным *удивленный*, наречием *на удивление*, *удивительно*, *странно*, междометиями с ярко выраженной экспрессивно-разговорной окраской *ух ты!* *эх*, *ай-ай!* *ай-ай-ай!* *оба-на!* *ба!* *батюшки!* *вот тебе на!* *во как!* *ну и...!*, и что квазисинонимами *удивления* могут быть также *изумление*, *восхищение* и *недоумение*. При этом, как показывают примеры общим объемом свыше девятнадцати тысяч вхождений, причин для удивления в русском языковом сознании много, как много и ситуаций, в которых испытывают удивление. Судя по засвидетельствованным употреблением, сферой действия глагола или любого другого пропозиционального оператора в значении удивления становится, по сути, всё, что совершается вопреки сложившимся представлениям, что превосходит ожидания, вызывает недоумение, производит впечатление странности и необычности, нуждается в объяснении. Вопреки ожиданиям погода стоит на удивление прекрасная, время летит быстро, ситуация оказывается прямо противоположной, общественный транспорт ходит по расписанию, свет отключают редко, просьба не вызывает затруднений, экзамен проходит удачно, подъезд выглядит чистым, кубок Президента Республики Башкортостан выигрывает «Салават Юлаев», ректор сельскохозяйственной академии грамотно употребляет физические термины и проч.

В этом смысле ситуацию удивления можно отчасти признать проблемной ситуацией [Рубинштейн, 2002. С. 391, 396–397], особенно в связи с констатацией противоречия между

² По замечанию Анны А. Зализняк, к лингвоспецифичным словам можно отнести практически любое слово языка [2015. С. 698], а не только такие сугубо русские слова, как *душа*, *тоска* или *судьба*. При условии, разумеется, если лингвоспецифичность понимать как особую концептуальную конфигурацию, характерную именно для данного слова данного языка, как предрасположенность к определенному употреблению, как способность к специфическим переосмыслениям, преобразованиям и конверсиям, как возможность аккумулировать в качестве встроенных смыслов «ключевые идеи» русской языковой картины мира.

³ Обращение к Национальному корпусу русского языка представляется при этом тем более оправданным, что содержание анализируемого эмоционального концепта, как и экспликация связанных с ним ситуаций, не представлено в «готовом виде» ни в одном из отдельно взятых случаев употребления, а реконструируется в диапазоне допустимого варьирования на совокупности всех возможных употреблений.

⁴ По наблюдениям Е. В. Падучевой, возвратный глагол *удивиться* с экспериментом-субъектом более употребителен, чем каузативный *удивить* [2004. С. 279].

ожидаемым и наблюдаемым положением вещей, между утверждением и каким-то пусть и не всегда эксплицированным мнением как необходимым и достаточным основанием суждения. Ибо даже за отсутствием эксплицитно выраженных ментальных предикатов со значением «иметь мнение» базисная установка мнения⁵, как и совершаемая в ее отношении уступка при посредстве оборотов *несмотря на что-л.* или *вопреки чему-л.*, фигурирует в качестве необходимой прагматической пресуппозиции, позволяющей если не объяснить, то хотя бы обозначить парадоксальность ситуации удивления.

Полагают *x*, в действительности *y*, где *x* и *y* – переменные, вместо которых можно подставить имена привлекаемых по случаю взаимоисключающих признаков, свойств и состояний объекта мнения:

~ полагают одно, в действительности другое: *Это такая роскошь, прелесть, что на удивление!* (А. Ф. Вельтман);

~ полагают, что осень будет прохладной, в действительности теплая: *Осень на удивление теплая* (А. Волос);

~ полагают, что характер сложный, в действительности легкий: *...к счастью, у него на удивление легкий характер* (В. Белоусова);

~ полагают, что при таком телосложении форма должна сидеть плохо, в действительности сидит хорошо: *Да и форма сидела на нем на удивление ладно* (В. Васильев);

~ полагают, что при такой неприглядной внешности должен получаться на фотографии плохо, в действительности выходит хорошо: *...некрасивый в жизни, Владик на удивление хорошо выходил на фотографиях* (Е. Чижов),

~ полагают, что при таких недостатках нельзя рассчитывать на хорошую партию, в действительности женится на привлекательной молодой особе: *И вот тем не менее, имея такие дефекты и минусы, он неожиданно и всем на удивление женится на молодой прекрасной особе* (М. М. Зоценко);

~ полагают, что кухня по обыкновению маленькая, в действительности большая: *...и попали в кухню, тоже на удивление большую и домашнюю* (Д. Рубина);

~ полагают, что подъезд по обыкновению грязный, в действительности чистый: *Они зашли в подъезд, на удивление чистый и опрятный, с цветущей геранью в горшочках на подоконниках* (В. Валеева);

~ полагают, что дело пустяковое, в действительности серьезное: *Господа, всего более удивляет меня, что это так серьезно* (Ф. М. Достоевский);

~ полагают, что к обучению у ребенка нет способностей, в действительности есть: *Грамота дается Анастасии на удивление легко* (Е. Водолазкин);

~ полагают, что скорую помощь придется ждать долго, в действительности прибывает быстро: *На удивление быстро прибыла и «скорая помощь»* (Д. Корецкий);

~ полагают, что тестирование обречено на провал, в действительности проходит удачно: *Тестирование прошла на удивление удачно* (Е. Хаецкая);

~ полагают, что некто лишен нравственных принципов, в действительности оказывается высоконравственным человеком: *Но Роза оказалась девицей на удивление высоконравственной* (С. Есин);

~ полагают, что в таком возрасте выглядеть свежо невозможно, в действительности можно: *На вид ему было за пятьдесят, но выглядел он на удивление свежо и бодро* (Д. Глуховский),

~ полагают, что будет нервничать, в действительности сохраняет спокойствие: *...была на удивление спокойной, вела себя на удивление странно* (В. Белоусова) и т. д.

Реакция на состояние удивления представлена при этом не хуже, чем в учебниках по психологии. С симптоматикой исследуемого эмоционального состояния соотносятся, в частности, засвидетельствованные в корпусе указания на выражение **лица**: *Удивление выразилось на лице секретаря* (М. А. Булгаков), на **глаза**: *...в глазах у Валерки удивление* (А. Геласимов),

⁵ В отношении к базисной установке мнения удивление можно даже признать «интеллектуальным чувством» и соответственно изучать и как эмоциональное, и как ментальное состояние. Сначала как ментальное состояние в связи с выносимой на основе мнения интеллектуальной оценкой, затем как эмоциональную реакцию на данное ментальное состояние. О взаимопроникновении интеллектуальных и эмоциональных моментов удивления см.: [Падучева, 2004. С. 278; Рубинштейн, 2002. С. 547].

брови: *Гарденин с удивлением поднял брови* (А. И. Эртель), **взгляд**: *Во взгляде девушки появилось удивление: Как же так?* (П. Михненко); **голос**: *В ее голосе слышалось удивление* (А. П. Чехов), **руки**: *Развожу я в удивлении руками* (А. Городницкий), **позу**: *...вся поза и выражение лица которого говорят о восторженном удивлении* (А. Н. Анненская).

На физическую и психологическую реакцию тела в состоянии удивления указывают, кроме того, употребленные по случаю глагольные выражения с причинным предлогом «от». Как показывают примеры, от удивления **вытягивается лицо**: *...у Виталия от удивления вытянулось лицо* (В. Васильев), **краснеют**: *От удивления Фурман покраснел и вопросительно приподнял брови* (И. Муравьева), **поднимаются брови**: *...у него правая бровь поднялась от удивления* (В. Дергачева), расширяются глаза: *Глаза Ламзиной расширились от удивления* (А. Маринина), **расширяются зрачки**: *Зрачки Михаила расширились от сильного удивления* (Е. и В. Гордеевы), **широко раскрывают (открывают) глаза**: *Матушка широко раскрыла глаза от удивления* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *...я широко открыл глаза от удивления* (Г. А. Газданов), **округляют глаза**: *Майор от удивления округлил и без того круглые глаза и задвигал усами* (Г. В. Иванов), **таращат глаза**: *Варенька вытаращила от удивления глаза* (К. М. Станюкович), **выпучивают глаза**: *Она глаза выпучила от удивления* (В. Катанян), **хлопают глазами**: *Женщина только глазами хлопала от удивления* (Е. Кучеренко), **моргают**: *Егорша от удивления даже заморгал* (Ф. Абрамов), **протирают глаза**: *...я просто протирал глаза от удивления* (Л. И. Шестов), **хочется плакать**: *Звезд столько, что от удивления плакать хочется* (О. В. Колпакова), **плачут**: *...и заплакала от удивления перед непонятным* (Г. Щербакова), **раскрывают рот**: *Максим Григорьевич даже рот раскрыл от удивления* (В. Высоцкий), **разевают рот**: *Я от удивления, от восхищения разинул рот – да так и остался сидеть в кресле с отвалившейся челюстью* (А. Е. Рекемчук), **отвисает нижняя губа**: *У Мани от удивления даже нижняя губа отвисла* (Ф. Абрамов), **отвисает челюсть**: *...у меня от удивления челюсть до пола чуть не упала* (А. В. Жвалевский, Е. Пастернак), **вскидывают голову**: *Демин как бы от удивления вскинул голову* (Б. Можаяев), **вздрагивают**: *От удивления я вздрогнул* (Г. И. Григоров), **приседают**: *Девочка так и села от удивления* (Ю. Дружков), **привстают**: *Игнатий даже привстал от удивления* (В. Шукшин), **приподнимаются**: *Пелагея от удивления даже приподнялась. – Знамо дело* (Ф. Абрамов), **восклицают**: *...лишь воскликнул с удивлением: Иди ты!* (Б. Окуджава), **вскрикивают**: *...и вскрикнула от удивления* (Д. Донцова), **ахают**: *Ранним утром я вышел на палубу и ахнул от удивления* (И. С. Соколов-Микитов), **хмыкают**: *Анискин от удивления хмыкнул* (В. Липатов), **свистят**: *...свистнул от удивления* (В. Ф. Панова), **присвистывают**: *...но вместо этого присвистнул от удивления* (А. Геласимов), **крякают**: *...дядя Тумба даже крякнул от удивления* (А. Приставкин), **меняется голос**: *У Натальи от удивления даже голос чуть-чуть изменился* (А. Геласимов), **не знают, что сказать**: *И я от удивления не знал, что сказать* (В. Астафьев), **замолкают**: *...и я от удивления замолчала* (Е. Завершнева), **немеют**: *Венька онемел от удивления* (В. Шукшин), **застывают**: *Полиция от удивления застыла* (М. А. Булгаков), **столбенеют**: *...и остолбенел от удивления* (И. С. Тургенев), **обмякают**: *От удивления генерал даже слегка обмяк* (В. Роньшин), **замирают**: *А Зоя прямо замерла от удивления* (К. Булычев), **обомлевают**: *...увидев его, обомлел от удивления* (М. Д. Чулков), **перестают дышать**: *Я даже перестал дышать от удивления* (А. Геласимов), **хлопают в ладоши**: *...и хлопать от удивления в ладоши* (И. Грошек), **разводят руками**: *Тихон от удивления даже развел руками* (А. И. Куприн), **всплескивают руками**: *...только всплеснул руками от удивления и вскрикнул* (М. Е. Салтыков-Щедрин), **не в силах поднять руки**: *От удивления он не в силах был поднять руки, чтоб перекреститься* (А. Веселый), **приостанавливаются**: *От удивления Настя приостановилась* (А. Маринина), **подпрыгивают**: *...даже подпрыгнул от удивления* (А. Шипилов), **шарахаются**: *Маруся даже шарахнулась от удивления* (П. Волошина, Е. Кульков), **перестают жевать**: *...и от удивления перестал жевать* (В. Гроссман), **падают**: *...не падайте от удивления, завтрак бесплатный!* (Ф. Искандер), **забывают**: *От удивления я совсем забыл о дистанции* (А. Резов), **теряются и глупеют**: *...я терялся и глупел от удивления* (М. Горький), **не могут прийти в себя**: *...как будто все еще не мог прийти в себя от удивления* (Ф. М. Достоевский).

Параметры удивления. В значении особого эмоционального состояния удивление отображается в разных контекстах употребления по разным параметрам, в том числе основанию,

интенсивности, внешним проявлениям, физическим ощущениям, эмоционально-психологическим переживаниям, морально-этической оценке и проч.

По **основанию** удивление может быть **обыкновенным**: ...ни в ком не вызывает даже обыкновенного удивления (Ф. Кнорре), или **необычайным**: ...к нашему необычайному удивлению прямого отказа мы не получили (А. П. Чехов);

~ по **интенсивности и глубине переживания** – **немалым**: ...к его немалому удивлению, вся семья была в сборе (Ф. Абрамов), **большим**: Проект вызвал у нас большое удивление (И. М. Дьяконов), **великим**: ...к великому моему удивлению рассердился на меня (М. А. Булгаков), **величайшим**: К величайшему моему удивлению (М. Е. Салтыков-Щедрин), **безмерным**: К его безмерному удивлению, девка заголосила, как на похоронах (А. Азольский), **крайним**: ...к моему крайнему удивлению (Л. Н. Толстой), **неимоверным**: Неимоверно удивление петербургских вельмож и чиновников (Д. Замятин), **глубоким**: ...спросил он с таким глубоким удивлением, что я усмехнулся (Ю. О. Домбровский), **сильным**: Его лицо выразило сильное удивление (А. Геласимов), **чрезвычайным**: ...я вскопчил в чрезвычайном удивлении (Ф. М. Достоевский), **легким**: С легким удивлением я соображаю, что понял смысл произнесенных слов (О. Гладов), **растущим**: Потом растущее удивление (Е. С. Гинзбург);

~ по **временному интервалу** – **минутным**: И теперь, после минутного удивления, он принял этого неведомого судью спокойно и просто, как встречают хорошего и старого знакомого (Л. Н. Андреев), **долговременным**: Долговременное удивление утомляет (К. И. Чуковский), **постоянным**: Он жил теперь в постоянном удивлении и восторге перед раскрывающимся на его глазах новым миром (Н. Федорова);

~ по **степени осознанности** – **неосозанным**: ...я испытала смутное, даже неосознанное чувство удивления, когда Лина мне сказала, что в каком-то ателье продается случайно, в рассрочку, каракулевая шуба (Э. Герштейн), **смутным**: ...некое смутное удивление самим собой, Ириной и вообще всей ситуацией (А. Маринина), **неизъяснимым**: ...один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением (А. С. Грибоедов), **странным**: ...я испытывал странное удивление (В. В. Набоков);

~ по **аутентичности** – **неподдельным**: ...с неподдельным удивлением (М. Улыбышева), **искренним**: Появилось искреннее удивление, зачем они это делают: невкусно же (З. Прилепин), **непритворным**: Лариса выразила непритворное удивление (Н. С. Лесков), **притворным**: Посланник выразил притворное удивление тому, что это так (Л. Н. Толстой), **разыгранным**: ...с хорошо разыгранным удивлением (Ю. О. Домбровский), **деланным**: ...он с деланным удивлением спросил (Н. Дежнев), **преувеличенным**: Харченко осмотрел ее с преувеличенным удивлением: Это вы звонили? (А. Слаповский), **фальшивым**: ...разыграла фальшивое удивление Полина (Д. Маркиш), **показным**: ...показное удивление (С. Шаргунов);

~ по **внешним проявлениям** – **нескрываемым**: ...с нескрываемым удивлением взглянул на Шерлока (А. Т. Аверченко), **невольным**: Полуляхов? – с невольным удивлением спросил я (В. М. Дорошевич), **явным**: Адам взглянул на Папикова с явным удивлением (В. Михальский), **спокойным**: ...большие серые глаза со спокойным удивлением глядели на Мятдева (Б. Окуджава), **задумчивым**: ...с задумчивым удивлением (Л. Н. Андреев), **рассеянным**: Тот посмотрел на него с рассеянным удивлением (М. П. Арцыбашев), **отстраненным**: ...и с немного отстраненным удивлением отметила (А. Геласимов), **сдержанным**: ...смотрела на него со сдержанным удивлением (М. Анчаров), **недоверчивым**: Я оглядел шестизатяжную бутафорию с недоверчивым удивлением (С. Гандлевский), **настороженным**: ...посмотрел на меня с настороженным удивлением (Е. Павлова), **боязливым**: ...с боязливым удивлением и любопытством (К. А. Коровин), **робким**: ...с каким-то робким удивлением Дмитриеву в глаза, директор сказал: – Так что же будем делать? (Ю. Трифонов), **добродушным**: Ганин с добродушным удивлением глядел на нее (В. В. Набоков), **простодушным**: Что не вязалось с его простодушным удивлением (К. Булычев), **веселым**: Веселое удивление моего лоценого собеседника (Е. Пищикова), **радостным**: ...в тоне радостного удивления (А. В. Амфитеатров), **ласковым**: ...говоря с ласковым удивлением (М. Горький), **восторженным**: ...и прониклись восторженным удивлением к твердости и ясности воззрений знаменитого хирурга и педагога (Н. А. Добролюбов), **благоговейным**: ...останавливались с благоговейным удивлением в созерцании великого и неизменного порядка в природе (Л. И. Шестов), **почтительным**: ...в знак почтительного удивления мудрости решения склонил голову (Л. Н. Толстой), **на-**

смешливым: ...посмотрели на меня с чуть заметным насмешливым удивлением (Л. А. Чарская), **шутливым:** ...заметил Веснин с шутливым удивлением (Ю. Бондарев), **диковатым:** ...с диковатым удивлением огляделся вокруг (Н. Климонтович), **безумным:** ...с безумным удивлением в глазах (Ю. В. Трифонов), **безмолвным:** ...слабо махнул рукой, отвечая на ее безмолвное удивление (Б. Губер), **немым:** Он поворачивал открытые глаза к солнцу с немым удивлением (В. Г. Короленко), ...с немым удивлением (Д. Глуховский), **молчаливым:** ...и жена с молчаливым удивлением взглянула на него (Ю. Рытхэу);

~ по физическим ощущениям – **приятным:** Самое приятное удивление – стабильность женской сборной России (А. Митьков), **неприятным:** ...подавив в себе чувство неприятного удивления, сказал: Ну как же? (Ю. Трифонов), **болезненным:** И Наташка с болезненным удивлением глядела на разряженный народ (И. А. Бунин), **утомленным:** ...с утомленным удивлением смотрю на полки книг (М. А. Осоргин), **тяжелым:** Матвей смотрел на них и молчал, изнывая от тяжелого удивления (М. Горький), **горьким:** ...к моему горькому удивлению (Е. Евтушенко);

~ по эмоционально-психологическим переживаниям – **божественным:** ...я потерял божественное чувство удивления (И. Г. Эренбург), **ужаснейшим:** ...я был в ужаснейшем удивлении, недоумении, ужасе (Ф. М. Достоевский), **тягостным:** Все это вызвало у меня тягостное удивление и подавило мой страх (М. Горький), **снисходительным:** ...снисходительное удивление великосветских дам (Ирина Прусс), **холодным:** ...с холодным удивлением (А. И. Куприн), **высокомерным:** Тень высокомерного удивления лежала между его бровей (А. С. Грин), **чопорным:** ...немножко чопорное удивление (Л. М. Леонов), **завистливым:** ...чувство человеческого достоинства вызывало завистливое удивление русских князей (В. Гроссман), **брезгливым:** Александр смотрел на этого доносчика с брезгливым удивлением (Г. И. Чулков), **строгим:** Мать смотрит на него со строгим удивлением (А. С. Макаренко), **неописуемым:** В их глазах было такое неописуемое удивление, что я решил: со мной происходит что-то неладное (М. Сергеев), **несказанным:** ...к моему несказанному удивлению (Э. Лимонов);

~ по морально-этической оценке – **невинным:** На его речи отвечает она видом невинного удивления и маленьким восклицанием *oho!* (А. С. Пушкин), **детским:** Он с таким детским удивлением произнес это... что мне захотелось плакать сам не знаю отчего (В. П. Катаев), **ребяческим:** ...в них пробежал всполох ребяческого удивления (Б. А. Лавренев), **наивным:** ...предаться наивному удивлению (А. Белый), **глупым:** Побриться? – с глупым удивлением переспросил Феликс (В. В. Набоков), **комическим:** ...сказала она с таким искренним и комическим удивлением (Л. Н. Толстой), **идиотским:** Она смущалась возможной реакции сотрудников, этого их идиотского удивления, что она – жена такого-то! (Г. Щербакова), **тупым:** ...и с каким-то тупым удивлением бормотал: Ну и баба... (В. Гроссман);

~ по степени вовлеченности – **общим:** Его выбор вызвал общее удивление (Д. Гранин), **всеобщим:** К всеобщему удивлению, русские танки остановились на краю летного поля (В. Макаров).

Предметно-понятийные корреляции. Отразить возможные ситуации удивления позволяют, кроме того, установленные в корпусе корреляции с некоторыми сопутствующими понятиями, позволяющими реконструировать основные ситуации удивления в отношении к смежным эмоциональным концептам.

Как свидетельствуют примеры из Национального корпуса русского языка, в наиболее частотных своих употреблениях удивление сочетается по принципу дополнительности с **неожиданностью:** От удивления и неожиданности я не могла вымолвить ни слова (И. К. Архипова), **недоумением:** Каково же было удивление и недоумение, когда выяснилось, что он женится на какой-то нищей гувернантке, далеко не красавице, да к тому же с прижитым неизвестно от кого ребенком (М. Шишкин), **растерянностью:** ...чувствовалась всё та же растерянность и удивление (Л. Н. Андреев), **рассеянностью:** И опять моя рассеянность сменилась удивлением и даже тревогой: что это с ней нынче? (И. А. Бунин), **недоверием:** ...удивление его сменилось недоверием (Л. Н. Андреев), **любопытством:** Баба посмотрела на него с любопытством и с удивлением (А. Ф. Писемский), **радостью:** ...на лице ее изобразилось что-то похожее на удивление и радость (М. Ю. Лермонтов), **смехом:** ...это вызывает всеобщий смех и удивление (М. М. Зощенко), **облегчением:** Толпа ответила длинным

гулом как бы удивления или облегчения (М. А. Булгаков), **восхищением**: *Масштабы его деятельности вызывают удивление и восхищение* (Н. Павленко), **умилением**: *Еще в детстве он с умилением и удивлением присматривался к этим конским каштанам* (В. Козько), **восторгом**: *Ильменев онемел от восторга и удивления* (М. Н. Загоскин), **блаженством**: *...он с удивлением и блаженством узнал в нем старого знакомого* (Г. В. Иванов), **удовольствием**: *...я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия* (И. С. Тургенев), **удовлетворением**: *...с чувством глубокого удовлетворения и удивления* (С. Данилова), **уважением**: *...заметил в глазах уважение и удивление* (М. А. Булгаков), **гордостью**: *...отчего-то распираем был то ли гордостью, то ли удивлением: Вот он!* (О. Павлов), **участием**: *...возбудить участие или удивление* (М. Ю. Лермонтов), **почтением**: *...громкия дела твои возбуждали удивление и почтение к тебе* (А. Н. Радищев), **разочарованием**: *В ее глазах мелькнуло удивление и даже разочарование дурным вкусом Гурочки* (Д. Емец), **неудовольствием**: *...вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивления или неудовольствия* (А. С. Пушкин), **досадой**: *В глазах моего разговорчивого собеседника блеснуло удивление вперемежку с досадой* (П. Михненко), **негодованием**: *...прйти в страшное удивление и негодование* (Л. Н. Толстой), **неодобрением**: *...с удивлением и неодобрением вспоминал* (В. Ф. Панова), **возмущением**: *Все аж онемели от неожиданности, удивления и возмущения* (Т. Соломатина), **осуждением**: *Трудно было не выдать своего удивления-осуждения, наивного, наверно: что это значит – цену себе не знала?* (О. Новикова), **печалью**: *Государь побледнел – так сильны были удивление и печаль, причиненные ему этим письмом* (Н. Э. Гейнце), **горечью**: *...со смешанным чувством удивления и горечи* (Б. Левин), **обидой**: *Ольга не понимала и переживала целую гамму эмоций, от удивления до обиды* (С. Таранов), **злостью**: *Jérome не мог слова произнести от удивления и злости* (Л. Н. Толстой), **завистью**: *Шестидесятилетний старец был предметом зависти и удивления* (А. В. Амфитеатров), **тревогой**: *Но с еще большими удивлением и тревогой она о себе думала* (В. Распутин), **испугом**: *...в глазах ее мелькнули и удивление, и испуг* (А. Мельник), **страхом**: *Валя с удивлением и страхом смотрела на нее* (Т. Тронина), **ужасом**: *...пришел в неописанное удивление и ужас* (М. Д. Чулков), **болью**: *В ее словах звучали и удивление и боль* (Д. Гранин), **бешенством**: *...инженер сначала обомлел от удивления, потом пришел в бешенство* (Н. Н. Шпанов).

В разных контекстах употребления с удивлением сочетаются, таким образом, и недоумение, и любопытство, и восхищение, и разочарование, досада, осуждение, тревога, отчаяние, растерянность, испуг, обида, не имеющие, казалось бы, ничего общего в плане внешних проявлений и переживаний. Предпосылкой тому служит как многообразие ситуаций удивления, так, очевидно, и потребность раскрыть содержание анализируемого эмоционального концепта в многообразии возможных его толкований в отношении к сопутствующим смыслам, так или иначе встроенным в семантику удивления в русской языковой картине мира. В контексте «любопытство» – это ‘интерес’, в контексте «удовлетворение» – ‘оправдавшиеся надежды’, в контексте «разочарование» – ‘обманутое ожидание’, в контексте «негодование», «осуждение» и «неодобрение» – ‘нарушение нравственного императива’, в контексте «тревога», «испуг» и «страх» – ‘опасения’. При этом в подавляющем большинстве случаев условием сочетаемости служит каузальная импликация вида $A \rightarrow B$: например, удивление \rightarrow радость (досада, негодование, возмущение).

Пропозициональная модель, построенная на Национальном корпусе русского языка, предоставляет, наконец, информацию о том, что приложимые к удивлению действия-предикаты варьируются в зависимости от позиции в синтаксической структуре высказывания.

В функции семантического объекта к удивлению приложимы предикаты **испытывать**: *...испытывал иногда чувство удивления* (Ю. Н. Тынянов), **воображать**: *Но вообрази мое удивление* (В. А. Соллогуб), **вызывать**: *...ни у кого удивления не вызвала* (А. Демин), **возбуждать**: *И покотился тарантас по Москве белокаменной и ни в ком не возбудил удивления* (В. А. Соллогуб), **выражать**: *Я выразил некоторое удивление, что он знает Евангелие* (Н. С. Лесков), **выказывать**: *Отчего ты не выказываешь удивления?* (Б. Л. Пастернак), **высказывать**: *Однажды я высказал удивление: зачем X, что бы ни писал, поминает про свою ссылку в Сибирь?* (В. Ф. Ходасевич), **показывать**: *Что-что, а не показывать удивления в любой ситуации она умела, она знала, как это важно* (В. Михальский), **изображать**: *Как хотите, как хотите, – изобразил удивление толстяк* (А. Грачев), **разыгрывать**: *...можно разыграть*

удивление (М. Зосимкина), **скрывать**: ...журналист не счел нужным скрывать удивление (А. Снегирев), **улавливать**: Уловил чутьем удивление Любы (В. Шукшин) и проч.

В функции семантического субъекта удивление **зарождается**: ...может быть, в вашей душе зародилось удивление или любопытство (М. А. Чехов), **мелькает**: На ее лице мелькнуло удивление (А. Маринина), **разрастается**: Я вижу, что ваше удивление разрастается с каждой минутой! (Т. Окуневская), **поражает**: ...и удивление его просто поразило нас (Б. Н. Полевой), **охватывает**: ...меня охватило удивление, смешанное с восхищением (В. Безотосный), **одолевает**: Другой раз как будто удивление одолевало меня (Ф. М. Достоевский), **берет**: Удивление это взяло над Алешей к совершеннолетию такую силу, что со стороны он казался всем сонным (О. Павлов), **пересиливает**: И снова удивление пересилило в душе Лескова всякие другие, более естественные для него чувства (Ю. М. Нагибин), **притупляется**: ...удивление быстро притупилось (Т. Кигим), **остается**: А удивление остается (П. Тарасов), **проходит**: За сто лет прошло удивление, выдохся восторг первооткрывателей (Ю. О. Домбровский), **меркнет**: ...сейчас же и померкло его удивление (И. А. Бунин).

Так приходим к следующим выводам.

- Содержание анализируемого эмоционального концепта, как и экспликация связанных с ним ситуаций, не представлено «в готовом виде» ни в одном из отдельно взятых случаев употребления, а реконструируется в единстве многообразия на совокупности всех возможных употреблений.

- По данным Национального корпуса русского языка, удивление отображается в русском языке и по отношению к обусловившим его причинам и ситуациям, и по отношению к внешним проявлениям, физическим ощущениям и эмоционально-психологическим переживаниям, и по отношению к сопутствующим чувствам и эмоциям, и по отношению к сопряженным с удивлением установкам мнения.

- Рус. *удивление*, пусть и имеет переводные эквиваленты в других языках, лингвоспецифично.

- О лингвоспецифичности *удивления* можно судить и по предрасположенности к определенному употреблению, и по построенной на множестве употреблений пропозициональной модели, и по засвидетельствованным предметно-понятийным корреляциям, позволяющим реконструировать содержание анализируемого эмоционального концепта в отношении к сопутствующим смыслам, так или иначе встроенным в семантику удивления в русской языковой картине мира.

- Пропозициональная модель, построенная на Национальном корпусе русского языка, предоставляет информацию о том, что приложимые к *удивлению* предикаты варьируются в зависимости от позиции в синтаксической структуре высказывания. В функции семантического объекта к *удивлению* приложимы предикаты *испытывать, воображать, вызывать, возбуждать, выражать, выказывать, высказывать, показывать, изображать, скрывать, улавливать*; в функции семантического субъекта – *зарождаться, проступать, мелькать, разрастаться, охватывать, одолевать, брать, пересиливать, притупляться, оставаться, проходить, меркнуть*.

- Судя по засвидетельствованным употреблениям, *удивление* входит в отношения дополнительности с *недоумением, недоверием, любопытством, радостью, восхищением, удовольствием, удовлетворением, разочарованием, досадой, неодобрением, осуждением, обидой, тревогой*, позволяющим реконструировать основные ситуации удивления в отношении к смежным эмоциональным концептам в терминах каузальной импликации вида $A \rightarrow B$.

- В качестве удивления-недоумения, -восхищения или -обиды предмет удивления задается относительно какой-то базисной пусть и не всегда эксплицированной установки мнения, позволяющей если не объяснить, то хотя бы обозначить парадоксальность ситуации удивления в выражениях вида *удивительно, странно* и проч.

- В отношении к избираемой по случаю установке мнения, как и выносимой на ее основе интеллектуальной оценке, удивление – это не только эмоциональное, но еще и ментальное состояние как причина (стимул) возникновения соответствующей эмоциональной реакции на данное ментальное состояние.

- В рамках модели $S \rightarrow R$ удивление может попеременно выступать и в роли стимула, и в роли реакции: и как реакция R на интеллектуальную оценку, и как стимул S для после-

дующей мыслительной деятельности. Причем решать, насколько важно для познания удивление, можно, только уяснив, насколько значим для человека предмет удивления.

Список литературы

- Аристотель*. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1: Метафизика. 550 с.
- Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представление в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
- Вотякова И. А.* О концепте «удивление» в русской языковой картине мира // Вестн. Удмурт. ун-та. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 120–124.
- Декарт Р.* Страсти души // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 481–572.
- Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Verlag Otto Sagner, 1992. 201 с.
- Зализняк Анна А.* Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»: В 2 т. 2015. Вып. 14 (21), т. 1. С. 683–695.
- Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
- Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
- Калюга М., Муравенко Е. В.* Актантная структура возвратных глаголов удивления и восторга // Вестн. РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 6. С. 109–119.
- Ковшова М. Л.* Языковой «портрет» русского удивления: лексические, фразеологические и пословичные способы описания // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2014. № 77. С. 25–28.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Материал поступил в редколлегию 26.02.2018

Andrey E. Bochkarev

*National Research University – Higher School of Economics
25/12 Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhniy Novgorod, 603155, Russian Federation*

abotchkarev@hse.ru

UDIVLENIE ‘WONDER’ AS A LANGUAGE-SPECIFIC CONCEPT OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to *udivlenie* ‘wonder’ as a language-specific word in order to show its specific conceptual configuration in the Russian language consciousness.

According to the National Russian Corpus, wonder is explicated, in its explanatory expressions, as a cause and as a consequence in regard to related feelings and experiences, as well as situations in which it is being experienced. As many examples have shown, people are always surprised when something exceeds expectations contrary to usual opinion or attitude. In this way, wonder is not only an emotional but also a mental state as a cause (stimulus) of a corresponding emotional reaction.

According to available data, *udivlenie* 'wonder' may be *ordinary* or *extraordinary* by statement; *deep, strong* or *easy* by intensity; *unperceived, vague* or *inexplicable* by the degree of awareness; *genuine, sincere, cast, false* or *ostentatious* by authenticity; *calm, reserved, timid, insane* or *silent* by external manifestation; *pleasant, unpleasant, painful* or *heavy* by physical sensations; *painful, cold, arrogant* or *chilly* by emotional and psychological experiences; *innocent, naive, stupid* or *idiotic* by the criterion of moral evaluation.

In its most manifestations, *udivlenie* 'wonder' is related to different concepts like *bewilderment, curiosity, admiration* as well as *disbelief, frustration, annoyance, outrage, condemnation, anxiety, fright* and *fear* that refer to some typical *wonder*-situations in which they occur as a possible reaction to a subject of wonder: cf. *wonder* → *joy (frustration, outrage, etc.)*.

The propositional model, built on the National Corpus, relies on information which includes predicates associated to *udivlenie* 'wonder' varying according to their position in the syntactic structure of a proposition. As a semantic object, wonder is compatible with the verbs *test, cause, initiate, express, show, depict, obscure*; as a semantic subject, it is compatible with *emerge, exude, spread, cover, borrow, erode, pass*, etc.

Keywords: feelings and emotions, corpus studies, language-specific words, opinion, propositional attitude, propositional model, conceptual correlations.

References

- Aristotle. Works. In 4 vols. Moscow, Mysl', 1976, vol. 1. Metafizika [Metaphysics], 550 p. (in Russ.)
- Descartes R. Strasti dushy [Passions of the Soul]. Works. In 2 vols. Moscow, Mysl', 1989, vol. 1, p. 481–572. (in Russ.)
- Ilyin E. P. Emotsii i chuvstva [Emotions and Feelings]. St. Petersburg, Piter, 2001, 752 p. (in Russ.)
- Izard C. Psikhologiya emotsij [Psychology of Emotions]. St. Petersburg, Piter, 2002, 464 p. (in Russ.)
- Kalyuga M., Muravenko E. Aktantnaya struktura vozvratnykh glagolov udivleniya i vostorga [Actant Structure of the Reflexive Verbs of Surprise and Delight]. *Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies*, 2008, no. 6, p. 109–119. (in Russ.)
- Kovshova M. L. Yazykovoy «portret» russkogo udivleniya: leksicheskie, frazeologicheskie i poslovichnye sposoby opisaniya [The «portrait» of surprise in the Russian Language: Lexical, Phraseological and Proverbial Ways of Description]. *Bulletin of the Novgorod State University*, 2014, no. 77, p. 25–28. (in Russ.)
- Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki slavianskoy kultury Publ., 2004, 607 p. (in Russ.)
- Rubinstein S. L. Osnovy obshey psikhologii [Principles of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2002, 720 p. (in Russ.)
- Shakhovskiy V. I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Emotion's Categorization in the Lexical System of the Language]. 4th ed. Moscow, URSS, 2012, 208 p. (in Russ.)
- Votyakova I. A. O kontsepte «udivlenie» v russkoy yazykovoy kartine mira [On the Concept of «surprise» in the Russian Language Picture of the World]. *Bulletin of Udmurt University*, 2015, no. 25, iss. 3, p. 120–124. (in Russ.)
- Wolf E. M. Emotsional'nye sostoyaniya i ikh predstavlenie v yazyke [Emotional States and their Linguistic Representation]. *Problemy intensionalnykh i pragmaticheskikh kontekstov [Problems of Intentional and Pragmatic Contexts]*. Moscow, Nauka, 1989, p. 55–75. (in Russ.)
- Zalizniak Anna A. Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya [Studies on the Semantics of the Internal State Predicates]. München, Verlag Otto Sagner, 1992, 201 p. (in Russ.)

Zalizniak Anna A. Lingvospecifichnye edinitcy russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza [Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis]. *Kompjuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Materials of the Annual International Conference 2Dialogue». 2015, iss. 14 (21), vol. 1, p. 683–695. (in Russ.)

Sources

National Corpus of Russian Language. URL: <http://ruscorpora.ru/>

For citation:

Bochkarev Andrey E. *UDIVLENIE* ‘WONDER’ as a Language-Specific Concept of the Russian Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 90–100. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-90-100

А. В. Соснин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155, Россия*

alexsosnin@mail.ru

МЕТАФОРА ОРГАНИЗМА КАК КЛЮЧЕВАЯ МЕТАФОРА В ФОРМИРОВАНИИ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу метафоры организма и производных от нее метафор в составе лондонского текста английского языка и литературы (т. е. инвариантного текста для группы текстов, тематика которых связана с британской столицей). Метафоры рассматриваются преимущественно с семантических позиций, и объясняется, почему оказывается возможной сочетаемость семемы «London» с предикатами и атрибутами, содержащими нехарактерную для нее сему «одушевленный». Такой анализ позволяет актуализовать неочевидное измерение лондонского текста: представление сущности города как организма, в первую очередь антропоморфного. Приводимое исследование осуществлено на стыке когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с чем анализ ключевых концептов английской лингвокультуры осуществляется через семантическое исследование соответствующих им сверткестов. Исследование опиралось на литературный канон новоанглийского языка, и в ходе анализа данного материала была обнаружена существенная преемственность метафор, использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения. В статье, таким образом, постулируется относительная стабильность лондонского текста как сверткестового образования.

Ключевые слова: метафора организма, сверткест, лондонский текст, интерпретирующая семантика, английский литературный канон.

В настоящей статье анализируется метафора организма и производные от нее метафоры, которые являются важнейшими конституирующими элементами в формировании лондонского текста.

Лондонский текст понимается как языковая единица английского языка – так называемый «эмический текст» [Harweg, 1968. S. 148, 160 et seq.], являющий собой семантический инвариант для группы текстов лондонской тематики: текстов как реальных, или вербализованных, так и потенциальных (т. е. тех, которые будут когда-либо написаны). На уровне ментальных представлений в соответствие с лондонским текстом поставлена этноспецифичная культурная константа. Помимо набора семантических признаков, организованных в группы со статическими и динамическими характеристиками, лондонский текст инкорпорирует четкие алгоритмы предикации этих признаков и их вербализации в синтагматических синтаксических последовательностях, развертываемых из общей парадигмы [Соснин, 2016].

В статье, соответственно, объясняется, почему оказывается возможной сочетаемость семемы ‘London’¹ с предикатами и атрибутами, содержащими нехарактерную для нее сему

¹ Условное обозначение семемы, как это принято в интерпретирующей семантике Ф. Растье [2001. С. 367]. Семема понимается как содержание лексемы.

/одушевленный/². Такой анализ позволяет актуализовать неочевидное измерение лондонского текста: представление сущности города как организма (в частности, антропоморфного). Другими словами, мы попытались ответить на вопрос, в силу чего возможны построения типа «*dolent city*». Как указывает А. Е. Бочкарев, правила ограничений сочетаемости предписаны системой языка: они определяются условиями грамматичности и являются обязательными для всех говорящих [2003. С. 143]. При нарушении же этих правил возникают различные аномалии. Но если рассматривать не только «грамматически правильные» построения (например, устойчивые словосочетания по типу «*London season*»), а весь набор данных нам реализаций сверхтекста (особенно в художественных произведениях), то будет очевидно, что значительная их часть отстает от нормативных предписаний языковой системы и от онтологического критерия истинности-ложности. Речь в них идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилевой отнесенности, аксиологических установок и проч. Предметом лингвистического анализа, соответственно, становится не «мир» как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы представлений.

Материалом для исследования лондонского текста, частью которого является анализ метафоры «Лондон-организм», послужили литературные произведения английских авторов с XVI по XXI в. общим объемом около 70 тыс. страниц (126 млн печатных знаков). Эти произведения входят в так называемый «литературный канон», т. е. совокупность произведений, изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка и отвечающих ряду других критериев [Соснин, 2015; Bloom, 1994. Р. 18–23]. Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка. Литературные произведения, отобранные в качестве материала исследования, обращаются к лондонской тематике, и сближает их не только тема, но и сходная ее трактовка или предикация сходных признаков, актуализованных в этом микрокорпусе.

Исследование, безусловно, опиралось на литературный канон новоанглийского языка, т. е. совокупность литературных произведений, созданных на Британских островах на более или менее стандартизированном языке с XVI в. по настоящее время. На протяжении данного периода наблюдается существенная преемственность, «изотопичность» признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения [Демьянков, 1994].

Теоретико-методологическое основание, на котором строилось настоящее исследование, обусловлено его принципиальной установкой на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов [Соснин, 2014]. В ходе исследования текстов заданной смысловой сферы, т. е. тех текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта, выделяются их семантические признаки. На основе полученной теоретико-множественной суммы признаков в совокупности их взаимоотношений, статических и динамических, конструируется семантический каркас сверхтекста как глобальной вербализации концепта. При этом ориентация на текст абсолютно необходима, поскольку в нем актуализуется больше признаков по сравнению с бесконтекстной вербализацией. Это связано с тем, что некоторые признаки концепта выражаются косвенно и для их выявления необходимо использовать интерпретативные процедуры. Соответственно, для реконструкции лондонского текста был выбран метод интерпретирующего семантического анализа в рамках общей концепции единой семантики, разработанной французскими исследователями-структуралистами (А.-Ж. Греймас, Ж. Курте, Б. Потье, Ф. Растье; в отечественной науке развита А. Е. Бочкаревым). Преимущества данного метода перед американским вариантом компонентного анализа заключаются в следующем: строго дифференциальная модель значения и его интенциональная трактовка; семиотически объединенное рассмотрение лексического, синтаксического и текстуального уровней как при интерпретации, так и при продуцировании текста; преодоление противоречий семантики и прагматики (семантический компонент неразрывно связан с прагматическим, и на интерпретацию языко-

² Условное обозначение семы [Растье, 2001. С. 367].

вых выражений влияют как собственно языковые, так и внешние, контекстуальные ограничения, которые зачастую характеризуются не меньшей нормативностью, чем языковые); ориентация не на «факт», а на суждение о нем в рамках антропоцентрического подхода к языку: семный анализ полагает, что мир не дан человеку непосредственно в восприятии, а интерпретируется им в зависимости от установок так, что один и тот же объект может получать различную интерпретацию в зависимости от возможного мира говорящего.

Наконец, всегда существовало некоторое подобие понятий «Город» и «Человек». Чем может быть обусловлено такое, на первый взгляд, неожиданное структурирование действительности, которое находит широкое подтверждение в традициях словоупотребления, с каких аксиологических установок оно осуществляется? Кроме того, в современном мире жизнь в городе для миллионов людей – это повседневность и привычка; тем интереснее постичь ее как специфический вид знакового взаимодействия, представить ее как текст, открытый для интерпретации в синхронической и диахронической перспективе. Таким образом, в статье попутно ставится вопрос о том, что может привести в урбанистику филологическая наука, в частности когнитивная лингвистика в ее семиотическом измерении.

Итак, метафора, безусловно, несет в себе нарушение правил, которыми ограничивается сочетаемость, поскольку метафорическое определяемое и определяющее принадлежат к разным семантическим классам [Арутюнова, 1998. С. 281, 323]. Согласно, А. Е. Бочкареву, понимание метафорического выражения, т. е. устранение эффекта языковой аномалии, предполагает нейтрализацию или погашение в сопологаемых семемах несовместимых признаков и актуализацию признаков общих [2003. С. 92]. Благодаря последней операции в реконструируемый свертхтекст привносятся новые семантические компоненты. Наконец, стандартными метафорическими отношениями описываются стратегии развертывания свертхтекста в реальные тексты.

Метафора организма соотносится с глобальной онтологической метафорой, в соответствии с которой неодушевленные предметы представляются как живые существа. Метафора организма также будет частным случаем корневой метафоры системы³, поскольку одной из классификаций систем является их разделение на неорганические и живые. Соответственно, метафора «город-как-организм» предполагает, что город-как-система есть нечто большее, чем арифметическая сумма образующих его компонентов, что он обладает собственной целью (выживание, рост) и развивается эволюционно. Согласно данной парадигме особенности сообщества проживающих в городе людей не являются следствием намеренных действий и мотивов. Поэтому в рамках данной парадигмы любые преобразования теряют смысл. Действия жителей города определяются исключительно закономерностями и потребностями существования самого города. Ему и только ему принадлежит статус агенса – как в следующих контекстах: «This City now doth like a garment wear / The beauty of the morning; silent, bare» (Wordsworth, 1802); «The seventh day this; the jubilee of man. / London! right well thou know'st the day of prayer: / Then thy spruce citizen, wash'd artisan, / And smug apprentice gulp their weekly air» (Byron, 1994 (1818)); «And to witness the passing of this Age, London – its pet and fancy – was pouring forth her citizens through every gate into Hyde Park» (Galsworthy, 1920).

В соответствии с метафорой «город-как-организм» Лондон может быть представлен как гигантский увеличивающийся нарост, как бездушный молох – страшная, разрушающая сила, как ненасытное чудовище, поглощающее всех и вся. Таким образом, семема 'London' приобретает социально нормированный пейоративный признак /прожорливый/: «voracious London» (Ackroyd, 2000. P. 301). Реализации видов описываемой метафоры представлены в следующих контекстах: «London, the Metropolis of Great Britain, has been complained of, for Ages past, as a kind of Monster, with a head enormously large, and out of all proportion to its Body» (Tucker, Josiah. A Brief Essay on the Advantages and Disadvantages, which Respectively Attend France and Great Britain (1749)). Cit. ex: [Arnold, 1999. P. 1]; «...he saw the sky glowing with that orange which is the city's reflected light. It was like a monstrous living furnace, burning and turning, destroying everything which it touched» (Ackroyd, 1984. P. 155–156); «But this Capital City

³ Метафора системы развивалась и претерпевала изменения. Существенное воздействие на ее эволюцию оказала концепция открытых систем, сформированная в середине XX в. Л. Берталлафи. Если раньше город трактовался как закрытая система (концепт «town»), то сегодня он описывается в качестве открытой системы, находящейся в состоянии подвижного равновесия (смысловые компоненты «diffused boundaries», «sprawl»).

of the World of Affliction is still the Capitol of Darknesse <...>: still in the Centre are no proper Streets nor Houses but a Wilderness of dirty rotten Sheds, allways tumbling or takeing Fire, with winding crooked passages, lakes of Mire and rills of stinking Mud, as befits the smokey grove of Moloch. (I have heard of that Gentleman, says Nat all a quiver)» (Ackroyd, 1985); «The fog had lifted by the time we came home; it was late in the evening, and I knew that we were approaching London from the diffused red light in the sky which blotted out all the stars. It was as if we were returning to a furnace» (Ackroyd, 1993. P. 35); «the monstrous spread of the city» (Donald, 1999. P. 49); «... it [London] has commonly been portrayed in monstrous form, a swollen and dropsical giant which kills more than it breeds. Its head is too large, out of proportion to the other members; its face and hands have also grown monstrous, irregular and “out of all Shape”» (Ackroyd, 2000. P. 2).

В эссе «Лондон» из серии путевых заметок «English Hours» Г. Джеймса Лондон концептуализируется как могучая великанша-людоедка, которая пожирает всех без разбора: «London is so clumsy and so brutal, and has gathered together so many of the darkest sides of life, that <...> she is like a mighty ogress who devours human flesh; <...> she fills her maw. <...> She has no time for fine discriminations, <...> she gobbles you up» (James, 1888. P. 24); «She heeds little what she takes, so long as she has her stint, and the smallest push to the right or the left will divert her wavering bulk from one form of prey to another» (James, 1888. P. 27).

Метафора «город-как-организм» также предполагает сравнение города с человеческим телом, его персонификацию. Это вполне понятно, поскольку, известно, что структуры, используемые для построения нашей концептуальной системы, основаны на нашем телесном опыте, а сама система построена на восприятии, движении и физическом опыте [Lakoff, 1987].

Так, в «Повести о Платоне» П. Акройда жители претендующего на идеал Лондона будущего заявляют: «Here we are all one city. We are the limbs of London. We are a common body» (Ackroyd, 1999). Город здесь также олицетворяет коллективное сознание всех его жителей.

В России о возможности сравнения города с человеческим телом впервые заговорил выдающийся историк, культуролог и урбанист Н. П. Анциферов, который рассматривал город как сложный социальный механизм. Он предложил выделить три ключевых элемента города, которыми определяются три подхода к его исследованию как единого целого: анатомию, физиологию и психологию, или душу городского организма. Согласно исследователю, анатомия города – это его физическая природа; физиология – пульсация города всеми своими органами, проявляющаяся в деятельности общества; душа же города – это единство всех его элементов, которые сформировались исторически и составляют индивидуальный, уникальный городской организм [Анциферов, 1925. С. 22–24]. Анциферов призывает познать свой город, чтобы понять социальную среду и самого себя [Там же. С. 31].

Русский архитектор и автор ряда трудов по градостроительству М. Г. Диканский рассматривал городские улицы, площади, рынки, пути сообщения как составляющие единого городского организма. В деловом центре он слышал его сердце, в движении толпы видел его циркуляционную систему, в электрических проводах и телефонных линиях – систему нервную, а в административном центре – разум, отвечающий за действия. Душу же города он зрил в стремлениях и чувствах граждан [Диканский, 1926]. Таким образом, город, согласно указанным исследователям, представляет собой адекватную модель для изучения человека и наоборот.

Американский социолог П. Солери, тем не менее, выделяет ряд отличий города-как-организма от биологического организма: (i) у города бесконечное множество мыслительных, мозговых центров (жители города), которые не статичны в том смысле, что они постоянно объединяются в различные группы; (ii) мыслительно-организующие процессы города-как-организма рассредоточены по физической оболочке города, являясь как бы «эпидермическими», а не централизованными и глубинными, как у живых организмов; (iii) если эпидермис живых организмов посылает импульсы мозгу, реагируя на внешние раздражители, то физическая оболочка города одновременно и сигнализирует о раздражителях (зачастую содержащихся в самой оболочке), и мыслит (через рассредоточенных по ней индивидов), и реагирует на раздражители [Soleri, 1971. P. 599]. Исследователем также отмечается, что можно представить себе некий абстрактный конструкт – централизованный мозг города, который, одна-

ко, не являет собой результат биологического развития, а сводится к «среднему арифметическому» составляющих его компонентов [Soleri, 1971. P. 600].

Принцип изучения города как организма модифицировался в бионическое направление, что составило основу концепции «бионического города», согласно которой законы построения города являются отражением формообразования живой природы. Согласно Ю. М. Лебедеву, бионический город обладает такими основными свойствами, как системность, динамичность, саморегуляция и совершенствование [1994. С. 177]. Каждый город в каком-то смысле ведет себя как живой организм: переживает период рождения, расцвета, дальнейшего стагнационного существования и угасания, т. е. эволюция города может передаваться с помощью метафоры роста. Этот процесс имеет свою, не всегда явно просматривающуюся, логику. Устойчивость города в качестве системы и способности его развития тем выше, чем больше социально значимых функций он способен реализовать.

Город являет собой организм и с точки зрения американских социологов-урбанистов, представляющих Чикагскую школу (Э. Берджес, Р. Парк). В их представлении, это «продукт естественных стихий, расширяющий свои границы совершенно независимо от пределов, которые ему навязываются в связи административными и политическими требованиями» [Парк, 2006. С. 12]; это социопространственный организм, характеризующийся стихийностью роста и развития.

С семантической точки зрения, персонификация неодушевленной сущности – Лондона – проявляется в сочетании лексемы «London», семема которой включает родовой ингерентный признак /неодушевленный/ с разнообразными предикатами и атрибутами, обозначающими человека, части его тела, осуществляемые им действия или его чувства и ощущения, т. е. предикатами и атрибутами, семемы которых включают признак /одушевленный/. При этом ингерентный, или присущий, признак /неодушевленный/ в составе семемы 'London' нейтрализуется, замещаясь на афферентный, или привходящий, наводимый, признак /одушевленный/, в результате чего не нарушаются семантические правила сочетаемости 'London' с указанными предикатами и атрибутами и город может выступать в качестве агенса.

Таким образом, улицы – это артерии Лондона, парки – его легкие, а лондонский шум подобен тому, как бьется человеческое сердце – как, например, в стихотворении английской поэтессы и романистки Эми Леви (1861–1889) «Солома под ногами» (*Straw in the Street*): «Here, where the pulses of London beat...» (Levy, 2012 (1882). P. 466).

В «Сонете, написанном на Вестминстерском мосту» У. Вордсворта мощное сердце Лондона, перед тем как проснуться, находится ранним утром в покое: «Dear God! the very houses seem asleep; / And all that mighty heart is lying still» (Wordsworth, 1802).

Лондон может рассматриваться как сердце Англии или (в прошлом) Британской империи. Лондонский Сити и расположенный в нем Английский банк могут концептуализоваться как сердце финансовой империи. Однако в современных условиях этот признак следует считать частично виртуализованным или погашенным: практически все крупнейшие банки и страховые компании в Лондоне, которые когда-то принадлежали английским семьям, были поглощены гигантскими финансовыми корпорациями из Германии или США. Лондонский Сити, некогда являвшийся бастионом английской экономической мощи, теперь находится в собственности иностранного капитала.

В предисловии к биографии Лондона П. Акройда (которое озаглавлено «The City as Body») находим следующий контекст: «The byways of the city resemble thin veins and its parks are like lungs. In the mist and rain of an urban autumn, the shining stones and cobbles of the older thoroughfares look as if they are bleeding» (Ackroyd, 2000. P. 1).

Внутренние конфликты, противоречия городской жизни ведут к тому, что, как человек, Лондон скорбит, мучается от боли и стонет, т. е. концептуализуется как страждущий город: «London doth mourn, Lambeth is quite forlorn / Trades cry, woe worth that ever they were born» (Nashe, 1590); «...London languishes and writhes in sickness and in pain, and turns its weary face to the wall, and moans in anguish» (Manby Smith, 1857); «that dolent city» (Thomson, 1874); «London, a body racked with fever, and choked by ashes» (Ackroyd, 2000. P. 2). В трех последних контекстах реализуется морбиальная метафора – образность, связанная с болезнями. Тем не менее, существовали и представления о Лондоне как о юноше, пышущем здоровьем и полном энергии: «London as a young man refreshed and risen from sleep» (Ackroyd, 2000.

Р. 2). Так, в образе британской столицы П. Акройд всегда подчеркивает ее юность и способность к бесконечному возрождению. В одном из своих интервью писатель заметил по этому поводу следующее: «Если бы Лондон был человеком, а не городом, то, я полагаю, он бы вечно был молодым. Впрочем, он таков и есть» [Акройд, 2009].

В стихотворении английского поэта, драматурга и писателя XX в. Мервина Пика «Лондон, 1941» о британской столице, пострадавшей после немецких бомбежек, говорится как о раненом человеке: «Half masonry, half pain; her head / From which the plaster breaks away / Like flesh from the rough bone, is turned / Upon a neck of stones; her eyes / Are lid-less windows of smashed glass, / <...> / Her breasts are crumbling brick... / <...> / Her rusted ribs like railings round her heart; / A figure of dry wounds – of winter wounds – / O mother of wounds; half masonry, half pain» (Peake, 2008. P. 167).

Наделение Лондона такими персонифицированными характеристиками осуществляется с позиции социально-нормированной или идиолектной оценочности говорящего. Чтобы истолковать, например, метафорическое выражение «London doth mourn», где интенционально предикат приписывается объекту, входящему в иной семантический класс (//одушевленный//⁴ vs //неодушевленный//, //человек// vs //город//), необходимо, как указывалось выше, нейтрализовать несовместимые признаки и актуализовать какой-либо общий признак, т. е. идентифицировать и построить изотопию. Здесь возможно несколько интерпретаций:

(i) ‘London’ как его жители по метонимическому переносу, что подразумевает сему /одушевленный/;

(ii) ‘mourn’ \subset^5 инг. /sad/ \rightarrow ⁶ /dreary/ с виртуализацией признака /одушевленный/, т. е. последовательность «London doth mourn» можно прочесть как «London looks dreary», что согласуется с правым контекстом строки («Lambeth is quite forlorn»), который также не содержит признака /одушевленный/;

(iii) учитывая более широкий контекст – название стихотворения «Autumn», – можно актуализовать сквозную метафору «дождь-слезы»: ‘Autumn’ \subset афф. /rain/; ‘mourn’ \subset афф. /tears/ \rightarrow /rain/ с виртуализацией признака /одушевленный/ (или «London mourns» \rightarrow «London cries» с виртуализацией признака /неодушевленный/ в ‘London’); (trades) ‘cry’ \subset инг. /tears/. Таким образом, синтагмы «London doth mourn» и «trades cry» находятся в отношениях параллелизма.

В английской языковой традиции Лондон нередко концептуализируется как объект, имеющий женское, зачастую материнское начало: «Pryncesse of townes, of pleasure, and of joy» (Dunbar, 1501); «...her enormous magnitude – the wonderful city <...>, ancient and gigantic»; «London / Used to wear her lights splendidly / Flinging her shawl-fringe over the River» (Lawrence, 2012 (1918). P. 507) (курсив мой. – А. С.)⁷. Как отмечает В. Н. Топоров, это обусловлено, во-первых, мифологическим представлением о неразрывной связи женского детородного начала с организованным пространством, в котором все наличествующее видится в качестве порождения этого начала, и, во-вторых, соотносением образов женщины и города и мифологической концепцией брака Неба и Земли и сопутствующих божественных персонажей [Топоров, 1987. С. 125]. Соответственно, использование «материнской» метафоры в отношении Лондона имеет глубокие корни в английской литературной традиции.

Так, английский поэт елизаветинской эпохи Эдмунд Спенсер называет Лондон в свадебной оде «Проталамион» кормилицей, давшей ему жизненные силы: «my London, my most kyndly nurse, / That to me gave this lifes first native source» (Spenser, 1596). В трактате же английского историка Джона Стоу «A Survey of London. Conteyning the Originall, Antiquity, Increase, Moderne estate and description of that City» (1598) Лондон обозначается как «my native Mother and Countrey» (Stow, 1908. P. xcviij). Наибольшую эмоциональную силу описываемая

⁴ Условное обозначение таксемы как это принято в интерпретирующей семантике Ф. Растье [Растье, 2001. С. 367]. Таксема понимается как минимальный класс семем в языке, внутри которого определяются видовые семы, а также общая родовая сема.

⁵ Символ вхождения семы в состав семемы.

⁶ Символ перезаписи семантического содержания по метафорическому переносу.

⁷ Темза, напротив, концептуализируется как объект, имеющий мужское начало: «The river [Thames] glideth at his own sweet will» (Wordsworth, 1802); «the dusky bosom of old Father Thames puts on a light grey mantle» (Manby Smith, 1857).

метафора получает в литературных произведениях, ставших откликами на Великий лондонский пожар. В трактате «*Vox Civitatis: or, London's Call to her Natural and Adopted Children; Exciting them to her Speedy Reedification*» (1666) английский памфлетист Роже Лестранж (Roger L'Estrange) с горечью называет Лондон «*the sad Mother <...> burnt by the raging Fire almost to th'ground*». Начиная с восемнадцатого века все большее распространение получают описания Лондона как прародительницы («*progenitrix*», «*common ancestress*», «*Mother London*») английского народа, как средоточия национального самосознания.

К ключевым вербализациям лондонского текста времен Британской империи относятся построения с лексемой «*metropolis*» (от др.-греч. μητρό-πολις «*the mother city or parent state of a colony*» [OEDHP, 2009]), в которых Лондон предстает не только как главный город метрополии, но и как прародительница, «*мать-город*».

Образ города-прародительницы может ассоциироваться не только с максимальным женским плодородием и полнотой возможностей, но и с падением или разрушением, поскольку, как отмечает В. Н. Топоров, сопутствующим знаком полноты, помещенной в обесмысливающий контекст, становятся блуд и разврат. Согласно исследователю, богатство всем значит богатство никому, а неограниченная расточительность ведет не к благу, а к смерти [Топоров, 1987. С. 129]. Соответственно, возникает метафора города-блудницы, который не блюдет своей целостности и приближает свое падение. Данная метафора актуализуется, в частности, в сравнениях Лондона с Вавилоном. Так, говоря о худших сторонах жизни в английской столице и ссылаясь на 17 главу Откровения Иоанна Богослова, американский социолог Кеннет Боулдинг отмечает, что Лондон – это Вавилон, жена, облеченная в порфиру и багряницу: «*London is <...> Babylon, the scarlet woman*» [Boulding, 1971. P. 529].

Город, опустошенный за свои грехи, вызывает ассоциации с вдовством – опять же в рамках воспроизведения библейского культурного кода: «*How doth the city sit solitary, that was full of people! how is she become as a widow! she that was great among the nations <...> She weepeth sore in the night*» (Lamentations of Jeremiah 1:1-2).

Итак, в английской языковой традиции Лондон может концептуализоваться как мать или прародительница английского народа, как город-блудница и как город-вдова. Эти разновидности «женской» метафоры основаны на мифологическом и библейском культурных кодах, и ими обеспечиваются другие метафорические построения в структуре лондонского текста, такие как «*Лондон-вся Англия*» и «*Лондон-весь мир*», а также «*Лондон-пустыня*» и «*Лондон-ад*».

Возвращаясь к собственно метафоре организма, нельзя не отметить монументальный труд о британской столице Питера Акройда «*Лондон: биография*» (*London. The Biography*, 2000). Выбрав такое название для своей книги, английский писатель впервые в истории литературы эксплицитно сделал город предметом жизнеописания. С самого начала книги Лондон обозначается как живое существо, и эта метафора организма неоднократно поддерживается в ходе изложения. Как отмечает влиятельный английский журналист П. Престон в рецензии на труд Акройда, «*Лондон слишком разнообразен, и он не поддастся бы определению, если бы не был наделен получеловеческим характером*» [Preston, 2000] (перевод мой. – А. С.). Акرويد представляет историю британской столицы как эволюцию живого организма. Так, Лондон погружается в удовольствия и пороки (раздел «*Voracious London*», глава «*Violent London*»), переживает болезни (раздел «*Pestilence and Flame*») и вновь возрождается («*Resurgam*»). В представлении писателя, Лондон бесконечен и бессмертен: «*One of the permanent, and most striking, characteristics of London lies in its capacity to rejuvenate itself. It might be compared to some organism which sloughs off its old skin, or texture, in order to live again*» (Ackroyd, 2000. P. 721).

Выводы

Текст может соответствовать критерию воспроизводимости, необходимому для его выделения в качестве языковой единицы: воссоздается не какая-то конкретная оболочка (хотя это тоже может иметь место), а общая семантическая структура. Сверхтекст – это эмический текст, являющий собой семантический инвариант для группы текстов сходной тематики (связанной в нашем случае с британской столицей). Культура при таком подходе понимается

как система сверткестов и описывается как набор функций, которые обслуживаются текстами.

Сверткест разворачивается, как предложение в генеративной грамматике, с прохождением иерархии уровней: от исходной абстракции до конкретной реализации. Выделение сверткестов основывается на суперсегментности текстовых характеристик (в первую очередь смысловых), которые распространяются на последовательности элементов разной протяженности.

Текст без сверткестур не будет осмысленным, поскольку не будет соотноситься со структурированной концептосферой социума.

Выделение ключевых метафор в формировании лондонского текста позволяет – в рамках представления его как многомерного конструкта – актуализовать его неочевидные измерения.

Хотя реализации лондонского текста бесконечно разнообразны, они, тем не менее, могут быть сведены к достаточно регулярному набору метафорических уподоблений, характеризующих город как элемент организации человеком мира вокруг него.

Один из самых распространенных видов метафорического переноса заключается в приравнивании неодушевленного предмета или явления к человеческому существу (антропоморфизм), а также смежное с этим уподобление такой сущности одушевленному агенту (анимизм). В соответствии с этой глобальной онтологической метафорой ментальная сущность «London» (и соответствующий ей текст) структурируется как организм и может наделяться такими сугубо человеческими характеристиками, как воля, стремление к достижению конкретной цели, психическое состояние, чувство, страдание и пр. Действительно, представление о человеке выступает для многих языковых явлений в качестве естественной точки отсчета.

В рамках понимания лондонского текста как семантического единства было предложено семантическое обоснование метафор, поскольку построения типа «London mourns» могут выглядеть как противоречащие правилам ограничений на сочетаемость в силу того, что они содержат несовместимые семы, что на когнитивно-концептуальном уровне приводит к логической «нестыковке» понятийных областей. Соответственно, чтобы интерпретировать метафорические выражения, в которых предикат присоединяется к объекту, входящему в другой семантический класс (//одушевленный// vs //неодушевленный//, //человек// vs //город//), необходимо было, в первую очередь, «погасить», нейтрализовать несовместимые признаки и далее актуализовать признаки общие, т. е. обеспечить изотопичность или связность прочтения. Это позволило, во-первых, выявить новые, неочевидные компоненты смысла в составе лондонского текста и, во-вторых, описать сам процесс их привнесения в его структуру.

На когнитивно-концептуальном уровне метафорические реализации лондонского текста являются следствием проекции одной понятийной области на другую или так называемого концептуального слияния.

В английской языковой традиции Лондон может концептуализоваться как объект, имеющий женское, зачастую материнское, начало, что связано с концептуализацией города вообще как объекта «женского рода» и восприятием Лондона как прародительницы английского народа, средоточия национальной идентичности. Отсюда такие реализации, как «her [London's] enormous magnitude», «mother London», «progenitrix».

Принципиальными для метафорического структурирования лондонского текста оказались не «бытийные» факты как таковые, а отношение к ним в виде ценностных суждений, содержащихся в его реализациях. Действительно, выражение «London, the sad Mother» ложно с точки зрения референции к «онтологически реальному» миру; однако оно истинно в возможном мире автора литературного текста, из которого взято, и отражает социально-нормированное отношение к британской столице.

Преобладание компонентов с негативной оценочностью в корпусе признаков лондонского текста, выделенных в ходе исследования метафоры организма, связывается с той закономерностью концептуализации действительности, что отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые рассматриваются как естественные, нормальные.

Изучение метафор, участвующих в построении лондонского текста, позволило особо выделить его аксиологическую ценность для представителей английского социума: объект лондонского текста являет собой важнейшую составляющую «английскости», весьма часто концептуализируясь как аналогия английского человека и его сознания. Такое представление о британской столице оказывается важнейшим ориентиром в сознании индивида: это результат и непосредственного ощущения, и памяти о прошлом опыте; оно равно имеет значение как для осмысления информации, так и для руководства действиями.

Список литературы

Акройд П. Не верю в утрату доминирующего положения английской культуры // Частный корреспондент. 2009. 21 мая. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=6626> (дата обращения 15.03.2018).

Анциферов Н. П. Пути постижения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1925. 228 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.

Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. 200 с.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Диканский М. Г. Проблемы современных городов: Движение в больших городах. Кризис жилища. М.: Вопросы труда, 1926. 91 с.

Лебедев Ю. М. Бионика и города будущего // Город и время: Сб. ст. М., 1994. С. 169–182.

Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 11–18.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с фр., примеч., предметно-именной указатель А. Е. Бочкарева. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. 367 с.

Соснин А. В. Лондонский текст как когнитивно-семиотический конструкт // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 53–57.

Соснин А. В. Апология литературного канона в лингвистическом исследовании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6, ч. 1. С. 412–419.

Соснин А. В. Текстема как языковая единица и сверхтекстовый конструкт // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сб. материалов Всерос. науч. конф. «Скребневские чтения». Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2016. С. 170–180.

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста: Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

OEDHP – Oxford English Dictionary on Historical Principles on CD-ROM / Ed. by A. M. Hughes. Oxford University Press, 2009.

Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York: Harcourt Brace & Company, 1994. 578 p.

Boulding K. The Death of the City: A Frightened Look at Postcivilization // The City: American Experience. Oxford University Press, 1971. P. 529–538.

Harweg R. Pronomina und Textkonstitution [Beiheft zu Poetica 2]. München, 1968. 392 S.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Preston P. Love Letter to London. Peter Ackroyd Anatomises the Will of an Unruly Capital in London: the Biography // The Observer. 8 October, 2000. URL: <http://www.theguardian.com/books/2000/oct/08/biography.history> (дата обращения 15.03.2018).

Soleri P. The City in the Image of Man // The City: American Experience. Oxford University Press, 1971. P. 589–600.

Список источников

Ackroyd P. The Great Fire of London. Abacus, 1984. 169 p.

Ackroyd P. Hawksmoor. London: Hamish Hamilton, 1985. 320 p. URL: http://www.e-reading.club/txt.php/89204/Ackroyd_-_Hawksmoor.txt (дата обращения 15.03.2018).

- Ackroyd P.* The House of Doctor Dee. London: Hamish Hamilton, 1993. 288 p.
- Ackroyd P.* The Plato Papers. 1999. URL: <http://www.omegalib.com/read/5a5d2a13d41c6fbaa5d39ae4e2fa54b1.html?ext=txt> (дата обращения 15.03.2018).
- Arnold D.* Editor's Introduction // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750–1950. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 1–5.
- Ackroyd P.* London. The Biography. London: Vintage, 2000. 822 p.
- Byron G.* Childe Harold's Pilgrimage // The Collected Poems of Lord Byron. Wordsworth Poetry Library, 1994 [first published 1818]. P. 174–244.
- Donald D.* Beastly Sights of London, c. 1820–1850 // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750–1950. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 48–78.
- Dunbar W.* To the City of London (ca. 1501). URL: <http://eir.library.utoronto.ca/rpo/display/poet109.html> (дата обращения 15.03.2018).
- Galsworthy J.* In Chancery. 1920. URL: <http://www.classicreader.com/read.php/sid.1/bookid.1839/sec.38/> (дата обращения 15.03.2018).
- James H.* English Hours // London (1888). London: William Heinemann, 1905. P. 1–43.
- Levy A.* Straw in the Street // London: A History in Verse. Cambridge Mass.; London: The Belknap Press, 2012. P. 466.
- Lawrence D. H.* Town in 1917 // London: A History in Verse. Cambridge Mass.; London: The Belknap Press, 2012 (first published 1918). P. 507.
- Manby Smith Ch.* The Little World of London: Or, Pictures in Little of London Life. 1857. URL: https://archive.org/stream/littleworldlond00smitgoog/littleworldlond00smitgoog_djvu.txt (дата обращения 15.03.2018).
- Nashe T.* Autumn (ca. 1590). URL: <http://www.theotherpages.org/poems/nashe01.html> (дата обращения 15.03.2018).
- Peake M.* London, 1941 (1941) // Collected Poems. Carcanet Press Ltd., 2008. P. 167.
- Spenser E.* Prothalamion: or, A Spousall Verse // The Poetical Works of Edmund Spenser. 1596. Vol. 5. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/10602/pg10602.txt> (дата обращения 15.03.2018).
- Stow J.* A Survay of London. Conteyning the Originall, Antiquity, Increase, Moderne estate and description of that City (1598) / Introduction and notes by Ch. L. Kingsford. Vol. 1. Oxford at the Clarendon Press, 1908. 352 p.
- Thomson J.* The City of Dreadful Night. 1874. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1238/pg1238.txt> (дата обращения 15.03.2018).
- Wordsworth W.* Composed Upon Westminster Bridge, September 3, 1802 // The Poetical Works. 1802. Vol. 2. URL: <http://www.gutenberg.org/etext/12145> (дата обращения 15.03.2018).

Материал поступил в редколлегию 22.03.2018

Alexey V. Sosnin

*National Research University – Higher School of Economics
25/12 Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhniy Novgorod, 603155, Russian Federation*

alexsosnin@mail.ru

**THE ORGANISM METAPHOR
AS A KEY ONE IN THE FORMATION OF THE LONDON TEXT
OF THE ENGLISH LANGUAGE AND LITERATURE**

The article examines the organismic metaphor and its derivatives within the London text of the English language and literature (i.e. the invariant textual entity for a group of texts thematically related to the British capital). The article considers the metaphors chiefly from the semantic viewpoint, and explicates why the sememe *London* can be combined with predicates and attributes containing the seme *Animate*, which seems to be incompatible with it. Such an analysis permits actualising a non-obvious dimension of London text – structuring the city as an organism, and pri-

marily the anthropomorphous one. The research cited in the article has been carried out at the junction of the cognitive and semiotic approaches, according to which socially significant mental entities are examined via a semantic analysis of corresponding supertexts. The article draws on the literary canon of New English, a study into which has revealed continuity in the metaphors and the means of their linguistic expression that have been used by the English-speaking community to reflect and structure reality. The article thus postulates the relative stability of London text as a supertextual entity.

Keywords: organism metaphor, London text, supertext, interpretative semantics, English literary canon.

References

- Ackroyd P. *Hawksmoor*. London, Hamish Hamilton, 1985, 320 p. URL: http://www.e-reading.club/txt.php/89204/Ackroyd_-_Hawksmoor.txt (accessed: 15.03.2018).
- Ackroyd P. *London. The Biography*. London, Vintage, 2000, 822 p.
- Ackroyd P. *The Great Fire of London*. Abacus, 1984, 169 p.
- Ackroyd P. *The Plato Papers*. 1999. URL: <http://www.omegalib.com/read/5a5d2a13d41c6fbaa5d39ae4e2fa54b1.html?ext=txt> (accessed: 15.03.2018).
- Ackroyd P. *The House of Doctor Dee*. London, Hamish Hamilton, 1993, 288 p.
- Ackroyd P. Ne veryu v utratu dominiruyushchego polozheniya angliyskoy kul'tury [I do not believe in the loss of the domineering position of British culture]. *Chastnyy correspondent [Private Correspondent]*, 21 May, 2009. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=6626> (accessed: 15.03.2018). (in Russ.)
- Antsiferov N. P. Puti postizheniya goroda kak sotsial'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podkhoda [Ways to conceptualise the city as a social organism. An instance of integrative approach]. Leningrad, 1925, 228 p. (in Russ.)
- Arnold D. Editor's Introduction. *The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750–1950*. Oxford, Blackwell Publishers, 1999, p. 1–5.
- Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, Shkola Yazyki russkoy kul'tury, 1998, 895 p. (in Russ.)
- Bloom H. *The Western Canon: The Books and School of the Ages*. New York, Harcourt Brace & Company, 1994, 578 p.
- Bochkarev A. E. *Semanticheskii slovar'* [Semantic Glossary]. N. Novgorod, DEKOM, 2003, 200 p. (in Russ.)
- Boulding K. *The Death of the City: A Frightened Look at Postcivilization*. The City: American Experience. Oxford University Press, 1971, p. 529–538.
- Byron G. *Childe Harold's Pilgrimage*. The Collected Poems of Lord Byron. Wordsworth Poetry Library, 1994 [first published 1818] Pp. 174–244.
- Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a variety of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 1994, no. 4, p. 17–33. (in Russ.)
- Dikanskiy M. G. Problemy sovremennykh gorodov: Dvizhenie v bol'shikh gorodakh. Krizis zhilishcha [Problems of modern cities: Traffic in big cities. Dwelling crisis]. Moscow, Voprosy truda, 1926, 91 p. (in Russ.)
- Donald D. *Beastly Sights of London, c. 1820–1850*. The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750–1950. Oxford, Blackwell Publishers, 1999, p. 48–78.
- Dunbar W. *To the City of London (ca. 1501)*. URL: <http://eir.library.utoronto.ca/rpo/display/poet109.html> (accessed: 15.03.2018).
- Galsworthy J. *In Chancery*. 1920. URL: <http://www.classicreader.com/read.php/sid.1/bookid.1839/sec.38/> (accessed: 15.03.2018).
- Harweg R. *Pronomina und Textkonstitution [Beiheft zu Poetica 2]*. München, 1968, 392 S.
- James H. *English Hours*. London (1888). London, William Heinemann, 1905, p. 1–43.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. The University of Chicago Press, 1987, 614 p.

Lawrence D. H. Town in 1917. London: A History in Verse. Cambridge Mass., London, The Belknap Press, 2012 (first published 1918), p. 507.

Lebedev Yu. M. Bionika i goroda budushchego [Bionics and cities of the future]. *Gorod i vremya* [The city and time]. A collection of articles. Moscow, 1994, p. 169–182. (in Russ.)

Levy A. Straw in the Street. London: A History in Verse. Cambridge Mass., London, The Belknap Press, 2012, p. 466.

Manby Smith Ch. The Little World of London: Or, Pictures in Little of London Life, 1857. URL: https://archive.org/stream/littleworldlond00smitgoog/littleworldlond00smitgoog_djvu.txt (accessed: 15.03.2018).

Nashe T. Autumn (ca. 1590). URL: <http://www.theotherpages.org/poems/nashe01.html> (accessed: 15.03.2018).

Oxford English Dictionary on Historical Principles on CD-ROM. Ed. by A. M. Hughes. Oxford University Press, 2009.

Park R. E. Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moral'nyy porjadok [City community as spatial arrangement and moral order]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2006, vol. 5, no. 1, p. 11–18. (in Russ.)

Peake M. London, 1941. Collected Poems. Carcanet Press Ltd., 2008, p. 167.

Preston P. Love Letter to London. Peter Ackroyd Anatomises the Will of an Unruly Capital in London: the Biography. The Observer. 8 October, 2000. URL: <http://www.theguardian.com/books/2000/oct/08/biography.history> (accessed: 15.03.2018).

Rast'e F. Interpretiruyushchaya semantika [Interpretative semantics]. Transl. from France A. E. Bochkareva. N. Novgorod, DEKOM, 2001, 367 p. (in Russ.)

Soleri P. The City in the Image of Man. The City: American Experience. Oxford University Press, 1971, p. 589–600.

Sosnin A. V. Apologiya literaturnogo kanona v lingvisticheskom issledovanii [An apology of the literary canon in a linguistic study]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Ideas], 2015, vol. 7, no. 6, pt 1, p. 412–419. (in Russ.)

Sosnin A. V. Londonskiy tekst kak kognitivno-semioticheskiy konstrukt [London text as a cognitive and semiotic construct]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2014, no. 4, p. 53–57.

Sosnin A. V. Tekstema kak yazykovaya edinitsa i sverkhstekstovyy konstrukt [Texteme as a language unit and supertextual construct]. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoy rechi* [Theory and Practice of Linguistic Description of Speech]. Proceedings of the All-Russian Conference Skrebnev Readings held on 26 Oct. 2016. N. Novgorod, NGLU Press, 2016, p. 170–180. (in Russ.)

Spenser E. Prothalamion: or, A Spousall Verse. The Poetical Works of Edmund Spenser. 1596, vol. 5. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/10602/pg10602.txt> (accessed: 15.03.2018).

Stow J. A Survay of London. Conteyning the Originall, Antiquity, Increase, Moderne estate and description of that City (1598). Introduction and notes by Ch. L. Kingsford. Oxford at the Clarendon Press, 1908, vol. 1, 352 p.

Thomson J. The City of Dreadful Night. 1874. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1238/pg1238.txt> (accessed: 15.03.2018).

Toporov V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte [Text of city-maiden and city-whore from mythological standpoint]. *Issledovaniya po strukture teksta* [Studies into text structure]. A Collection of articles. Moscow, Nauka, 1987, p. 121–132. (in Russ.)

Wordsworth W. Composed Upon Westminster Bridge, September 3, 1802. *The Poetical Works*, 1802, vol. 2. URL: <http://www.gutenberg.org/etext/12145> (accessed: 15.03.2018).

For citation:

Sosnin Alexey V. The Organism Metaphor as a Key One in the Formation of the London Text of the English Language and Literature. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 101–112. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-101-112

А. Л. Сопина

*Санкт-Петербургский электротехнический университет
ул. Профессора Попова, 5, Санкт-Петербург, 197101, Россия*

alsopina@etu.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Обсуждаются основные трактовки понятия «интертекстуальность», его широкое и узкое понимание. Положения теории интертекстуальности связываются с данными исследований психолингвистики, антропологии, философии и лингвокультурологии, посвященных вопросам мышления и коммуникации. Делается вывод о том, что интертекстуальность, которая обнаруживается в вербальных и невербальных текстах разных жанров, связана с базовыми особенностями человеческого мышления, а именно со способностью к идеации и стремлением к накоплению и передаче знаний. Высказывается предположение о необходимости дальнейшего изучения этого явления в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: интертекстуальность, диалог, полифонический роман, идеация, культурная трансмиссия.

На протяжении нескольких последних десятилетий продолжается дискуссия по вопросу определения понятия «интертекстуальность». В общем смысле интертекстуальность подразумевает межтекстовый диалог, однако до сих пор ученые не сошлись во мнении, каковы его границы. В зависимости от философских убеждений исследователей понятие интертекстуальности меняет значение от радикально широкого, при котором любой вербальный или невербальный текст считается продуктом интертекстуальности, до узкого, подразумевающего художественный прием использования одним автором цитат из литературных произведений другого. Идея интертекстуальности стала основой философского течения, популярного в 60–70-е гг. XX столетия, согласно которому всё является интертекстом в мире текстов, где сам человек, как и окружающая его действительность, представляется текстом, состоящим из мозаик цитат. Возможность столь расширенного определения понятий «текст» и «интертекстуальность» заставляет задуматься об их значении в коммуникации и мышлении человека. В настоящей статье делается попытка определить когнитивные основания интертекстуальности и то, насколько обоснованы широкое и узкое понимание этого термина. Для этого предлагается обратиться к истокам теории интертекстуальности, понятию диалогичности, а также данным исследований психолингвистики, антропологии, философии и лингвокультурологии, посвященных вопросам мышления и коммуникации.

Факт частых отсылок одних текстов к другим давно привлекал внимание исследователей. На полях Библии, например, комментаторы отмечали места повторов слов и мыслей в Евангелиях и других книгах Священного Писания, и сопоставление контекстов при чтении давало новые более глубокие смыслы. Д. С. Лихачев считает, что переносы образов, мыслей, отдельных частей из одного произведения в другое, создание новых произведений на новые сюжеты на основе предшествующих в древнерусской литературе были постоянны. Летописцы, например, всегда стремились пополнить свою летопись за счет работы других лето-

писцев, создавая летописные своды. Принцип диалога произведений был давно введен в герменевтику, о нем писали В. Гумбольдт и впоследствии Ф. Шлейермахер, но подробно разработан этот принцип не был. Сами межтекстовые связи, их виды, функции и механизм образования не являлись предметом научных исследований вплоть до первой трети XX в. За последние полвека было написано много работ, посвященных вопросу интертекстуальности. Также сделаны литературные обзоры по этой теме (см., например, [Ильин, 1996; Фатеева, 2000; Пьеге-Гро, 2008; Кремнева, 2014]). Для этой статьи интерес представляют идеи, оказавшие наибольшее влияние на эволюцию теории и являющиеся дискуссионными. Их предлагается рассмотреть в свете современных теорий о природе мышления человека.

В конце 1920-х гг. в работе «Проблемы творчества Достоевского» М. М. Бахтин пишет об уникальном качестве письма Достоевского. По мнению М. М. Бахтина, Достоевскому удается представить в тексте «чужую личность, не делая ее лирической, не сливая с ней своего голоса», герой у Достоевского идеологически самостоятелен, он «не объект авторского слова, а полноценный и полноправный носитель собственного слова», которое вызывает на ответ [Бахтин, 2002. С. 9]. В этой работе М. М. Бахтин разрабатывает понятие диалогичности и полифонического романа, утверждая, что именно Достоевский является творцом этого нового жанра, который впервые смог по-настоящему раскрыть человека в тексте. Несмотря на то что диалогичность М. М. Бахтин называет чертой именно произведений Достоевского, в тексте работы можно найти и широкое понятие диалога: «Быть – значит общаться диалогически. <...> Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [Там же. С. 280]. В этом же труде М. М. Бахтин отмечает, что полифонический роман Достоевского не изолирован и имеет предшественников, но решение исторических вопросов в данной работе не находится в центре внимания.

В своих более поздних работах М. М. Бахтин говорит о том, что литература в целом по своей природе диалогична. Каждое высказывание в данном случае можно рассматривать как ответ на все предыдущие высказывания в определенной сфере: «...нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее). Даже прошлые, т. е. рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога» [1979. С. 373]. В 1960-х гг. в незаконченной работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», он размышляет о широте понятия «текст» и о том, какую роль он играет в сознании человека. Приведем следующие тезисы: «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления <...> человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный) <...> Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов <...> Если понимать текст широко – как всякий связный знаковый комплекс, то и искусствоведение (музыковедение, теория и история изобразительных искусств) имеет дело с текстами (произведениями искусства)» [Там же. С. 281–285]. Другими словами, мышление рассматривается в тесной связи с порождением текста. При этом не только вербальные, но и невербальные знаки являются текстом, средством самовыражения и поддержания контакта с окружающими. Учитываются и те знаки, которые никак не зафиксированы на бумаге или полотне: «...человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте твоего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [Там же. С. 286].

В работах Бахтина можно выделить две темы. Одна – анализ развития литературного творчества как отражения действительности и внутреннего мира человека, включая его речевое поведение и мыслительную деятельность. Вторая – наблюдения, касающиеся самого внутреннего мира человека, живого общения и его природы. Таким образом, можно определить две диалогичности: первая – общая характеристика сознания и коммуникации человека, вторая – литературный прием, языковое изображение этой ментальной характеристики. Литература в ходе развития проходит этапы становления от более простого, монологического повествования, к наиболее сложному диалогическому, подобно изображению в живописи, которое с развитием техник письма обретает иллюзию объема и реалистичность. Само же

общение человека и его мышление диалогичны по своей природе. Так, талант Достоевского, творца полифонического романа, состоит в умении изобразить человека и диалогичность сознания в тексте в полном объеме, сделать героя самостоятельным и живым, имеющим свой авторитетный голос. Поскольку диалог в мире человека повсеместен, М. М. Бахтин видит необходимость четко ограничивать рамки исследования: «нас будет интересовать только проблема словесных текстов» [1979. С. 282].

Понятие диалогичности оказалось основополагающим для генезиса понятия интертекстуальности. Ссылаясь на работы М. М. Бахтина, Ю. Кристева в 1960-е гг. заявляет, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста». Ю. Кристева выделяет три измерения текстового пространства, а именно: субъект письма, получатель и «внеположные» им тексты. По ее мнению, все три измерения находятся в состоянии диалога. Таким образом, в этой теории стирается граница между языком литературы, языком как средством общения и мышлением. Она отмечает, что «в поле зрения диалогического принципа попадает мыслительное пространство, неизмеримо более широкое, нежели пространство романа как такового» [Кристева, 2000. С. 454]. В то же время теоретики структурализма и постструктурализма (Греймас, Барт, Лакан, Фуко и др.) отождествляют сознание человека с письменным текстом, и человек, таким образом, представляется как сумма запечатленных в его сознании «текстов». Поэтому вопрос об оригинальности мысли больше не ставится, а интертекстуальность воспринимается как буквальное существование в других текстах – принцип «бесконечной интертекстуальности». Вместе со «смертью» индивидуального текста, который является лишь сочетанием явных или неявных цитат, объявляется «смерть» автора и «смерть» читателя. Как ёмко формулирует идею теоретиков И. П. Ильин, «...неизбежно цитатное сознание, которое столь же нестабильно и неопределенно, как безнадежны поиски источников цитат, составляющих его сознание» [1996. С. 226].

Такое прочтение диалогичности, интертекстуальности и текста вызвало критику многих исследователей. Д. Лодж, например, сравнивает эффект, произведенный идеями структурализма и постструктурализма на литературную критику, с землетрясением и последовавшим за ним цунами и утверждает, что он привел к идеологическому кризису [Lodge, 1990. P. 88]. М. В. Никитин убедительно доказывает несостоятельность максимы «мир есть текст». Максима, по мнению исследователя, строится на убеждении, что за любым значением стоит знак. Исходя из этого, знаком являются любые сущности, которые воспринимает субъект и которые актуализируют в сознании субъекта связанные с ним образы. Если принять вышесказанное, то получается, что прототипическая знаковая ситуация теряет свои основные условия, а именно наличие отправителя и намерения. Уподобление мира тексту, по его замечанию, – это не более чем метафора, которая отмечает некоторые важные признаки мира. Представление же о том, что мир и есть текст, – логически неверно [Никитин, 2007. С. 787–795]. Следует отметить, что такого же мнения придерживался и сам М. М. Бахтин: «Если за текстом не стоит язык, то это уже не текст, а естественно-натуральное (не знаковое) явление, например комплекс естественных криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости» [Бахтин, 1979. С. 281]. Для исследования текста важно то, что семиотическое определение текста создает трудности для лингвистического оперирования термином [Чернявская, 2014. С. 92].

В результате дискуссии некоторые ученые предложили отказаться от использования термина «интертекстуальность» в целом, обращая внимание на то, что с тех пор, как термин, предложенный Ю. Кристевой, вошел в научный дискурс и стал широко распространен, у него появилось слишком большое количество интерпретаций (см., например, [Irwin, 2004]).

Таким образом, наблюдаются трудности при определении границ интертекстуальности, а следовательно, при определении ее следов в тексте и рассмотрении возможности ее объективной интерпретации.

Сегодня, когда язык все чаще рассматривается в связи с когнитивными и психическими особенностями человека, становится очевидно, что в рассмотрении вопроса интертекстуальности требуется междисциплинарный подход, который учитывает результаты исследований таких областей, как психолингвистика, когнитивные науки и лингвокультурология.

Л. С. Выготский, делая выводы из анализа большого фактического материала, в труде «Мышление и речь» утверждает, что генетические истоки мышления и речи не совпадают и отличаются у человека и животного. В развитии ребенка, в отличие от животных, в определенный момент мышление становится речевым, а речь становится интеллектуальной, в то время как у антропоидов мышление и речь не являются связанными. Л. С. Выготский отделяет речь внешнюю от внутренней речи, а речевое мышление от интеллекта. По мнению ученого, развитие внутренней речи и речевого мышления – не просто продолжение речи и интеллекта, но переход из одного типа, биологического, в другой – общественно-социальный. К биологическому типу относятся «натуральные» формы мышления и речи, в той или иной степени обнаруживаемые у антропоидов. К общественно-историческому типу относятся речевое мышление и внутренняя речь. Последние отличны от первых целым рядом свойств и закономерностей [Выготский, 1934. С. 101].

Следует отметить, что одним из многочисленных видов диалогичности в литературе, по М. М. Бахтину, является «пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев».

Далее, Л. С. Выготский пишет, что отсутствие «идеации» принимается большинством исследователей за самую существенную черту отличия интеллекта шимпанзе от человеческого. Под «идеацией» понимается «оперирование следами неактуальных, отсутствующих стимулов». Ссылаясь на результаты исследований В. Кёлера, ученый отмечает: для того, чтобы интеллект шимпанзе начал функционировать, чтобы она прибегла, например, к употреблению нужного орудия, необходимо наличие легко обозримой, наглядной, оптически актуальной ситуации [Выготский, 1934. С. 84].

Эта мысль развивается в теории Ю. Н. Харари [Harari, 2014], согласно которому появление человека разумного связано с «когнитивной революцией». Она произошла 30–70 тысяч лет назад и позволила этому виду одолеть и пережить всех других подвидов рода Люди. «Когнитивная революция» состояла в генетической мутации, благодаря которой человек стал мыслить не так, как другие виды, и говорить на языке, которого не было у других животных. Важной чертой языка человека разумного стала направленность на передачу информации не об актуальном положении вещей в физическом мире (наличие / отсутствие пищи или хищников), а информации о самих людях. Как показывают исследования, и сегодня большая часть человеческой коммуникации включает в себя истории о том, как ведут себя другие, что помогает эффективно оценить, кто друг, а кто враг, с кем можно сотрудничать и по какому вопросу. Ю. Н. Харари, развивая свои идеи, утверждает, что способность человека действовать в больших группах, создавать города с миллионным населением и корпорации с тысячами сотрудников, основана на умении фантазировать, создавать вымысел (fiction).

Интересно, что для понятий «выдумка», «фантазия», «вымысел» и «художественная литература» в английском языке используется один термин – «fiction». Примечательно также, и что явление интертекстуальности было замечено и находилось в центре внимания в первую очередь литературных критиков и филологов. При этом даже в работах тех, кто рассматривает интертекстуальность прежде всего как характеристику художественного текста, затрагиваются вопросы сознания.

Ю. Н. Харари считает способность к «идеации» основополагающей в развитии цивилизации [Ibid.]. Именно благодаря существованию «вымысла» (fiction), созданию историй и их пересказу, незнакомые между собой люди могут успешно взаимодействовать для достижения общей цели. Современные государства, церковь, компании существуют благодаря общепринятым мифам и коллективному воображению. В объективной реальности, вне воображения человека, не существует законов, справедливости и прав, а деньги – это просто бумага.

Таким образом, по словам Ю. Н. Харари, после когнитивной революции человек разумный оказался в двойной действительности. С одной стороны, в реальном мире, где есть ресурсы в виде пресной воды, пищи и опасность в виде хищников, а с другой – в воображаемом, где есть боги, нации и корпорации.

Идея о том, что общение животных связано с сиюминутным положением дел и не направлено на решение задач вне актуальной ситуации, связана и с отсутствием у животных другой важной черты человеческого мышления – способности к накоплению знаний и их передаче: «...у них [шимпанзе] никто не находил традиционных орудий или методов, различных у раз-

ных народов и указывающих на передачу от поколения к поколению раз сделанных открытий. Никаких царапин на песчанике или глине, которые можно было бы принять за изображающий что-то рисунок или даже в игре нацарапанный орнамент. Никакого изображающего языка...» (цит. по: [Выготский, 1934. С. 42–43]). Последние многочисленные полевые исследования коммуникации животных (см., например, [Whiten et al., 1999]), в первую очередь приматов, показывают, что в их взаимодействии с миром в действительности гораздо больше общего с поведением человека, чем предполагалось ранее. Особенности культуры, такие как характерные способы использования орудий, манера ухаживаний и даже диалекты, можно найти у «разных народов» шимпанзе. Однако обнаружить «царапин на песчанике», т. е. знаков, предназначенных для будущих поколений, ученым все же пока не удалось.

В этой связи важными представляются результаты современных исследований палеоантропологии. В течение двух миллионов лет когнитивные способности человеческого рода ничем не отличались от способностей больших человекообразных обезьян. Особенности в когнитивном аппарате проявились лишь около 250 000 лет назад с появлением *Homo sapiens* [Tomasello et al., 1993]. В столь короткий срок такие глубокие изменения могли произойти благодаря не более чем одному уникальному биологическому механизму. По мнению М. Томаселло, этим механизмом является именно способность к передаче накопленных знаний, социальному и культурному обучению, то, что он называет «культурной трансмиссией» (cultural transmission). Иначе говоря, развитие когнитивных способностей человека связано с уникальным умением хранить и передавать знания. Культурное обучение (cultural learning) позволяет накапливать знания и коллективно их совершенствовать. За счет так называемого «эффекта храповика» (ratchet effect) новые знания прибавляются к существующим, и совершаются преобразования. Таким образом, обеспечивается процесс кумулятивной культурной эволюции [Ibid.]. Согласно гипотезе М. Томаселло, существующие когнитивные способности, присущие и другим видам (восприятие пространства и объектов в нём, социальное научение, коммуникация), у человека преобразовались в новые культурно и социально ориентированные когнитивные способности, направленные на передачу знаний.

В 1960-е гг. в результате экспериментальных исследований Ч. Хоккет выделил набор ключевых свойств языка человека, отличающих его от языка животных. Ученым были выделены 16 признаков, из которых сегодня основными среди исследователей, изучающих коммуникацию животных, считаются восемь [Резникова, 2004]: «двойственность» – наличие фонологической и грамматической организации, «семантическая» – присвоение определенного значения некоторому абстрактному символу, «продуктивность» – возможность создавать и понимать практически бесконечное число сообщений, «произвольность» – знаки часто не имеют внешне ничего общего с предметом или явлением, о котором идет речь, «взаимозаменяемость» – все особи вида могут в равной мере издавать и воспринимать сигналы, «специализация» – общение совершается с помощью специализированной системы коммуникации (человек, по-видимому, обладает максимально специализированной системой общения), а также «перемещаемость», т. е. предмет сообщения и его результаты могут быть удалены во времени и пространстве от источника сообщения, и «культурная преемственность» – способность передавать договоренность о смысле сигналов в череде поколений посредством культурной, а не генетической преемственности.

Последние два признака сходятся с упомянутыми выше заключениями о принципиальном отличии человеческого языка от языка животных в способности человека создавать вымысел, а также в том, что в отличие от шимпанзе (и, вероятно, других животных), человек использует систему знаков для передачи знаний от поколения к поколению.

В. П. Зинченко, анализируя теорию диалогичности М. М. Бахтина, отмечает, что, по мнению самого М. М. Бахтина, а также Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета, «утверждение диалогической природы сознания эквивалентно утверждению его культурно-исторической природы» [Зинченко, 2010. С. 78]. В этой связи В. П. Зинченко приводит слова В. Н. Волошинова: «Знак может возникнуть лишь на межиндивидуальной территории, причем эта территория не “природная” в непосредственном смысле этого слова... Необходимо, чтобы два индивида были социально-организованы» [Там же].

Идеи о роли вымысла в социуме находим и у культурологов, социологов и философов. П. Бурдьё, например, полагал, что структура общества и главным образом общественная

иерархия основана на знаниях индивида, позволяющих оценивать различные типы культурных отношений и культурных продуктов. Такое знание П. Бурдьё называет культурным капиталом (*cultural capital*). Образование позволяет достичь более высокого социального статуса за счет предоставления человеку информации, которая принята в качестве необходимой и важной в данном социуме. Понять произведение искусства может тот, кто обладает достаточным культурным капиталом, т. е. может понять культурное значение произведения. Таким образом, культурный капитал определяет положение человека в группе. В работе «*Language and Culture*» К. Крамш находим следующее утверждение: социальные и дискурсивные сообщества характеризуются не только фактами и артефактами, но и общими мечтами, реализованными и нереализованными представлениями. Таким образом, воображение – это важный слой культуры. Культурные представления хранятся в языке и передаются через язык. Так, Лондон неотделим в представлении его жителей от Шекспира и Диккенса [Kramsch, 1998]. Насколько такие представления устойчивы и как они меняются со временем – интересный вопрос.

Связь культуры и языка уже много лет исследуется отечественными лингвокультурологами. В теории, разработанной В. В. Красных и Д. Б. Гудковым, общие «представления», присущие всем членам одного культурного сообщества, составляют национальное культурное пространство (или когнитивное пространство). По мнению исследователей, в национальное культурное пространство входит определенным образом структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих либо конкретной языковой личности, либо тому или иному социуму. Оно «включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингвокультурного сообщества» [Брилева и др., 2004. С. 11]. В таком случае интертекстуальность обеспечивает взаимосвязь объектов национального культурного пространства (или когнитивного пространства). С одной стороны, частые повсеместные отсылки к произведениям прошлого или к актуальным в современном дискурсе новым текстам связаны с процессом категоризации, т. е. упорядочивания знаний. С другой стороны, они поддерживают национально-культурное пространство, общественные нормы и стереотипы.

Таким образом, интертекстуальность связана с базовыми особенностями человеческого мышления, обсуждаемыми в этой статье, а именно со способностью к идеации и созданию вымысла (*fiction*), которая обеспечивает возможность совместной деятельности людей внутри больших групп за счет формирования общего культурного пространства, а также способностью накапливать и коллективно совершенствовать знания. Как пишет И. В. Арнольд, главная функция интертекстуальности – создание диалогичности: диалога между цитирующим и цитируемым автором и между их эпохами и культурами [2010. С. 433].

Интертекстуальность в широком смысле как механизм связи текстов или нового и прошлого опыта, проявляется в частности в литературе (как и в других видах искусств, и в человеческой коммуникации в целом) в виде аллюзий, заимствований, пародий, разного рода комментариев и пр., но не ограничивается рамками художественного творчества. Узкое понимание интертекстуальности как литературного приема, следовательно, ограничивает материал исследования и обеспечивает термину операциональный смысл. Поэтому вопрос о границах интертекстуальности скорее является вопросом о границах дисциплин и объектов их исследований. Интертекстуальность в литературе, вероятно, имеет те же черты, что и интертекстуальность в кинематографе, а эксплицитная интертекстуальность (например, в виде цитат), возможно, имеет те же особенности, что и мельчайшие следы в текстах того или иного дискурса. Однако этот вопрос еще недостаточно изучен. Когнитивные процессы, определяющие интертекстуальность во всем ее объеме, еще предстоит выявить. Перспективными в этой связи представляются междисциплинарные исследования, например, в сфере когнитивной лингвистики, методы которой позволяют с помощью анализа языковых средств выражения интертекста делать выводы об особенностях мышления человека, и, наоборот, учитывая данные об особенностях мышления человека, находить объяснение языковым феноменам.

Список литературы

- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П. Е. Бухаркин. 2-е изд. М.: Либроком, 2010. 448 с.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования / Под ред. и со вступ. ст. В. Колбановского. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 324 с.
- Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 252 с.
- Кремнева А. В. Эволюция теории интертекстуальности в контексте меняющихся парадигм // Вестн. НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 54–63.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
- Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Учеб. пособие. 2-е изд. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
- Резникова Ж. И. Язык животных: подходы, результаты, перспективы... // Языки науки – языки искусства: Сб. тр. VII Междунар. конф. «Нелинейный мир». М.: Изд-во Ин-та компьютерных исследований, 2004. С. 260–278.
- Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. Вып. 1. 318 с.
- Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 267 с.
- Harari Y. Sapiens: A brief history of humankind. Signal, 2014. 368 p.
- Irwin W. Against Intertextuality // Philosophy and Literature. 2004. Vol. 28. No. 2. P. 227–242.
- Kramsch C. Language and culture. Oxford: Oxford University Press, 1998. 133 p.
- Lodge D. After Bakhtin, Essays on Fiction and Criticism. London: Routledge, 1990. 198 p.
- Tomasello M., Kruger A. C., Ratner H. H. Cultural Learning // Behavioral and Brain Science. 1993. Vol. 16. P. 495–552.
- Whiten A., Goodall J., McGrew W. C., Nishida T., Reynolds V., Sugiyama Y., Boesch C. Cultures in chimpanzees // Nature. 1999. Vol. 399 (6737). P. 682–685.

Материал поступил в редколлегию 10.03.2018

Alexandra L. Sopina

*Saint Petersburg Electrotechnical University
5 Professor Popov Str., Saint Petersburg, 197101, Russian Federation*

alsopina@etu.ru

COGNITIVE FOUNDATIONS OF INTERTEXTUALITY

The article discusses the main interpretations of the concept of intertextuality, its broad and narrow understanding. The narrow meaning of the term implies references to verbal pretexts within a certain verbal text or else a stylistic device used mainly in poetry, while a broader vision takes into account all sorts of interactions between texts both verbal and non-verbal. Literary critics and specialists in language studies commonly use the narrow meaning of the term. Bakhtin, however,

whose works are recognized as a basis for intertextuality theory, argued that human thought itself and communication are dialogic in their nature. To reveal cognitive foundations of intertextuality and to rationalize the variability in the meaning of the term, the article considers the provisions of the intertextuality theory in the context of modern studies in psycholinguistics, anthropology, philosophy and linguoculturology on thought and communication. The article argues that intertextuality, as it manifests itself in various forms in texts of different genres both verbal and non-verbal, is associated with some definitive features of human thinking, namely, the ability to create fictions and the desire to accumulate and transfer knowledge. Intertextuality may be an important tool used by humans to ensure cultural transmission and maintenance of norms and stereotypes. Therefore, the narrow understanding of the term does not fully reflect the nature of the phenomenon, but is useful for particular studies as an operational definition. The borders of the meaning are determined in the end by the borders of the disciplines that study the issue. For example, literary studies often count only references to verbal texts, while art historians consider both allusions to visual arts and literary works. The mechanisms involved in the process of referring to and recognizing previous verbal texts in new texts may be similar to the mechanisms of referring to and recognizing works of art. Explicit marked intertextuality may be similar to implicit unmarked one. The article suggests that further research on intertextuality within interdisciplinary studies, such as cognitive linguistics, may bring to light new facts about cognitive aspects of intertextuality, and therefore allow describing meaning construction in various cases of intertextual references.

Keywords: intertextuality, dialogue, fiction, cultural transmission, cultural space.

References

- Arnol'd I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Ed. by P. E. Bukharkin. 2nd ed. Moscow, Librokom, 2010, 448 p. (in Russ.)
- Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Sost. S. G. Bocharov, primech. S. S. Averintsev, S. G. Bocharov. Moscow, Iskusstvo, 1979, 423 p. (in Russ.)
- Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. *Bakhtin M. M. Collection of Works*. In 7 vols. Moscow, Russkie slovari: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, vol. 6, p. 7–300. (in Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Text linguistics: polycode, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, Direkt-Media, 2014, 267 p. (in Russ.)
- Fateeva N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov [Counterpoint of intertextuality, or intertext in the world of texts]. Moscow, Agar, 2000, 280 p. (in Russ.)
- Harari Y. Sapiens: A brief history of humankind. Signal, 2014, 368 p.
- Il'in I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow, Intrada, 1996, 252 p. (in Russ.)
- Irwin W. Against Intertextuality. *Philosophy and Literature*, 2004, vol. 28, no. 2, p. 227–242.
- Kramsch S. Language and culture. Oxford: Oxford University Press, 1998, 133 p.
- Kremneva A. V. Evolyutsiya teorii intertekstual'nosti v kontekste menyayushchikhsya paradigm [The evolution of the theory of intertextuality in the context of changing paradigms]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 1, p. 54–63. (in Russ.)
- Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bahtin, Word, Dialog and Novel]. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Transl. from France by G. K. Kosikova. Moscow, Progress, 2000, p. 427–457. (in Russ.)
- Lodge D. After Bakhtin, Essays on Fiction and Criticism. London, Routledge, 1990, 198 p.
- Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki [Course of linguistic semantics]. 2nd ed. St. Petersburg, RSPU Press, 2007, 819 p. (in Russ.)
- P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti [Introduction to inter-textuality theory]. Moscow, LKI Press, 2008, 240 p. (in Russ.)
- Reznikova Zh. I. Yazyk zhyvotnykh: podkhody, rezul'taty, perspektivy... [The language of animals: approaches, results, prospects...]. *Yazyki nauki – yazyki iskusstva*. Proc. VII International Conference. Moscow, 2004, p. 260–278. (in Russ.)

Brileva I. S., Vol'skaya N. P., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar' [Russian Cultural Space: Linguoculturological Vocabulary]. Moscow, Gnozis, 2004, vol. 1, 318 p. (in Russ.)

Tomasello M., Kruger A. C., Ratner H. H. Cultural Learning. *Behavioral and Brain Science*, 1993, vol. 16, p. 495–552.

Vygotskiy L. S. Myshlenie i rech'. Psikhologicheskie issledovaniya [Thought and language]. Ed. by V. Kolbanovskiy. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. 324 p. (in Russ.)

Whiten A., Goodall J., McGrew W. C., Nishida T., Reynolds V., Sugiyama Y., Boesch C. Cultures in chimpanzees. *Nature*, 1999, vol. 399 (6737), p. 682–685.

Zinchenko V. P. Soznanie i tvorcheskiy akt [Consciousness and the act of creation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010, 592 p. (in Russ.)

For citation:

Sopina Alexandra L. Cognitive Foundations of Intertextuality. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 113–121. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-113-121

УДК 81'373 – 512.36

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-122-126

Б. Д. Цыренов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия*

tsyrenovbabasan@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК
УСТАРЕВШЕЙ И РЕДКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ВЫСТРЕЛ»***

Рассматриваются способы перевода на монгольский язык устаревшей русской лексики в повести А. С. Пушкина «Выстрел». Проблема перевода подобной лексики, тяготеющей к безэквивалентной лексике, является одной из сложных проблем в переводе художественных произведений и переводоведении. В повести зафиксировано несколько устаревших и редкоупотребительных слов. Целью данной работы является исследование перевода этой лексики с применением методики двустороннего обратного перевода для определения точности и адекватности перевода. В результате выявлено, что в редких случаях переводчик находит эквивалент русскому слову, например, *мазанка – шавар байшин* (букв. глиняная изба). В остальном переводчик, творивший в начале 1930-х гг., с трудом находил подходящие эквиваленты. В монгольском тексте повести неточно переведены такие слова, как «трактир» – *гуанз*, *вм. буурчийн газар*; «сюртук» – *хүрэм*, *вм. сюртук дээл* и др. Тем не менее данный перевод стал одним из первых переводов произведений А. С. Пушкина на монгольский язык, и автор перевода попытался максимально точно передать содержание повести, используя все богатство монгольского языка. Неточности в передаче устаревшей и редкоупотребительной лексики можно в определенной мере объяснить отсутствием в то время крупных русско-монгольских словарей.

Ключевые слова: монгольский язык, перевод, эквиваленты, устаревшая лексика, редкоупотребительная лексика, перевод.

Повесть «Выстрел» А. С. Пушкина была опубликована в книге под общим названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», в которую кроме нее вошли еще четыре повести – «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка». Отношение к повестям критиков – современников А. С. Пушкина весьма неоднозначно: многие считали эти произведения недостойными пера гения. Весьма показательны слова В. Г. Белинского: «... Вот передо мною лежат “Повести”, изданные Пушкиным: неужели Пушкиным же и написанные? <...> Будь поставлено на заглавии этой книги имя г. Булгарина, и я был бы готов подумать: уж и в самом деле Фаддей Венедиктович не гений ли? Но Пушкин – воля ваша, грустно и подумать! Эти повести уже не новость. <...> Из повестей, собственно, только первая, “Выстрел”, достойна имени Пушкина...»¹. Другие мнения, в том числе А. А. Григорьева, характеризуют их со значительной долей позитива, признавая за автором его гениальность².

* Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0006.

¹ LITERATURUS: Мир русской литературы. URL: <http://www.literaturus.ru/2016/06/kritika-vystrel-pushkin-vesti-belkina.html> (дата обращения 22.01.2018).

² Ibid.

Цыренов Б. Д. Особенности перевода на монгольский язык устаревшей и редкоупотребительной лексики в повести А. С. Пушкина «Выстрел» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 122–126.

Произведения А. С. Пушкина переведены на все основные языки мира, но точное количество языков, на которые осуществлен перевод, не известно. Перевод на монгольский язык рассматриваемой повести Д. Нацагдоржем («Буудалцсан нь»), которого В. Катаев назвал «монгольским Пушкиным», кажется весьма закономерным: «Пушкин» перевел Пушкина.

Для переводчика текст, подлежащий переводу, – «это, прежде всего, смысловое содержание, а также все структурно-композиционные особенности текста на фоне “подключения” других связей реального мира. Собственно текстовая информация включается в более широкие связи и взаимосвязи» [Крупнов, 1987. С. 22–23]. Одной из главных проблем перевода является эквивалентность, т. е. возможность максимально точно передать значение слова, смысл предложения. Отсутствие эквивалентов переводчиками решается различными способами: описательный перевод, передача внутренним алиенизмом [Берков, 2004. С. 60] или транслитерация с последующим пояснением, подбор близкого по значению слова, замена безэквивалентного слова другим словом языка перевода, обозначающим сходный по функциям или внешнему виду предмет.

В тексте повести «Выстрел» мы находим целый ряд таких безэквивалентных слов, и они встречаются с первых строк. Например, повествователь сообщает, что они с товарищами обычно обедают у полкового командира или в «жидовском трактире». Последнее словосочетание Д. Нацагдорж переводит как *еврейн гуанзан дор* букв. ‘в ресторане, закусочной еврея’. Прилагательное «жидовской» в русском языке имеет четкий оттенок презрения, пренебрежения, и, употребив его в данном контексте, автор хотел выразить унылость, однообразие быта офицеров захолустного гарнизона, т. е. в том населенном пункте не было не то что ресторана, но и нормального трактира.

Само слово «трактир» в словарях русского языка толкуется как «постоялый двор с рестораном». И именно в этом значении оно употреблялось во времена А. С. Пушкина. Использование переводчиком слова *гуанз* нам представляется несколько некорректным, поскольку *гуанз* (от кит. *guanzi* – ресторан, закусочная) в «Большом академическом монгольско-русском словаре» (БАМРС) имеет значения ‘столовая, харчевня, ресторан’ и ‘питейное заведение, трактир, кабак’ и т. п. [БАМРС, 2001, т. 1, с. 449]. В «Большом толковом словаре монгольского языка» (БТСМЯ) данное слово семантизировано следующим образом: *хоол ундны зүйлийг бэлтгэн худалдаалах нийтийн хоолны газар* [БТСМЯ, 2008, т. 1, с. 378] ‘предприятие общественного питания по приготовлению и продаже пищи и питья’. Между тем значению ‘постоялый двор с харчевней, рестораном’ в монгольском языке соответствует словосочетание *буурчийн газар – олон хүн нэгэн зэрэг цайлж, хооллох боломжтой, хонож өнжих газар* [Там же, с. 536] ‘место, где могут несколько человек одновременно останавливаться на ночлег и питаться’. Таким образом, употребление слова *гуанз* не очень уместно, тогда как *буурчийн газар* более всего подходит в данном контексте.

Два словосочетания «открытый дом» и «открытый стол» относятся к устаревшей лексике. «Открытый дом» означает «дом (семья), в котором есть девушка на выданье», что подтверждается следующими словами: «ни одной невесты». Второе сочетание («открытый стол») употреблено в значении «возможность столоваться у кого-либо», именно то, что и делал Сильвио, т. е. принимал и угощал посторонних из ближнего круга. Эти словосочетания переведены как *оролтой айл* ‘семья, к которой можно было бы зайти’, данное выражение можно понять как оценочное, и *ширээ засах бүлгээ* ‘накрывать на стол’. Фразеологизм «открытый стол» в словаре семантизируется как «обеда, ужины и т. п. в частном доме (богатого, знатного человека), на которые можно приходиться людям данного круга без приглашения». В этом случае требуется более адекватный перевод соответствующим фразеологизмом или посредством описательного перевода.

К устаревшей лексике относится и слово «сюртук» (сертук – у Пушкина), который в современном языке перешел в разряд историзмов. Д. Нацагдорж это слово перевел монгольским словом *хүрэм*. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» *хүрэм* переведено следующим образом: «куртка (*надеваемая поверх одежды, застегивается посредине груди, рукава широкие и короткие*)» [БАМРС, 2001, т. 4, с. 192]. Судя по пояснительному описанию, этот вид верхней одежды относится к китайскому или маньчжурскому гардеробу. Это подтверждается данными из толкового словаря монгольского языка: *хүрэм – дээлийн гадуур давхарлан өмсөх охорхон хувцас* [БТСМЯ, 2008, с. 2770] ‘короткая (короткополая) оде-

жда, надеваемая поверх дэли' (дэли (монг. дээл) шуба, верхняя одежда в виде халата), в то время как сюртук является долгополой верхней одеждой. В «Русско-монгольском словаре» (РМС) «сюртук» переводится как «сюртук дээл (урт хормойтой, хоёр энгэртэй эрэгтэй хүний хувцас)» [РМС, 1982, с. 706] 'сюртук дэли (долгополая двубортная мужская верхняя одежда)'. Налицо разночтения в форме, фасоне и назначении сюртука и *хүрэм*. Возможно, было бы целесообразно оставить «сюртук» в переводе с прибавлением слова *дээл*, как это сделано в РМС.

Титул «граф» в монгольском языке и монголоведной литературе имеет эквивалент *гун* [Там же, с. 96]. Его же мы встречаем в переводе Нацагдоржа: *Хиа нь намайг гунгийн өргөөний нэгэн тасалгаан дор удирдан оруулаад, өөрөө миний тухай сонсгохоор эчив* 'Адъютант его провел меня в одну из комнат графского дворца и отправился сообщить обо мне', ср. оригинал: «Лакей ввел меня в графский кабинет, а сам пошел обо мне доложить». Кроме того, что в переводе мы видим неточность, излишнюю информацию, привнесенную переводчиком (в оригинале ничего не сказано о дворце, а вместо комнаты у переводчика упомянут графский кабинет), наше внимание привлекает слово *хиа* 'адъютант'. В тексте же оригинала говорится о лакее. Между тем «лакей» в РМС переведено как *зарц* [Там же, с. 241], а обратный перевод дает 'слуга; лакей, служитель, прислужник' [БАМРС, 2001, т. 2, с. 213].

Одной из характерных деталей военной (полицейской) одежды является галун (от франц. galon) – плотная лента или тесьма шириной 5–60 мм из хлопчатобумажной пряжи, химических нитей, шелка, часто с армированной нитью. В описании головного убора, который Сильвио показывает повествователю, имеются такие слова: (красная шапка) «с золотой кистью, с галуном». Это переведено в «Буудалцсан нь» так: *алтан цацагтай ба хошоотой (улаан малгай)*. Между тем *хошоо* в БАМРС переводится как «пёстрая лента для отделки (женской одежды у ойратов)» [Там же, т. 4, с. 122], подобное находим и в толковом словаре: «*солонголон хийсэн нарийн тууз, хошмог*» [БТСМЯ, 2008, с. 256] 'радужная (разноцветная) узкая набивная полоса (для отделки одежды)'. При достаточно адекватном переводе слова «галун» монгольским словом *хошоо*, тем не менее, остается вопрос по поводу того, что *хошоо* у монголов используется при украшении женской одежды.

Жилище Сильвио – *мазанка* – указывает нам, что действие повести происходило в Малороссии или на Юге России. Мазанка – тип сельского дома, стены которого состоят из каркаса (из тонких веток дерева, хвороста) или сырцового саманного кирпича и обмазываются глиной. У Д. Нацагдоржа «мазанка» переведена как *шавар байшин*, что, по-нашему мнению, является достаточно адекватным переводом, причем такой же перевод находим и в РМС [1982, с. 254].

Различные виды мужского головного убора: фуражка, картуз, шляпа, не были известны монголоязычным народам, заимствование этих предметов потребовало и соответствующего названия в языке-реципиенте. В монгольском языке лишь шляпа имеет собственно монгольское название *бурх*, восходящее к глаголу *бурхээх* 'покрывать, прикрывать, накрывать'. «Фуражка» в РМС переведена как «*фуражк малгай*», «*саравчтай малгай*», «*офицер малгай*», а « картуз» – «*хатуу саравчтай малгай*». Как мы видим, здесь в каждом из переводов употреблено родовое слово *малгай* 'шапка'. В бурятском языке все эти три слова подвергаются фонетической трансформации: *пураажха*, *хартууз* и *шляпа*. В современной бурятской орфографии они оформляются в соответствии с русским написанием, но принимают падежные и притяжательные суффиксы по бурятским правилам, например: *картузаа тайлаха* 'снять (свой) картуз'.

Слово «фуражка» в повести «Буудалцсан нь» переведено лишь родовым названием *малгай*: *Хэрэв тэр малгайн дээр лийр тавьж, сум үсэргэсүгэй хэмээвээс түүн дор өөрийн толгойгоо тосож, тосож өгөхүй дор манай хорооноо хэн ч үл татгалзах байсан бүлгээ*; при обратном переводе мы получим следующее предложение: *Если он решит потренироваться в стрельбе, поставив на шапку грушу, то никто из нашего полка не откажется подставить голову (свою)*, ср. оригинал: «Искусство, до коего достиг он, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы».

К редкоупотребительным словам относится слово «понтёр» – «в азартных карточных и других играх – игрок, делающий ставку против банка» [СИС, 1989, с. 402]. Данное слово

переводчик передал сочетанием *хэзэр татагч* ‘делающий ставку’, букв. ‘тянущий карту’. В этом переводе утрачено значение ‘делающий ставку против банка или банкюмета’. Также редкоупотребительно слово «шандал» (< араб. *sam* – свеча и перс. *dan* – вместилище) – тяжелый подсвечник: *Офицер, разгоряченный вином, игрою и смехом товарищей, почел себя жестоко обиженным и, в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио, который едва успел отклониться от удара.* Это слово у Нацагдоржа переведено описательным сочетанием: *лааны гуулин суурь* ‘подсвечник’ букв. ‘медное основание свечи’. В РМС «подсвечник» переведено просто как *лааны суурь* букв. ‘основа свечи’ или *лааны тосгуур* букв. ‘подставка свечи’ [РМС, 1982, с. 469].

Отдельного внимания заслуживают встречающиеся в повести вкрапления на французском и английском языках. В тексте оригинала они оставлены без перевода, но их перевод дан в постраничных сносках: *bonnet de police* – полицейская шапка (*франц.*) и *the honey-moon* – медовый месяц (*англ.*). Оба эти выражения в переводе также пояснены в постраничных сносках. Первое словосочетание *bonnet de police* поясняется как *цагдаагийн малгай гэсэн үг* ‘слово значит «шапка полицейского»’, второе – *англиаар бол сар гэсэн үг. Эр эм бололсоны анхны сарыг чингэж нэрлэнэ* ‘по-английски слово значит «месяц». Так называют первый месяц после свадьбы’.

Одно из первых произведений А. С. Пушкина, переведенное на монгольский язык, стало значимым культурным событием в жизни Монгольской народной республики начала 1930-х гг. Широкое знакомство монголов с классиками мировой литературы, в первую очередь с русской классикой, происходило при посредстве не менее одаренных переводчиков из монголов; одновременно знакомились с русской, западной литературой буряты, калмыки и многие другие монголоязычные народы.

Перевод является сложным процессом, протекающим как в плоскости техники, так и в плоскости искусства, и требует большого мастерства от переводчика. Адекватная и в то же время художественная передача языкового, образного богатства происходит через сопоставление языков, приведение эквивалентов слов одного языка словам другого. В этом отношении наибольшие трудности представляют безэквивалентные слова, поскольку они все являются культурно-коннотированными словами. В своем переводе, на наш взгляд, Д. Нацагдорж в целом хорошо справился с преодолением этих трудностей.

Список литературы и источников

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. 502 с.; Т. 2. 536 с.; Т. 4. 532 с.
Берков В. П. Двухязычная лексикография. М., 2004. 236 с.
БТСМЯ – Большой толковый словарь монгольского языка: В 5 т. Улан-Батор, 2008. 3278 с.
Крупнов В. Н. Лексикографические аспекты перевода. М.: Высш. шк., 1987. 192 с.
СИС – Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. 624 с.
РМС – *Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А.* Русско-монгольский словарь / Под ред. Ш. Лувсанвандан. Улаанбаатар, 1982. 840 с.
LITERATURUS: Мир русской литературы. URL: <http://www.literaturus.ru/2016/06/kritika-vystrel-pushkin-povesti-belkina.html> (дата обращения 22.01.2018).
Пушкин А. С. Повести. Киев, 1977. 284 с.
Нацагдорж Дашидоржийн. Бүрэн зохиол. Дэд дэвтэр [Полное собрание сочинений. Первый том]. Улаанбаатар: «Цагаан бамбарууш», 2006. 358 х.

Babasan D. Tsyrenov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhianova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation*

tsyrenovbabasan@mail.ru

**OUTDATED AND INFREQUENT WORDS IN ALEXANDER PUSHKIN'S NOVEL
«THE SHOT» IN THE MONGOLIAN LANGUAGE**

The article deals with the translation of outdated and infrequent words in Alexander Pushkin's novel «The Shot» into the Mongolian language. This is one of the first works of Alexander Pushkin translated into Mongolian. The main purpose of this study is to identify ways to translate this kind of words from Russian into Mongolian. The method of reverse translation was used to check the accuracy of the translation of such lexicon. Several outdated and infrequent words have been found in the novel. For example, *surtuk* – a frock-coat, *traktir* – a tavern, *mazanka* – a wattle and daub, etc. The word frock-coat is translated as a hurem, but this word designates a jacket of Chinese or Manchu costume, the tavern is translated as guanz (Chinese word which designates a cafe, restaurant). The last word can be translated by word combination *buurchiin gazar* 'an inn with meals'. Among many other words, the word «mazanka» was correctly translated as *shavar bayshin* (literally: clay house). The Mongolian author translated this novel very well, but some outdated and infrequent words are translated inaccurately. He found his own national equivalents to such words. Unfortunately, they do not match the meanings of the words in the original text.

Keywords: Mongolian language, translation, equivalents, outdated and infrequent words, translation.

References

Berkov V. P. Dvuyazychnaya leksikografiya [Bilingual lexicography]. Moscow, 2004, 236 p. (in Russ.)

Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Large academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Ed. by A. Luvsandendev, Ts. Tsedendamba, G. Pyurbeev. Moscow: Academia, 2001, vol. 1, 502 p.; vol. 2, 536 p.; vol. 4, 532 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' mongol'skogo yazyka [Large explanatory Dictionary of the Mongolian Language]. In 5 vols. Ulan-Bator, 2008, 3278 p.

Damdinsuren Ts., Luvsandendev A. Oros-mongol tol' [Russian-Mongolian dictionary]. Ed. by Sh. Luvsanvandan. Ulaanbaatar, 1982, 840 p.

Krupnov V. N. Leksikograficheskie aspekty perevoda [Lexicographic aspects of translation]. Moscow, Vysshaya shkola, 1987, 192 p. (in Russ.)

LITERATURUS: Mir russkoy literatury [World of Russian Literature]. URL: <http://www.literaturus.ru/2016/06/kritika-vystrel-pushkin-povesti-belkina.html>. (in Russ.)

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. 18th stereotype ed. Moscow, 1989, 624 p. (in Russ.)

For citation:

Tsyrenov Babasan D. Outdated and Infrequent Words in Alexander Pushkin's Novel «The Shot» in the Mongolian Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 122–126. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-122-126

М. Дебрэнн

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

micheledebrenne@gmail.com

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК И ИСПРАВЛЕНИЙ
В ОРИГИНАЛАХ И КОПИЯХ ДНЕВНИКОВ
О. И. ОРЛОВОЙ-ДАВЫДОВОЙ ***

Настоящая работа – часть большого проекта, посвященного изучению и публикации дневниковых тетрадей Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой. Оригиналы дневников хранятся в РГБ (Москва), а рукописные копии, сделанные, предположительно, при жизни автора, – в ГПНТБ (Новосибирск). В этих дневниках описаны события, относящиеся к 1830–1849 гг. В задачи исследовательского коллектива входят электронное размеченное издание оригинального текста на французском языке, с полной разметкой в виде лингвистического корпуса, его аннотированный перевод с историческим и культурологическим комментарием, а также серия исследований о языке автора и ее билингвизме. В настоящей статье проводится тщательный анализ этапов изготовления дневниковых записей и их переписывания, ошибок, возникающих на каждом этапе, что позволяет сделать выводы о том, кем и когда были переписаны дневники.

Ключевые слова: дневник, девиатология, XIX век, французский язык.

**Обстоятельства написания дневников
О. И. Орловой-Давыдовой**

Рассмотрим обстоятельства написания дневников Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой (1814–1876, урождённая княжна Барятинская, далее ОИОД) и ее собственные высказывания по этому поводу.

Первые дошедшие до нас датированные записи относятся к поездке ОИОД к дяде в Каменку, когда ей было 17 лет (тетрадь 92-3, сохранилась только черновая записная книжка), это травелог, цель которого – зафиксировать события и впечатления по поводу этого недельного путешествия, имевшего место в августе 1830. Затем ОИОД начинает вести регулярный дневник: записи в новой тетради предваряет молитва для девочек, текст которой она взяла из Ж. А. Мартена [Martin, 1805. P. 65–66], модифицировав в нем указание на собственный возраст, далее в дневнике ОИОД рассказывает в ежедневных записях, как после возвращения из Каменки поехала с матерью в Москву (1830 г., тетрадь 92-2), описывает свою жизнь в Москве, отмеченную знакомством с будущим мужем Владимиром Петровичем Давыдовым (1831, оригинал не сохранился, копия в 601-1).

1832 год не отражен в дневниках, а тетрадь 92-1, начатая в 1834 г., содержит подробную биографическую справку, начинающуюся словами *Je suis née à Moscou le 15 Avril 1814* (92-1,

* Работа проведена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-24-08001).

«глава первая», запись не датирована), от рождения до 16 июля 1834 г., за которой следуют ежедневные записи. Затем ОИОД ведет дневник относительно регулярно в следующие периоды:

декабрь 1833 – январь 1834 (92-4, «в отсутствие мужа»);

июль 1834 – июль 1835 (92-1);

август 1835 – январь 1837 (92-7);

январь 1837 – сентябрь 1837 (92-8).

Ни у нас, ни у переписчика оригинальных тетрадей (см. ниже) нет записей, относящихся к 1838 – концу 1843 г., за исключением записи на русском языке о поездке в Сенгислен (июнь-июль 1840). Зато период с декабря 1843 по сентябрь 1847 г. отражен практически ежедневно в тетрадях 92-13, 92-11, 92-12 и 92-14, 92-15. Наконец, особняком стоит тетрадь 92-10, являющаяся сборником текстов духовного содержания (в основном – переписанные проповеди), за 1843, 1847 и 1849 г.

В отсутствие мужа, в особенности в 1835 и 1836 г., когда В. П. Давыдов предпринял большое путешествие по Среднему Востоку вместе с К. Брюлловым, помимо дневника ОИОД писала ему письма (см. ниже запись {1845-10-31}¹): *A dix heures et demie Nadine est partie, et je suis venue écrire une partie de ta lettre jusqu'à minuit, puis j'ai commencé le récit de ma journée* (601-1, {1833-12-28}). При этом в дневниках, так же как и в письмах, она обращается к нему как к адресату записей. При случае она упоминает в дневнике, под каким номером ушло то или иное письмо: *Vendredi 3. Je t'écris mon №4. de mon lit, ce qui m'a beaucoup fatigué*² (601-2, {1837-09-03}).

Содержание дневника и содержание письма могут немного различаться: *Après avoir déjeuné, je suis allée nourrir la petite, et après cela tout en jouant avec elle je mets mon doigt dans sa bouche et je découvre une dent, tu ne saurais croire comme j'en étais heureuse, cependant je ne veux pas t'en écrire pour que tu en aies le surprise* (601-1, {1833-12-28}).

Сохранился также небольшой отдельный дневник, обращенный к мужу, и параллельный «обычному» дневнику 92-2: *Après le dîner je me suis mise à écrire mon petit journal séparé à Wladimir* (601-2, {1834-07-17+}).

В некоторых случаях у нее нет времени писать мужу и вести дневник, тогда она отдает предпочтение письмам мужу: *Ecrivant à Wladimir un journal par chaque poste, il m'est impossible de trouver du temps pour écrire celui-ci, mais aujourd'hui je reviens d'une course trop remplie de reconnaissance envers mon Dieu pour ne pas vouloir m'en rappeler plus longtemps* (601-3, {1845-10-31}).

С годами мотивация писать дневник у ОИОД немного меняется. Она хочет не просто запомнить то, что произошло, но в некоторых случаях зафиксировать свою мысль для того, чтобы потом проверить, была ли она права: *«Je n'écris ici que pour me rappeler ce que je pensais à cette époque critique et pour savoir si je le penserais encore dans six ans»* (601-3, {1845-06-18}); *Je fais vœux en commençant ce journal de n'en relire le contenu qu'après une année révolue, je le fais dans l'unique but de savoir, combien mon esprit aura souvent varié dans ses dispositions, et pour qu'il me serve de guide et de soutien[t/] pour le reste de mes jours, que je te consacre à mon Dieu!* (601-2, {1843-05-05}).

Интересно, что к написанию дневников приучали с детства: после поездки сыновей Владимира и Анатолия к своему дяде Долгорукову в Красное, ОИОД проверяет их дневники: *leurs journaux sont bien réd[e/i]g[i/é]s pour leur âge* (601-3, {1846-08-02}) – близнецам по восемь с половиной лет.

Безусловно, ОИОД следовала в этом и наставлениям своего мужа, оставившего ей в 1835 г. пространственные рекомендации на время своего отсутствия. Помимо того, что ей следует читать и как вести семейные финансы, Владимир Петрович высказывается и о ведении дневника: *J'y*

¹ Оригиналы дневников, хранящиеся в РГБ, обозначены номерами единиц хранения: 92-1 по 92-15. Номера не соответствуют хронологическому порядку. Копии дневников, хранящиеся в ГПНТБ, соответственно обозначены номерами 601-1 по 601-5. Обозначение {1833-12-27} указывает на дневниковую запись за 27 декабря 1833 г. Все даты даны по старому стилю, даже если в дневнике указывается новый. Подобные обозначения являются результатом разметки текста дневников в рамках исследовательского проекта. Знаком + помечены записи, относящиеся к нескольким дням (краткое изложение прошедших событий).

² Здесь и далее выдержки из дневника приводятся в орфографии автора.

attache une grande importance, et je te prie d'y donner une attention constante et journalière, non seulement à cause de l'intérêt qu'il aura pour moi, mais aussi à cause de son utilité pour toi-même. Rien ne donne autant que l'habitude d'écrire un journal, de la régularité à la vie et d'une attention toujours éveillée pour remarquer les beautés de la nature et la diversité des caractères et des moeurs. Je ne voudrais pas que tu l'appliques à tes lectures, car rien n'est aussi nuisible à la mémoire que les extraits, mais que tu t'en serves pour perpétuer tes impressions (Наставления Владимира жене, РГБ 91-19).

Этапы создания дневников, ошибки и исправления

Несмотря на то что дневники относятся к личным текстам, процесс их создания – сложный и многоступенчатый, в него вовлечено много людей.

Записки карандашом

Первым этапом работы является занесение отдельных записок в *записные книжки* карандашом. Поскольку они в большей части не сохранились, мы не знаем, имели ли все дневниковые записи предварительный вариант карандашом. В некоторых случаях, видимо, они ошибочно приписаны другим авторам. Например, единица хранения РГБ 91-21 приписывается Владимиру Петровичу Орлову-Давыдову, на самом деле это черновик записной книжки 92-7 ОИОД (рис. 1).

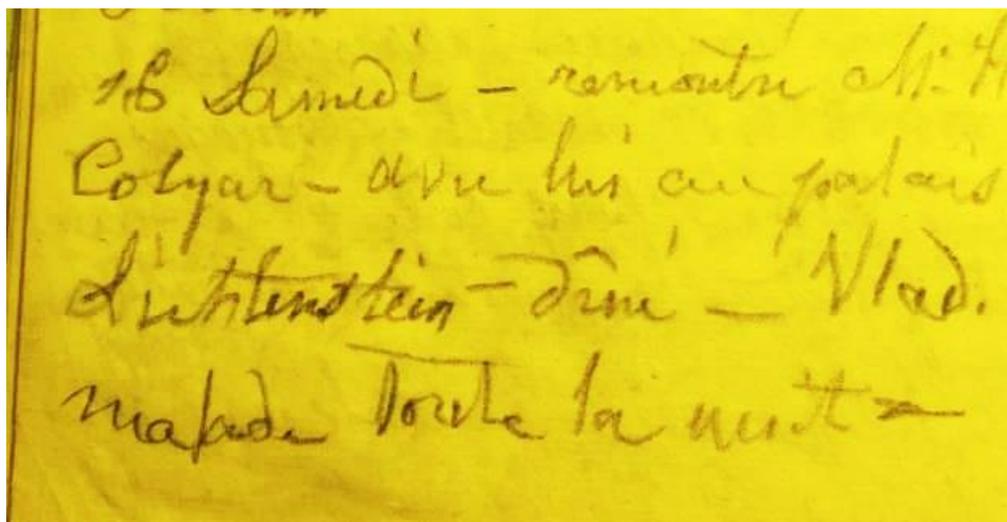


Рис. 1. Текст дневника полностью совпадает с текстом записной книжки 92-7 (запись за {1836-07-16}). Ед. хр. 91-21

Владимир Петрович отрицательно относится к этим записным книжкам, по крайней мере настаивает на том, чтобы были составлены настоящие дневниковые записи: *Dans les endroits intéressants tu ne sauras pas comment dire tout, mais plutôt dis en partie régulièrement, que de consigner toutes tes remarques au crayon à des feuilles volantes qu'on n'a jamais le temps de transcrire* (Наставления Владимира жене, РГБ 91-19).

Составление дневниковых записей

Далее следует написание *чистовика дневников* (автор ОИОД), вернее переписывание на бело черновых записных книжек. ОИОД может переписывать дословно, как в случае с записью за 16 августа 1830 г. Например, текст черновой записной книжки (92-3) *Bravari, 24 verstes 4 heures foret sable arrivé à Kiev à 8 heures du matin très petites chambres beaucoup de monde à l'auberge - nous très-fatigués. 17 - nous sommes allés entendre la messe à la Cathédrale -*

mendiants соответствует следующему фрагменту в дневнике 601-1: *Nous arrivâmes enfin à Bravari, la dernière poste, elle n'est qu'à 17 verstes avant Kiev. Nous pensions pouvoir y arriver encore avant minuit, au lieu de cela nous restâmes quatre heures dans les sables et dans les forêts, au milieu d'une nuit sombre, car la lune étoit déjà couchée et le jour ne paroissoit pas encore. Enfin nous arrivâmes sur le grand pont de Kiev à trois heures du matin. Tout étoit tranquille et silencieux dans l'antique ville. À l'auberge de Londres tout le monde dormait. On nous mena dans un tout petit appartement car tout l'hôtel étoit occupé, nous étions extrêmement fatigués* (92-3, {1830-08-16}, черновик и чистовик склеены вместе).

ОИОД работает над записями чаще всего по вечерам: *A présent je vais écrire chaque soir si je le puis les événements de la journée* (92-2, {1830-11-29+}), иногда, особенно в отсутствие мужа, засиживается допоздна, до часа ночи.

Написание чистовика, видимо, происходит частями: об этом свидетельствует периодическая смена чернил (рис. 2): записи за несколько дней сделаны одними чернилами, – видимо, в одно время, потом – другими. Это также находит свое отражение в записях, см.: *Je passe ma soirée à écrire mon journal arriéré de quelques jours* (92-12, {1847-03-11}).

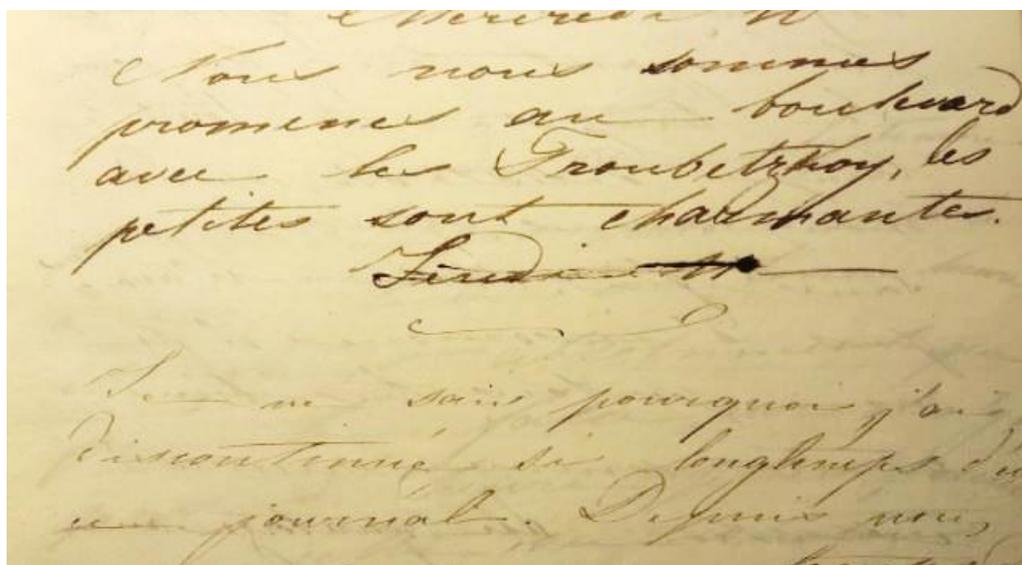


Рис. 2. Пример смены почерка и чернил. Ед. хр. 92-2

Как любой человек, ОИОД может описаться, и иногда она исправляет ошибки тут же. В этом случае чернила и почерк совпадают с основным текстом. Таких исправлений не много. Есть также и пример того, как она два раза переписывала одну и ту же черновую дневниковую запись. Так, запись за 16 июля 1847 г. приведена в двух редакциях. В первый раз на своем месте после записи за 15 июля: *Mercredi 16: Melle Schlein reçoit la nouvelle de la mort de son frère – tout a l'air de se concerter pour assombrir notre été.* (92-15, {1847-07-16}). Второй раз ниже, после записи за четверг 17 июля: *Mercredi 16.: Lettre de Wladimir qui paraît mécontent – Быковский ne peut pas venir et je voudrais cependant que le monument soit remplacé avant l'arrivée de Wladimir. Nous apprenons la mort de Mr Shlein frère cela ajoute encore du noir à notre existence.*

Можно полагать, что, составляя чистовик дневника, ОИОД сначала переписала только конец черновой записи за 16 июля с известием о смерти брата воспитательницы дочерей, м-ль Шлейн, затем, заметив, что забыла изложить остальные новости (о письме Владимира и о переговорах с мастером Быковским по поводу ремонта статуи графа Орлова, поврежденной при установке), переписала текст черновой заметки заново, заменив формулировку концовки. Затем, при проверке, заметив, что этот текст повторяется, зачеркнула его.

Если сопоставить дневники за 1830 и 1847 г., можно заметить, что почерк ОИОД с годами сильно изменился, сохраняя при этом некоторые характерные черты, например длинную го-

горизонтальную черту для буквы *t* или форму буквы *d*. Часто в конце строки она пишет очень мелко, строка уходит вниз (рис. 3). Эти особенности являются причинами ошибок при переписывании.

Отметим, что ОИОД использует, хотя и не систематически, типографический сицилиус – горизонтальную черту над согласной, чтобы обозначать ее удваивание.

Проверка и исправление дневников

Чистовики оригинальных дневников носят следы правки, иногда в несколько этапов. Мы различаем:

- исправления карандашом (рис. 4);
- поверх исправлений карандашом – исправления чернилами (рис. 5).

Различают следующие типы исправлений.

- Орфография и грамматика: *Je l'ai ferai venir* → *Je les ferai venir* (92-2, {1830-11-29+});
- Внесение забытых слов: *si elle decidoit elle trouveroit une mere* → *si elle decidoit à venir demeurer parmi nous elle trouveroit une mere* (92-2, {1830-11-23+});

Часто исправленный текст так зачеркнут, что мы не в состоянии понять, вместо чего появился новый (рис. 6).

- Стилистические правки: тот человек, который правит чистовики дневников, вносит номера для перестановки слов в тексте, например: *la maîtresse demande à être ramenée (à Благодарное) [2] (sur notre droshki) [1] où elle demeure* → *la maîtresse demande à être ramenée sur notre droshki à Благодарное où elle demeure*. (92-11, {1845-07-20}). Он также мог вычеркивать повторяющиеся слова, например: *Je me lève tard. Plus tard visite de Lisinca* (92-11, {1845-06-14}).

• Наконец, правка может заключаться в вычеркивании больших кусков текста характерным петлеобразным движением, от нескольких слов до нескольких строчек (рис. 7).

• Крайним случаем «исправлений» является вырывание страниц оригинала или вырезание части страницы, что встречается неоднократно в тетради 92-11, написанной в момент глубокого духовного кризиса ОИОД.

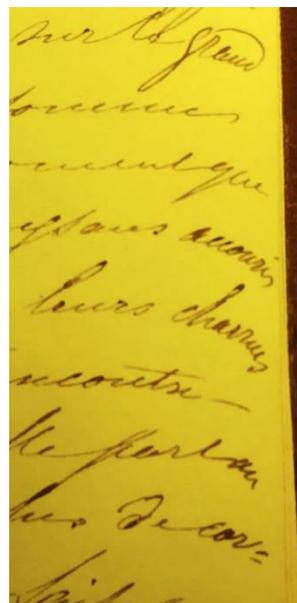


Рис. 3. Наклон вниз в конце строки (92-11)

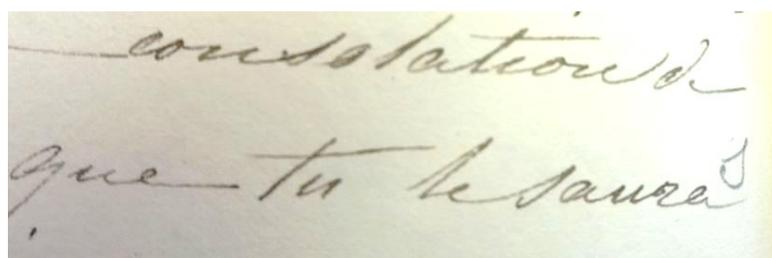


Рис. 4. Оригинал, тетрадь 92-4. Следы исправления карандашом (добавлена буква S)

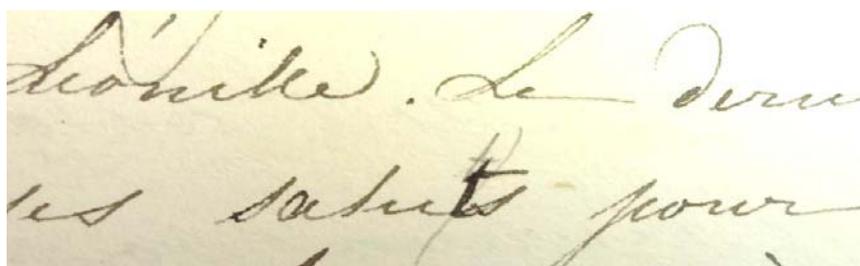


Рис. 5. Оригинал, тетрадь 92-4. Следы исправления карандашом, затем чернилами

Копирование дневников

Следующим этапом работы над дневниками было их переписывание. Судя по всему, в данной среде бытовала практика переписывать дневники или личную переписку. В этом контексте интерес вызывает следующее высказывание: *Lisınca voulait copier tes journaux d'Ecosse pour ses enfants, et voulait que je l'aide, mais cette entreprise est trop grande et nous l'avons laissée là* (601-1, {1833-12-22}). В любом случае ОИОД допускала, что ее дневники будут читать после ее смерти, см.: *Je crois sentir, o mon Dieu, que je ne verrai pas sa guérison, mais vous toutes âmes pieuses et charitables à qui je permets de lire cela en cas de ma mort, glorifiez le Seigneur et croyez à sa communication directe avec l'homme qui le cherche et le supplie* (92-10, {1843-05-05}).

На данный момент, о снятии копии с оригиналов мы можем судить по следующим элементам.

- Рукописи копии дневника ОИОД представляют собой пять однотипных тетрадей линованной бумаги (Тих. 601-1, 601-2, 601-3, 601-4, 601-5) в черных кожаных переплетах, содержащие около 220 страниц каждая.

- Записи в них выполнены черными чернилами одним и тем же писарским почерком с немногочисленными правками.

- Тетради содержат записи, датированные от 1830 до 1849 г., на французском языке (кроме несколько страниц за июнь-июль 1840 г., написанных на русском языке). В тетрадях 601-1 и 601-2 оригиналы дневников переписаны с нарушением хронологического порядка. Самая поздняя запись датирована 19 сентября 1849 г. Данная запись фигурирует в тетради 601-2 и соответствует последней записи в записной книжке 92-10, содержащей не дневниковые записи как таковые, а сборник текстов духовной направленности. Самая поздняя запись, содержащая фактологическую информацию, датирована 3 сентября 1847 г. Таким образом, можно утверждать, что копирование производилось не ранее 1849 г. В письме от 19 августа 1900 г. младшая дочь ОИОД Мария Владимировна (1840–1931) сообщает брату Анатолию о снятии копии с дневника матери. Это и можно с большой вероятностью считать датой переписывания дневников.

- Тетрадь 601-5, начиная со страницы 63, и тетрадь 601-6 (такого же вида, что и пять предыдущих) полностью заполнены почерком Марии Владимировны. Ее почерк нам известен по многим другим автографическим рукописям, в том числе по дневникам и письмам. Данные тетради содержат копию дневника ОИОД на русском языке, составленного во время поездки на остров Корфу в 1869–1870 гг., куда семейство Орловых-Давыдовых отправилось в надежде вылечить сына Владимира от чахотки, и заканчиваются рассказом о его смерти. Однако почерк Марии Владимировны сильно отличается от каллиграфического почерка тетрадей с 601-1 по 601-5, что позволяет считать, что она не является автором копии. Мария Владимировна использовала вторую половину пятой и пустую шестую тетрадь позже, после завершения переписывания дневников ОИОД, и мы не можем определить, сколько времени прошло между этими событиями. Зато, скорее всего, она и является автором правок в копиях.

Проверка и исправление копии

Как и текст оригинала, текст копии подвергался правке. Мы выделили следующие ситуации (см. также [Дебрэнн, 2016]):

- переписчик правильно переписывает правильный текст (так выглядит большая часть имеющихся у нас рукописей);
- переписчик допускает ошибку в исходно правильном тексте и тут же исправляет ее (чернила, почерк совпадают). Это может быть аккуратное зачеркивание (рис. 9) или забирающее ошибочное слово в скобки, после чего пишется правильное слово;
- переписчик исправляет текст АД, содержащий ошибку;
- переписчику не удается разобрать исходный текст, и он оставляет пробел и/или вопросительный знак (см. ниже).

После этого с дневниками работает другой человек: он перечитывает копию, вносит свои поправки. Самый очевидный след работы этого человека – запись «проверено» (по-русски) на странице 189 тетради 601-4 (рис. 10).

Мы не знаем, кто это, возможно – Владимир Петрович или какой-нибудь другой близкий человек, имеющий право читать дневник. Работа по проверке дневников ведется в двух направлениях: форма и содержание, и в два этапа: пометка ошибки или непонятного места (возможно, карандашом) и внесение исправления. Следующую запись можно трактовать так: переписчик не разобрался, поставил прочерк. «Проверяющий» добавил вопросительный знак, а тот человек, который вносит исправления, сверившись с оригиналом, написал *bonheur* (рис. 11).

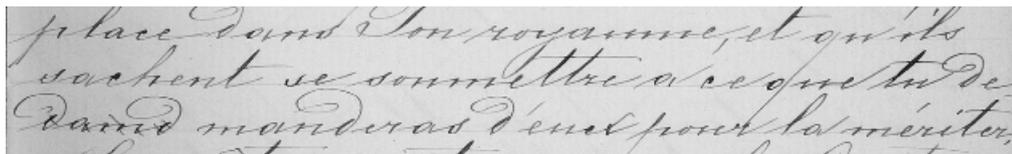


Рис. 9. Исправление по ходу переписывания: зачеркнуты буквы *damd*, правильная часть слова *-manderas* записана следом (601-3, {1846-05-17})

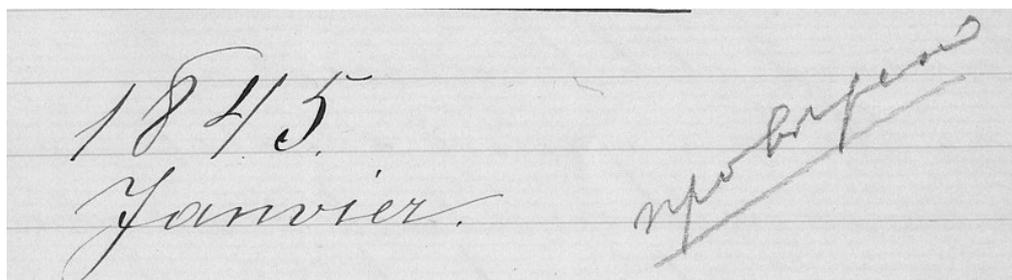


Рис. 10. Запись «проверено» (601-3, страница 189)

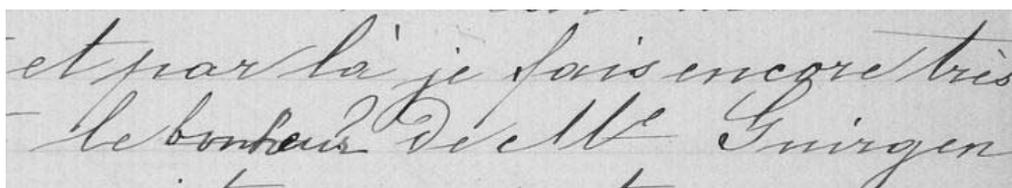


Рис. 11. Прочерк переписчика, вопросительный знак проверяющего с последующим решением вопроса (601-3, {1846-08-11})

Сопоставление оригинала и копии

Структурные отличия

Наблюдаются некоторые расхождения между наборами тетрадей (табл. 1).

Оригинал за 1831 г. отсутствует (записи с 15 февраля по 28 ноября). Зная привычку ОИОД с каждого нового года начинать новую тетрадь – так оформлено большинство оригинальных тетрадей, – можно предположить, что до нас не дошла целая записная книжка, тогда как в распоряжении переписчика она была. Также нет оригинала (на русском языке) дневника за 19 июня – 21 июля 1840 г., описывающего поездку в Сенгислен. Не понятно, почему этот рассказ был написан на русском языке, тогда как остальные дневники велись на французском.

Таблица 1

Сопоставление содержания тетрадей оригиналов и копий,
хранящихся в ГПНТБ и РГБ

РГБ, фонд 219	ГПНТБ, фонд Тих.	Даты записей
92-2	601-1	1830-04-03 (первая страница) 1830-09-23 – 1830-11-29+
	601-1	1831-02-15 – 1831-10-28
92-3	601-1	1830-08-14 – 1830-08-20
92-4	601-1	1833-12-21 – 1834-01-15
92-7	601-1	1835-08-14 – 1837-01-01
92-1	601-2, с. 1–69	рассказ без даты, затем 1834-07-16 – 1835-07-02
92-6		1834-07-30 – 1834-08-03
92-8	601-2, с. 71–138	1837-01-01–1837-09-25
	601-2, с. 139–147	1840-06-19 – 1840-07-21
92-10	601-2, с. 148–174	1843-05-05 – 1843-12-23
	601-2, с. 174–176	1847-07-22
	601-2, с. 177–179	1849-09-19
92-13	601-2, с. 180–247	1843-12-20 – 1844-03-19
92-13	601-4, с. 1–188	1844-03-20 – 1844-12-24
92-11	601-4, с. 189–246	1845-01-01 – 1845-04-12
	601-3, с. 1–105	1845-04-13 – 1846-01-01
92-12	601-3, с. 106–253	1846-02-23 – 1847-03-21
	601-5, с. 1–32	1847-03-22 – 1847-08-27
92-15	601-5, с. 32–63	1847-06-23 – 1847-06-18
92-14	601-5, с. 63–80	1847-08-27 – 1847-09-03
93/1	601-5, с. 83 до конца	1869-10-11 – 1870-01-06
93/1	601-6	1870-01-07 – 1869-04-26

Примечание: даты записей указаны по старому стилю.

Небольшой дневник, написанный между 30 июля и 3 августа 1834 г. не переписывался: на самом деле речь идет об отдельных листах, написанных во время отсутствия мужа (см. выше).

Нумерация единиц хранения ни в РГБ, ни в ГПНТБ не соответствует хронологическому порядку ведения дневников (а также собственной нумерации ОИОД или переписчика, как она обозначена в 601-1 и 601-2).

Нарушенная последовательность переписывания в 601-1 (сначала «тетрадь № 2», затем «№ 1», потом «№ 3» при отсутствующей гипотетической № 3 за 1831 г.) объясняется ошибкой переписчика: мы видим на первой странице «Читать сначала тетрадь № 1, ошибочно переписанную 48 страницами далее».

Композиция тетради 601-2 сложна. Может показаться, что вводная «первая глава», где ОИОД описывает свое детство, молодость, знакомство с женихом, рождение дочери, вплоть до 1834 г. (что перекликается с записями, переписанными в 601-1 соответственно за 1830, 1831 и 1833 гг.), была написана отдельно, когда был задуман проект переписывания. Однако это не так. Оригинал этой краткой биографии начинает записную книжку в 92-1 и был, видимо, написан в 1834 г. Затем следуют отдельные, не связанные друг с другом, записи большей частью духовного содержания. И только со страницы 180 копия дневников приводится в хронологическом порядке и продолжается в остальных тетрадях: конец декабря 1833 – зима 1844 г. в 601-2, март 1844 – апрель 1845 г. в 601-4, апрель 1845 – март 1847 г. в 601-3 и март-сентябрь 1847 г. в 601-5.

Помимо текстологических и девиатологических отличий между тетрадями, о которых речь пойдет далее, главным отличием между ними является то, что оригиналы написаны с соблюдением старой орфографической нормы (по крайней мере, в части написания окончаний *-ois / -oit*), тогда как в копиях соблюдается новая, зафиксированная в шестом издании словаря Французской академии 1835 г. Однако сам по себе этот переход от старой орфографии к новой не позволяет датировать копирование дневников: известно, что окончания *-ait / -ais* использовались довольно регулярно во Франции задолго до 1835 г., такую орфографию, например, рекомендовал и использовал в своих произведениях Вольтер. С другой стороны, Шатобриан так и не перешел на нее, и журнал «Ревю де Дё Монд» (который Орловы-Давыдовы читали, об этом есть дневниковые записи) перешел на новую орфографию лишь в 1920 г. Согласно Н. Каташ, неверно думать, что Французская академия придала официальный статус реформе в 1832 или 1835 г., – к этому времени новая орфография уже всю использовалась [Catach, 2001].

Частным регулярным отличием оригиналов и копий дневников ОИОД является тот факт, что в оригиналах собственное имя *Владимир* – не только имя ее брата, мужа и сына, но также название города Владимир – пишется *Vladimir*, согласно французской транскрипции, тогда как в копии использована немецкая транскрипция *Wladimir*. В тех случаях, когда нужно разграничить в тексте брата и мужа, ОИОД не предпринимает ничего особенного (или пишет, например, *Vladimir mari*), тогда как переписчик использует сокращение *VLF* (для *Vladimir frère*). Однако не он является автором этого сокращения, оно встречается один раз в оригинале (рис. 12).

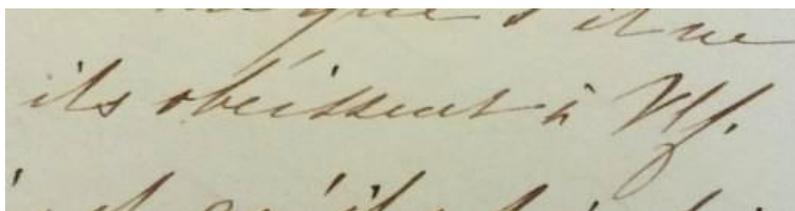


Рис. 12. Единичный пример использования сокращения Vlf (Vladimir-frère) в оригинале (92-11, {1845-01-24})

Как указано выше, копирование дневников не могло произойти раньше 1849 г., а возможно, даже после 1870 г. (год смерти Владимира Владимировича). Соответственно, между написанием дневников и их копированием прошло много времени. За это время могли потеряться несколько страниц. Тетрадь 92-12, содержащая записи за 1846 и 1847 гг., состоит из разрозненных листочков: исходная записная книжка полностью развалилась. Первая запись датирована 23 февраля 1846 г., что удивительно, поскольку обычно ОИОД начинала новый год с новой записной книжки. Перед этой записью – перечеркнутый фрагмент предложения: «plein de sa nouvelle existence» (наполненный новым существованием), который, видимо, является окончанием предшествующей записи. Копия этих записей находится в тетради 601-3, где после записи за 1 января 1846 г. (которой заканчивалась оригинальная записная книжка, хранящаяся в РГБ под номером 92-11) непосредственно следует запись за 23 февраля. Таким образом, можно заключить, что страницы оригинала 92-2, содержащие записи с 02.01.1846 по 22.02.1846, были утеряны еще до момента переписывания дневников. Аналогичным образом мы можем утверждать, что зачеркивание, вырезание или вырывание страниц из оригиналов имело место до начала переписывания: в некоторых случаях переписчик замечал, что не хватает фрагмента (рис. 13, 14).

Сопоставление ошибок и исправлений в дневниках

Девиатологический анализ дневников позволяет выделить следующую типологию ошибок и исправлений (табл. 2).

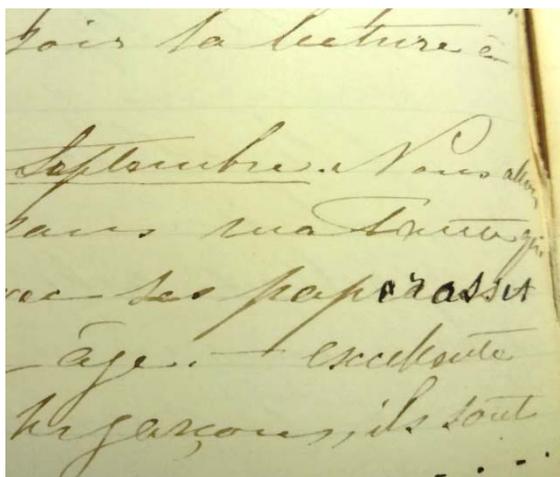


Рис. 13. След вырванных страниц из записной книжки 92-12 между записями {1846-09-01} и {1846-09-21} (тот, кто вырвал страницы, поставил отточие)

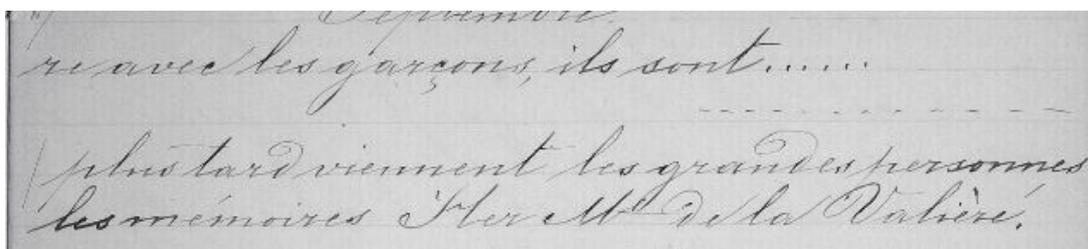


Рис. 14. Отточие вместо вырванных страниц в 601-3

Таблица 2

Сопоставительная типология ошибок и исправлений в оригиналах и копиях дневников ОИОД

№ п/п	Оригинал	Исправления в О	Копия	Промежуточный итог в К	Исправления в К	Итог – К после исправлений
1	б/о	н/и	К = О	б/о	н/и	б/о
2	б/о	н/и	К = О	б/о	нп/и	о
3	б/о	нп/и	К = О до испр.	о	н/и	б/о
4	б/о	н/и	К ≠ О	о	н/и	о
5	б/о	н/и	К ≠ О	о	п/и	б/о
6	б/о	н/и	К ≠ О	о	нп/и	о
7	б/о	вставка	К = О после вставки	вставка есть	н/и	б/о
8	б/о	вставка	К = О до испр.	вставки нет	н/и	о
9	о	н/и	К = О	о	н/и	о
10	о	н/и	К = О	о	п/и	б/о
11	о	н/и	К = О	о	нп/и	о
12	о	н/и	К ≠ О исправил ошибку	б/о	н/и	б/о

Окончание табл. 2

№ п/п	Оригинал	Исправления в О	Копия	Промежуточный итог в К	Исправления в К	Итог – К после исправлений
13	о	н/и	К ≠ О исправил ошибку	б/о	нп/и	о
14	о	н/и	К ≠ О	о	н/и	о
15	о	н/и	К ≠ О	о	нп/и	о
16	о	н/и	К ≠ О	о	п/и	б/о
17	о	п/и	К = О после испр.	б/о	н/и	б/о
18	о	п/и	К = О после испр.	б/о	нп/и	о
19	о	п/и	К = О до испр.	о	н/и	о
20	о	п/и	К = О до испр.	о	п/и	б/о
21	о	п/и	К = О до испр.	о	нп/и	о
22	о	нп/и	К = О до испр.	о	н/и	о
23	о	нп/и	К = О до испр.	о	п/и	б/о
24	о	нп/и	К = О до испр.	о	нп/и	о
25	о	нп/и	К = О после испр.	о	н/и	о
26	о	нп/и	К = О после испр.	о	п/и	б/о
27	о	нп/и	К = О после испр.	о	нп/и	о
28	о	нп/и	К ≠ О	о	н/и	о
29	о	нп/и	К ≠ О	о	п/и	б/о
30	о	нп/и	К ≠ О	о	нп/и	о

В таблице используются следующие сокращения: О – оригинал; К – копия; б/о – без ошибок; н/и – не исправлено; о – с ошибкой; нп/и – неправильное исправление; п/и – правильное исправление.

Перечислим участников процесса составления дневников и их копий: «автор (ОИОД)», «первый проверяющий», «переписчик» и «второй проверяющий». При этом мы допускаем здесь некоторое упрощение, поскольку как в первом, так и во втором случае, проверяющий и тот человек, который вносит исправления в текст, могут оказаться разными людьми. Заметим при этом, что, по нашему убеждению, в отличие от переписчика, второй проверяющий (исправляющий) не имел текст оригинала перед глазами.

Прокомментирует несколько типов сочетаний ошибок и исправлений в дневниках (см. табл. 2).

№ 3. Переписчик заметил, что исправление, допущенное первым проверяющим, неправильное, и восстановил правильный текст.

№ 13. Автор допустил ошибку, которую не заметил первый проверяющий. Переписчик переписал текст в том виде, в котором он его видел, не исправляя ошибку. Конечный проверяющий исправил ее, но неправильно, не полностью или ввел новую ошибку. В итоге мы видим ошибку в конечном тексте.

№ 20. Первый проверяющий исправил ошибку автора, но переписчик не учел (не заметил, не согласился) исправление и повторил ошибку автора. Второй проверяющий повторил исправление первого. В итоге переписанный текст – правильный.

Приведем несколько примеров.

Тип № 2

Оригинал: *Catinca n'avait plus eu le sein de toute la nuit* (92-8, {1837-08-22})

Копия: *Catinca n'avait plus eu le sein de toute la nuit* (601-2)

Второе исправление: *Catinca n'avait plus eu le sain de toute la nuit*

В данной ситуации «все испортил» второй проверяющий, непонятным образом изменивший правильное написание слова *sein* (грудь) на *sain* (святой), в результате чего предложение получается абсурдным (Катеньке за всю ночь не давали грудь / святого).

Тип № 4

Оригинал: *Ce matin nous avons été faire une visite à une pauvre femme, elle ne nous avait pas menti, elle n'a qu'un tout petit coin* (92-4, {1831-05-07})

Копия: *Elle ne nous avait pas averti* (601-1)

Оригинал читается без проблем. Переписчик по непонятным причинам сменил лексику, изменив при этом смысл предложения. К тому же допустил грамматическую ошибку, поскольку в данном случае нужно было согласовать причастие *avertis*.

Тип № 14

Оригинал: *j'ai trouvé Kitty, Alexandrine, et Deborah* (92-4, {1834-01-11})

Копия: *j'ai trouvé Kitty, Alexandrine, et Девочка* (601-1)

В оригинале имя написано с ошибкой, должно быть *Deborah*, первый проверяющий не исправил ошибку. Переписчик «прочитал» данное имя так, как будто оно написано кириллицей, и предложил вариант «Девочка», несмотря на то, что в записи за {1833-12-21} он то же имя распознал правильно и переписал. Второй проверяющий ошибки видеть и не мог – в принципе такой антропоним мог фигурировать в дневниках, хотя более нигде не встречается.

Тип № 10

Оригинал: *Une longue lamention* (92-8, {1836-12-27})

Копия: *Une longue lamention* (601-2)

После исправления: *Une longue lamentation*

Ошибка исправлена в итоге только вторым исправляющим.

Тип № 27

Оригинал: *Mr Kanitz m'en engagé pour la première walse* (92-8, {1837-01-03})

Копия: *Mr Kanitz m'y engagé pour la première fois* (601-2)

После исправления: *Mr Kanitz m'a engagé pour la première walse*

В оригинале есть грамматические ошибки, первый проверяющий ничего не исправил. Переписчик изменил текст, но не полностью. Второй проверяющий также попытался исправить его, но в итоге все равно ошибка в согласовании причастия осталась (должно быть «*m'a engagée*»).

Наконец, забавная ситуация произошла со следующим фрагментом:

Оригинал: *Le C^e M est parti et nous sommes restées seules à parler de notre pauvre sexe* (92-4, {1835-01-02})

В оригинале последнее слово плохо читается, оно подчеркнуто карандашом, т. е. тот, кто перечитывает, не понимает, о чем идет речь. Но слово не было исправлено. Интересно заметить, что существительное *sexe* нигде больше не встречается в дневниках. В копии сначала был пробел, потом карандашом (вторым проверяющим) поставлено совсем уж неуместное в этом месте *Jesus* (Иисус), и затем, поверх последнего, «вернулось» правильное *sexe*.

Таким образом, становится очевидным, что правильный в итоге текст может быть результатом нескольких, порой противоречивых, действий. Аналогичным образом возникновение ошибки в итоговом тексте может иметь несколько причин.

Гипотезы о переписчике

Скорее всего, мы никогда не узнаем, кто и когда переписал дневники ОИОД. Но его ошибки позволяют нам построить несколько гипотез.

Так же, как и ОИОД, но более систематически, он использует сицилиус над согласными для обозначения удвоения. Однако в некоторых случаях он этого не делает там, где ОИОД его применяет, что приводит к ошибкам, как, например, в слове *comunion* (вместо причастия *communion*).

Часто в ходе переписывания он раскрывает сокращения, использованные ОИОД, например, *dans* вместо *ds*, *heure* вместо *h.*, фамилию пишет полностью вместо сокращения, ср.:

Оригинал: *à 9h. je suis partie pour la soirée de Wittg* (92-7, {1836-12-31})

Копия: *à 9h. je suis partie pour la soirée de Wittgenstein* (601-2)

Оригинал: *Je ne me suis levée à 10 heures* (92-4, {1833-12-31})

Копия: *Je ne me suis levée qu'à dix heures* (601-1)

Иногда, переписчик не может разобрать почерк ОИОД, особенно в тех случаях, когда текст несет следы правки или содержит ошибку, и он оставляет пробел, сопровождая его вопросительным знаком. Так, в следующем фрагменте:

Копия: *L'une des petites ———? de voir brûler la maison de ses parents* (601-3 {1845-07-19})

Обращение к оригиналу указывает, что ОИОД написала:

Оригинал: *L'une des petites vacioit* (вместо *vacilloit*) *de voir brûler la maison de ses parents* (одной малышке стало плохо, видя, как горит родительский дом)

Отмеченная выше тенденция к факсимильности (особенно в первых тетрадах) приводит к тому, что иногда переписчик пишет слитно слова, которые ОИОД написала очень близко друг к другу, например: *j'ai exercé monchant et mon clavecin* (601-1, {1833-12-25}). Если присмотреться, можно увидеть, что ОИОД почти не поднимает перо, и все слова данного фрагмента написаны «слитно», что не означает, что она не воспринимала их как отдельные словоформы.

Изредка переписчик проявляет инициативу: дополняет ошибочно лакунарный оригинальный текст, см:

Оригинал: *je les déjeuner* (92-8, {1837-09-11})

Копия *je les déjeuner [2] ai laissé [1]* (601-2)

Слова «*ai laissés*» были пропущены в оригинале, переписчик написал как было, потому заметил, что предложение не полное, и указал, в каком порядке читать добавленные слова, правда, при этом допустил грамматическую ошибку, не согласовав причастие.

Возможно, дневники переписывались под диктовку, поскольку это ускоряет процесс. Этим можно объяснить возникновение таких ошибок, как неоднократное смешение *l'a* и *la*, *bonne heure* и *bonheur* (например, 601-2, {1843-12-23}); *qu'on nose regarder* (601-2, {1847-07-30+}); *Wladimir emparait content* (601-4, {1844-11-28}); и, в особенности, следующий фрагмент: *ensuite grande promenade dans le parc que je ne croyais pas aussi beau – la scène la traverse* (601-2, {1844-01-30}), где речь идет о реке Сене (la Seine), по обе стороны которой расстилается парк Нейи, где в тот день гуляли ОИОД и ее дети.

Нужно признать, что мы также находим подобные (очень редкие) ошибки в оригиналах (*ton* вместо *t'ont*, ({1833-12-23}) *bonheur* вместо *bonne heure* ({1843-12-23}). Впрочем, также

не исключено, что и составление оригиналов происходило путем диктовки текста черновых записных книжек.

При относительно одинаковом с ОИОД владении французским языком, переписчик не знает некоторых слов, которые она использует: *haineux*, *autographe*.

Скорее всего, он не путешествовал с ОИОД и не знает тех мест, которые она посетила. Этим объясняется большое количество ошибок в написании топонимов (особенно малоизвестных местностей и достопримечательностей), особенно если они записаны неразборчиво в оригиналах, например, в конце строчек. Так, топоним и антропоним в следующем фрагменте (рис. 15) были как-то проинтерпретированы переписчиком (из-за исправлений мы теперь не можем прочесть исходный текст переписчика), затем второй проверяющий исправил (рис. 16) на *Alexandrine la petite et moi nous avons fait une petite promenade à Ariccia appartenant aux Chigi*.

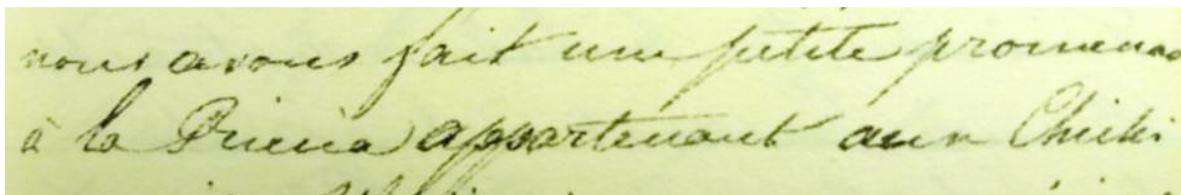


Рис. 15. «Мы <с малышкой и Александриной> прогулялись до [палаццо] Киджи в Аричче (92-1, {1835-03-25})

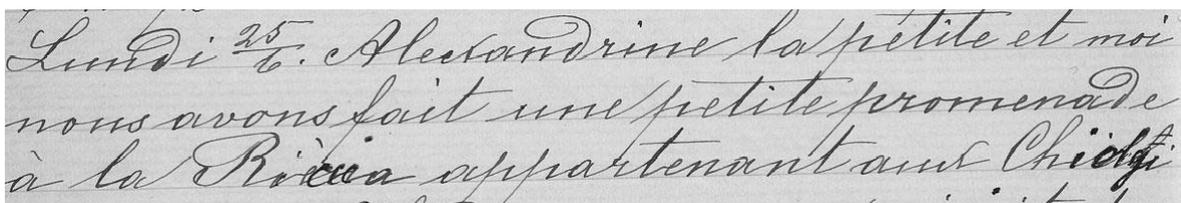


Рис. 16. Исправления вторым проверяющим

На этой же странице озеро *Неми* был назван переписчиком озером *Венеры*. В другом месте переписчик не разобрался в артефактах, названных ОИОД: *De là il nous a mené sur le Brigdjax où l'élégance et le luxe dominait* (601-4, {1844-09-05}), хотя в оригинале название корабля – *Brig Ajax* – легко читается.

Он также не знает некоторых фамилий (или кличек животных), при этом может не разбирать изначальную заглавную *R*, путает ее с *B*, в результате чего проповедник Регис (*Réguis*) становится местами Бегнисом (*Bégnis*), а домашний питомец (в 1833 г.) – то *Bosivelle*, то *Rosivelle*.

Временами создается впечатление, что переписчик работает автоматически, не задумываясь от том, что он пишет. Например, непонятный текст *Je ne puis pas oublier l'agrément de ma course avec Wladimir mis dans ce village* (601-3, {1846-02-26}) объясняется тем, что в оригинале (92-12) имя *Vladimir* переходит на следующую строчку (*Vladi-mir*). Видя *Vladi*, переписчик автоматически написал *Wladimir*, а оставшийся в начале следующей строчки *mir* воспринял как глагольную форму *mis* и вписал ее, несмотря на то, что она никак не связывается со смыслом предложения.

Невнимательность переписчика (или его невысокая вовлеченность в то, что он делает) объясняет также то, что он не всегда выбирает правильную словоформу там, где оригинал не очень хорошо читается, но контекст без проблем ее подсказывает: например, *soldat qui a été en Russie, aire Napoléon* (601-1, {1836-07-08}) вместо *avec*; *Victor m'en avait tout parlé* (601-4, {1844-09-05}) вместо *tant*, *avoir le temps de dessiner les églises qu'il remontre sur la route* (601-5, {1847-08-29}) вместо *rencontre*; *mes craintes de me laisser déperdre* (601-4, {1844-07-29}) вместо *duper*. Поскольку выбранная лексема внешне написана правильно, второй прове-

ряющий не всегда замечает ошибку. В последнем случае, впрочем, он ее исправил. Как видно из перечисленных примеров, подобных ошибок много в тетради 601-4, – возможно, проверяющий был менее внимателен.

Переписчик не всегда разбирается в исправлениях оригинала, как в следующем случае.

Оригинал: *on m'a apporté la petite qui a montré beaucoup de preuve d'intelligence en voulant remettre le d'un flacon* исправлен на *on m'a apporté la petite qui a montré beaucoup de preuve d'intelligence en voulant reboucher un flacon*.

Переписчик оставляет ненужный *d'*: *on m'a apporté la petite qui a montré beaucoup de preuve d'intelligence en voulant reboucher d'un flacon*, и только второй проверяющий его вычеркнет.

Наконец, красной нитью по всем тетрадам проходит одна и та же ошибка переписчика – он, видимо, не знаком с сестрой Владимира Петровича Елизаветой, носящей домашнее имя *Лизинька*. Во всех оригиналах это имя пишется *Lisinka*, а переписчик упорно пишет *Lissima* (изредка *Lisima*). За ним проверяющий почти везде исправляет это имя на *Lisinka*. Елизавета Петровна Давыдова (1805–1878) – вторая из трех сестер мужа ОИОД, жена Юрия Алексеевича Долгорукова, близкого к семье ОД человека. Этот факт, а также частые ошибки в орфографии фамилии Egloffstein (мужа Александрины Петровны, младшей сестры Владимира Петровича) наводят на мысль о том, что человек, переписавший дневники ОИОД, был мало знаком с родственниками ее мужа.

Рекуррентной ошибкой переписчика является невнимательное отношение к титулатуре названных действующих лиц, приводящее к путанице и ошибкам в согласовании в роде: *графиня* вместо *графы*, *княгиня* вместо *князя* и т. д., например: *Le P^{ce} Alexandre Lubomirsky s'est fait annoncé* (92-4, {1834-01-11} исправлено на *annoncer*) в копии оказывается: *La P^{cesse} Alexandre Lubomirsky s'est fait annoncé* (601-1).

Выводы

В дальнейшем будут тщательно сопоставлены оригиналы и копии дневников ОИОД, и мы сможем привести количественные показатели наполняемости всех выделенных категорий и их динамику. Первые наблюдения наводят на мысль о том, что в начале, особенно в тетради 601-1, в которой переписаны «младшие» оригинальные тетради, где много грамматических ошибок (в особенности на согласование причастий), переписчик проявлял тенденцию слепо переписывать текст в том виде, как он его видел, повторяя тем самым ошибки автора. Возможно даже, у него была установка сделать своеобразную факсимильную копию, повторяющую все особенности идиостиля автора. В дальнейшем количество ошибок у ОИОД снизилось, зато переписчик стал менее внимателен и местами переписал текст бездумно, не пытаясь разобраться в почерке автора, а то и пропуская фрагменты. Напомним, что в целом объем переписанных дневников составляет 163 259 слов (около 1 880 тысяч знаков) и работа по переписке дневников определенно растянулась на несколько месяцев.

Список литературы

Дебрени М. Сопоставительный девиатологический анализ переписанных дневников О. И. Давыдовой и первичных текстов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 3. С. 59–75.

Catach N. Histoire de l'orthographe française. Paris, Champion, 2001. 425 p.

Martin J.-A. Recueil de prières, de psaumes et d'instructions, tirées de l'Écriture Sainte, pour servir au culte domestique et à l'éducation religieuse des familles. Genève, 1805.

Michèle Debrenne

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

micheledebrenne@gmail.com

**A COMPARATIVE TYPOLOGY OF ERRORS AND CORRECTIONS
IN ORIGINALS AND COPIES OF O. I. ORLOVA-DAVIDOVA'S DIARIES**

The present work is part of a large project devoted to the study and publication of Olga Ivanovna Orlova-Davydova's diaries. The original notebooks of the diaries are held by the Russian Science Library (Moscow), and hand-written copies made, presumably, during the life of the author, are kept in the State Public Scientific Technical Library (Novosibirsk). These diaries describe events related to the years 1830-1849. The tasks of the research team include an electronic marked edition of the French original text with full tagging of the linguistic corpus, its annotated translation with historical and cultural quotes, as well as a series of studies on the author's language and her bilingualism. In this article, a thorough analysis of the stages of making diary entries and their rewriting is given. The study of errors occurring at each stage allows to draw conclusions about who and when the diaries were copied.

Keywords: diary, deviatology, 19th century, French language.

References

Catach N. Histoire de l'orthographe française, Paris, Champion, 2001, 425 p.

Debrenne M. Comparative error-based analysis of the copied Davidova's diary and its original. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 3, p. 59–75. (in Russ.)

Martin J.-A. Recueil de prières, de psaumes et d'instructions, tirées de l'Écriture Sainte, pour servir au culte domestique et à l'éducation religieuse des familles. Genève, 1805.

For citation:

Debrenne Michèle. A Comparative Typology of Errors and Corrections in Originals and Copies of O. I. Orlova-Davidova's Diaries. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 127–143. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-2-127-143

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Астахова Татьяна Николаевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Архангельск
- Бентя Евгения Викторовна** – аспирант кафедры межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- Бочкарев Андрей Евгеньевич** – доктор Парижского университета «Сорбонна» (IV), доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород
- Герасименко Екатерина Андреевна** – студентка 4 курса бакалавриата Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
- Дебрени Мишель** – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- Домрачев Михаил Александрович** – кандидат филологических наук, программист компании «2ГИС», Новосибирск
- Захарова Елена Сергеевна** – студентка 4 курса бакалавриата Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
- Люкина Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
- Пужаева Светлана Юрьевна** – аспирант Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
- Рахилина Екатерина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
- Сопина Александра Львовна** – аспирант, ассистент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Санкт-Петербургского электротехнического университета «ЛЭТИ», Санкт-Петербург
- Соснин Алексей Владимирович** – кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород
- Судоплатова Светлана Николаевна** – студентка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- Сундуева Екатерина Владимировна** – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ
- Цыренов Бабасан Доржиевич** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ
- Яковлев Андрей Александрович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, Красноярск

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие *резюме статьи* на русском и английском языках (по 5–7 предложений), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова на двух языках, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

М. А. Кузьмина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

mash_room@mail.ru

РУССКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ АБСТРАКТНАЯ АДЪЕКТИВНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений русской и итальянской адъективной метафоризации на основе номинаций «абстрактных» признаков объектов. Выявляются наиболее регулярные направления метафорического переноса, отмечаются общие и специфические черты метафорообразования в двух языках.

Ключевые слова: адъективная метафора, метафоризатор, направление метафоризации.

Основной текст статьи

Список литературы (в алфавитном порядке без нумерации)

Список словарей

Список источников

Материал поступил в редколлегию 25.09.2016

M. A. Kuzmina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

mash_room@mail.ru

THE RUSSIAN AND ITALIAN ABSTRACT ADJECTIVAL METAPHORIZATION

The paper presents semantic comparison and analysis of Russian and Italian adjectival metaphORIZATION tenors, the vehicles and metaphors both being abstract nominations. By revealing of the most regular tenors, common and specific metaphORIZATION features are demonstrated.

Keywords: adjectival metaphor, vehicle, metaphORIZATION tenor.

References

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильин Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr отдельными файлами. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго опре-

деленные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, nml.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лин-

гвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18285 в каталоге ОАО «Роспечать»